Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»

на правах рукописи

МЕЛЬНИКОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА

ТАТУИРОВКА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ ВИЗУАЛЬНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА)

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор культурологии,
профессор Н.А. Коноплева

Владивосток - 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……..……..……... 4

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования проявлений визуальности человека ……..…..... 23

1.1 Методологические подходы к исследованию татуировки как социокультурного кода визуальности человека..... 23

1.2 Телесность человека как социокультурный феномен..... 33

1.3 Культурно-исторические основы татуировки….....…… 47

1.4 Социокультурные характеристики современных молодежных субкультур ……..... 65

1.5 Визуальные факторы репрезентации представителей **молодежных субкультур и роль татуировки 84**

Глава 2. Татуировка как форма репрезентации телесности современной молодежи (на примере г. Владивостока).....… 104

2.1 Влияние городской среды на жизнедеятельность молодежи и формирование субкультурных объединений..... 104

2.2 Визуальные социокультурные характеристики субкультурных объединений г. Владивостока ……..... 113

2.3 Специфика знаково-символических проявлений татуировки молодежи г. Владивостока …..... 136

Заключение……....……... 147

Список литературы.....……....……. 150

Приложение А (справочное) Визуальные характеристики представителей субкультуры «скинхеды»..... 175
Приложение Б (справочное) Визуальные характеристики представителей субкультуры «панки»..... 177
Приложение В (справочное) Визуальные характеристики представителей субкультуры «готы»..... 179
Приложение Г (справочное) Визуальные характеристики представителей субкультуры «эмо»..... 181
Приложение Д (обязательное) Анкета-опросник «Проблемы

жизнедеятельности молодежи г. Владивостока» . 182
Приложение Е (обязательное) Анкета-опросник «Принципы использования татуировки молодежью г. Владивостока»..... 184
Приложение Ж (справочное) Визуальные характеристики представителей субкультуры «хиппи»..…..... 188
Приложение З (справочное) Визуальные характеристики представителей субкультуры «репер»..... 189
Приложение И (справочное) Услуги татуажа, предоставляемые в г. Владивостоке.....……... 190
Приложение К (обязательное) Результаты анкетирования «Принципы использования татуировки молодежью г. Владивостока»..... 194
Приложение Л (справочное) Японский стиль татуировки….. 200
Приложение М (справочное) Кельтский стиль татуировки.... 201
Приложение Н (справочное) Славянский стиль татуировки... 202
Приложение О (справочное) Краткие психофизические характеристики цвета по Н.З. Алиевой..... 203
Приложение П (справочное) Методика «ценностные ориентации» М. Рокича 204
Приложение Р (обязательное) Символика татуировок представителей субкультуры «готы», г. Владивостока 206
Приложение С (обязательное) Символика татуировок представителей субкультуры «эмо», г. Владивостока..... 209
Приложение Т (обязательное) Символика татуировок представителей субкультуры «байкеров», г. Владивостока..... 210
Приложение У (обязательное) Символика татуировок представителей субкультуры «аниме», г. Владивостока..... 212

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время активизировались поиски подходов и методов к анализу таких проявлений человека, как имидж и его визуальные характеристики. Это обусловлено особенностями современной культуры, отличающейся изменениями смысложизненных ориентиров молодежи.

За последние десятилетия молодежный стиль жизни в России претерпел кардинальные изменения. В связи с преобладанием в коммуникациях информационных технологий, создающих иллюзию общения, молодежь в сущности разобщена, зачастую теряется в современных социокультурных реалиях и испытывает трудности в жизнедеятельности, адаптации и социализации.

Вместе с тем никуда не исчезнувшая необходимость человека в коммуникации с себе подобными, осложненная поверхностностью общения в современной культуре, приводит к тому, что молодежь, особенно испытывающая кризис идентичности, стремится к поиску людей, близких ей по ценностным мироощущениям, потребностям и установкам для облегчения процесса социокультурной адаптации. В результате молодежь включается в различные групповые объединения и субкультуры. Одним из визуальных знаков, информирующих о подобном объединении молодежи, является татуировка.

Субкультуру можно рассматривать как культуру в культуре, как подсистему, вступающую в диалог с базовой культурой. Этот диалог может принимать формы обновления культуры, ее развития или противостояния. Вхождение в субкультуры становятся одним из инструментов социокультурного обновления и адаптации молодежи, привносящей в культуру новые смыслы, ценностные установки, принимаемые либо отвергаемые обществом.

Значимость исследования визуальных социокультурных характеристик

современной молодежи обусловлена, с одной стороны, тем фактом, что визуальные знаки являются информативными для понимания окружающих, с другой – тем, что поведение молодого человека достаточно ритуализовано и завуалировано правилами хорошего тона, семейными традициями, культурными требованиями к формированию социальных ролей.

В современной культуре актуализируется интерес исследователей к анализу различных социокультурных кодов, фиксирующих её характеристики. Социокоды являются информационно-коммуникативными посредниками культур различных исторических периодов, обеспечивая трансляцию и усвоение значимой для конкретной культуры информации.

Актуальность работы обусловлена распространением такого визуального проявления телесной культуры современного человека, как татуировка. Необходимость ее культурологического осмысления связана с тем, что, вскрывая истоки её происхождения, логику развития, можно делать обобщения, касающиеся специфики зарождения и развития форм маскировки и телесной модификации человека, продемонстрировать, в частности, значение татуировки для понимания ценностных смыслов жизни современного человека.

Исследование татуировки позволяет осознать её как информационный знак, демонстрирующий преобладающие смысложизненные ориентиры современной молодежи, как один из социокультурных кодов, фиксирующих особенности культуры на разных этапах исторического развития.

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена совокупностью ряда ключевых проблем:

– потребностью исследования современной молодежи в аспекте используемых ею телесных изображений, имеющих различные функции и являющихся определенным социокультурным информационным кодом, демонстрирующим ценностные ориентации современной молодежи в ситуации смыслового культурного дефицита;

– недостаточностью в современных социогуманитарных науках исследований знаков и символов телесности представителей молодежных

субкультур;

– спецификой проявлений телесного украшательства молодежью региона, расположенного на границе ряда этнокультур.

Результаты анализа социокультурных кодов оформления телесности человека могут представлять интерес для исследователей с точки зрения осмысления мировоззренческих и ценностных установок в современной молодежной среде.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественных и зарубежных науках существует литература, посвященная проблемам молодежи. Первые исследования молодежи появились в начале XX века (Г.С. Холл, Ш. Бюлер, Э. Шпрангер и др.). Молодежные проблемы были предметом интереса Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Смелзера и др. В науках обозначились два основных направления осмысления молодежи: как носительницы психофизиологических проявлений молодости; как субъекта и объекта в процессе смены поколений.

Анализ социокультурной проблематики молодежи активизировался с 50-х годов XX века и выразился в социологических исследованиях жизненных планов молодежи, её ценностных установок, мотивационных аспектов поведения в различных сферах жизнедеятельности (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, А.Г. Харчев, И.С. Кон, Н.М. Байков, И.М. Ильинский, С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский, В.А. Ядов и др.). Исследования субкультур с позиции философии культуры проводились О.Н. Римской, В.П. Римским, Д.В. Громовым и др. С позиций культурологического подхода молодежные субкультуры изучались такими авторами, как С.Н. Иконникова, Н.Д. Саркитов, Е.А. Петраш, А.С. Запесоцкий, О.В. Чибисова и др.

Исследования субкультур в аспектах проявлений элементов фольклора, правового кодекса, стиля жизни, системы ценностей проводили С.В. Косарецкая, С.И. Левикова, И.М. Ильинский, Е.А. Омельченко, В.А. Луков, В.И. Ильин, Н.М. Байков и др. В монографии Т.Б. Щепанской «Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования

системы 1986 – 1989 гг.» рассматривались субкультуры с позиции используемых её представителями символических знаков.

Семиотический метод в исследовании молодежных субкультур дал возможность исследователям выявить характеристики вербальной и невербальной коммуникации в молодежной среде, способов социально-символического кодирования повседневности (С.С. Аверинцев, В.М. Розин, Е.Г. Крейдлин, О.А. Губанов, В.А. Луков, С.И. Левикова и др.).

В настоящее время актуализировалось внимание исследователей к сущности телесных проявлений человека, что свидельствует об актуальности исследования этих аспектов. Так И.М. Быховская, указывает на то, что реальный человек никогда не переставал быть, прежде всего, «Homo Somatikus», человеком телесным [26]. Визуальность, в центре которой – тело человека, всегда привлекала внимание исследователей. Одной из причин этого может быть то, что, несмотря на внешнюю телесную атрибутику, обусловленую требованиями культуры разных эпох к телу человека, его оформление исторически имело в своей основе реализацию защитных функций.

Вместе с тем можно предположить, что татуировка, как одно из проявлений природной функции маскировки, выполняет ряд и других культурных функций. Это – малоизученный феномен, который, как и игра, сопровождает все этапы развития цивилизации и человека. Татуировка представляет собой древнее универсальное явление, так как тело человека, начиная с архаической культуры, несло на себе текст, обозначенный соответствующими знаками, имевшими информационное и психологическое значение. Возможно, что они (знаки) «вообще оказали исключительное воздействие на становление разумного человечества» [85, с. 13]. Об этом свидетельствует история развития общества, сохранившая татуировку в телесности культур разных этносов.

Телесные практики играют значимую роль в субкультурах, являясь одним из способов формирования знаковых характеристик субкультуры. Распространено мнение, что вхождение в субкультуру всегда сопровождалось

своего рода инициациями, однако, как отмечает Е.В. Малахова, «между древними и современными «инициациями» есть ряд функциональных различий, коренящихся, как нам кажется, в первую очередь, в понимании идентификации и самоидентификации, ради которых, собственно, и проводятся эти обряды» [191, с. 78].

Проблему увлечения молодежью татуированием своего тела невозможно рассматривать только в рамках субкультур. Значительная часть молодых людей, не связанных с какими-либо субкультурными объединениями, имеет татуировки на различных доступных или не доступных визуально частях тела. Этот факт приводит к мысли, что данный способ маркировки имеет другие значения для молодежи, а не только символизирует стремление вхождения в групповые объединения для решения внутриличностных проблем и конфликтов, с которыми молодежь сталкивается в социуме. Можно согласиться с мнением Р. Салецл, отмечающей, что «возврат к старым традициям нужно понимать как способ, позволяющий субъектам совладать с тупиками предельно индивидуализированного современного общества» [119, с. 151].

Кроме того, отметим факт наличия лишь нескольких полноценных научных разработок, связанных непосредственно с исследованием феномена татуировки. Являясь принадлежностью тела человека, татуировка разными аспектами исследуемой проблематики входит в сферу ряда наук. Приоритет принадлежит этнографии и антропологии, представители которых раньше других обратились к поразительным фактам – разнообразию форм, способов, сюжетов «неизгладимых знаков» человека (Л.Я. Штернберг, 1905). Более того, ученых не могла не заинтересовать значимость для традиционного общества рисунков на теле. Европейские исследователи традиционных культур Африки, Азии, Океании, Америки уделяли внимание этому фактору, имевшему значение для «дикарей». Труды Фридриха фон Гельвальда под общим названием «Земля и ея народы» содержат описание народностей Америки, Африки, Океании и Полярных стран: «Существуют племена, которые не носят одежды, но никогда еще не приходилось встречать племен, которые бы не украшали своего тела»

[35, с.15].

Историками отмечено, что на протяжении всего развития человечества украшательство своего жилища, одежды и тела является неотъемлемой частью человеческой жизнедеятельности. Исследователи и путешественники отмечали в своих заметках, что для изменения внешнего облика люди использовали многое, начиная от разного рода глины, земли, до таких экзотических плодов, как генин и руку, которые были одними из самых ценных предметов торговли в тропических странах и Южной Америке. Для человека всегда актуальным было для украшения своего тела использование средств той местности, на которой он проживал. Подробное описание рисунков татуировок представлено в работе Дж. Леббока «Начало цивилизации. Первобытное состояние человека, умственное и общественное состояние дикарей» [70].

Обилие татуировок на лицах и телах индейцев Бразилии поразило известного антрополога Клода Леви-Стросса. В описании своего путешествия он не только характеризует в целом быт и жизнеустройство этих племен, но и уделяет особое внимание татуировкам, фотографируя их носителей. Кроме того, автор выделяет элементы рисунков росписи по телу.

Татуировки «дикарей» настолько поражали мореплавателей, что их носителей привозили в Европу для специального изучения [73]. Считается, что татуировки «завезли» в Европу мореплаватели, которых разрисовывали аборигены, иногда по мотивам и эскизам самих заказчиков.

Наличие традиции разрисовывать части тела у европейских народов осталось неосмысленным, хотя различные знаки наносились на скрытые от посторонних глаз части тела в разных культурных объединениях. Русские путешественники и этнографы, осваивая Сибирь и Дальний Восток, отмечали широко распространенный обычай у аборигенных народов наносить рисунки на разные части тела. Первоисточники и сведения о жизненном укладе, религиозных обрядах народов, оформлении ими тела, включая и татуировки, носили характер обычаев незнакомых и экстравагантных и были описательными. Но факт распространения этого явления почти у всех этносов в

разных точках Земли навел ученых на мысль о значимости татуировки как культурного феномена. Оказалось, что северные и дальневосточные народы активно используют различные способы для нанесения знаков на лице и остальных частях тела. Так, Ф. Ратцеля поразила татуировка лица, производимая иголкой и ниткой. Такой способ он увидел у тунгусов, якутов и остяков. Эти народы довольно часто татуируют руки. Чаще всего это были несложные геометрические фигуры – круги, точки, соединенные в фигурки в виде ушной раковины, завитков, иногда четырехконечных розеток. В большинстве своем в изображениях господствовала прямая линия, а также ряды мелких кружков и зигзагов, группирующихся в фигуры треугольников, квадратов или вытягивающихся в линию [112].

Данное описание приведено с целью подчеркнуть сложность техники создания рисунков и их содержания. Е.Р. Шнейдер, описывая искусство туземных племен, отмечает сложность исполнения татуировки у приморских эскимосов и чукчей, при этом подчеркивал, что и то, и другое носит ритуальный и магический характер [10].

Упоминания, описания и попытки определения мотивов декорирования тела находим в работах таких авторов, как А. Ф. Миддендорф [89], Н.Л. Гондатти [39], Б.О. Пилсудский [106], П.Г. Васкевич [28], Л.Я. Штернберг [145, 146].

Следует отметить, что татуировка была фактом настолько впечатляющим, что о ней писали далекие от этнографии люди. В сборнике очерков, рассказов и воспоминаний военных топографов «В трущобах Маньчжурии наших восточных окраин» есть страницы, посвященные описанию этого явления [29].

С эпохи великих географических открытий увлечение рисунками на теле с быстротой распространилось по всему цивилизованному миру, несмотря на осуждение и запреты, продолжало существовать и существует по настоящее время. Пожалуй, первой и самой полной работой по анализу татуировки является работа польского ученого Анджея Ельски, который рассматривает природу этого явления, историю его развития и распространения, различные

формы татуировки, стили, функции и связи со сферой духовной жизни общества. Автором также предпринята попытка классификации татуировок, которая до настоящего времени остаётся единственной. Завершается исследование попыткой анализа причин, побуждающих индивида к сложной и болезненной процедуре татуажа. А. Ельски подчеркивает, что трудно выделить одну из причин, мотивация представляет собой сложнейший их комплекс. «Не просто утверждать, было ли выполнение определенного узора конкретной причиной либо же их комплексом» [46, с. 17].

Обычай разрисовывать тело определенными знаками как особым символическим языком для «посвященных» является темой исследования для ряда специалистов. Определенный интерес в этом аспекте представляет публикация о криминальной и художественной татуировке О.П. Дубягиной, Ю.П. Дубягина, Г.Ф. Смирнова [42]. Работа представляет собой несколько небольших очерков о происхождении татуировок, описание их особенностей, связанных с этническими традициями. Значительная часть книги посвящена различным значениям криминальных рисунков. Определенную ценность представляет обширная предметно-алфавитная классификация татуировок, распространенных в уголовном мире. В своем заключении авторы перечисляют причины живучести татуировок, которые вполне созвучны мнениям других исследователей. Однако вызывает сомнение следующее их заявление: «…татуировка как уже сложившееся высокое достижение бытовой культуры и одновременно как важный элемент социально-родоплеменного атрибута и власти (по мотивационно-целевому происхождению) завершает своё становление и развитие» [42, с. 28].

Фундаментальной работой в области исследуемой проблемы является монография М.Б. Медниковой «Неизгладимые знаки: Татуировка как исторический источник» [85]. М.Б. Медникова отмечает «торжество татуировок, наблюдаемое в конце XX – начале XXI века. Распространение татуировок помогает нам понять, в каком направлении меняется окружающий мир. Но меняется ли мир в душе человека?» [85, с. 207]. Среди публикаций,

касающихся исследуемой проблемы, не было более полноценного труда, чем эта монография, труда, разрабатывающего оригинальные научные идеи на фоне привлечения большого количества источников и наличия убедительных доказательств. Завершает монографию раздел «Современность и традиции», где автор предлагает свое видение современной ситуации в молодежной среде. Исследователь осуществляет попытку определить те черты нашего времени, которые явились причиной возращения к древней традиции разрисовывать свое тело.

В ряде публикаций, связанных с анализом телесности, есть разделы, посвященные татуировкам. Так, в монографии В.А. Круткина, посвященной онтологии человеческого тела, отмечаются функции телесности человека, описываются те фундаментальные основания, которые приводят к различным манипуляциям с телом. «В центре» антропологии тела находится культура, однако она понимается не как чуждая и внешняя человеку реальность, а как продолжение его тела. Тело – посредник, связующий человеческое «Я» с культурой [67]. Автор подчеркивает, что ритуализация телесных проявлений – это факт не только застывших обществ, но и тех, где культуры меняются.

В.Н. Никитин в монографии «Психология телесного сознания» рассматривает некоторые аспекты телесности [96]. В работу включен раздел, посвященный обоснованию феномена выражению «прописки» представителей молодежных субкультур с помощью особым образом визуального оформления тела. В другом своем труде «Онтология телесности», в разделе о невербальном семантическом пространстве автор отмечает, что социальные ориентиры и ценностные установки личности предопределяют направленность её внимания: вовне – на окружение, либо вовнутрь – на себя. То есть индивид выявляет свойства и качества социального объекта, и анализ этой информации позволяет ему выбрать наиболее продуктивное взаимодействие с окружающей средой [96].

Определенный интерес представляет работа И.М. Быховской «Homo Somatikus: аксиология человеческого тела» [26]. Здесь рассматривается процесс

и особенности превращения биологического тела «в тело социальное» и «тело культурное». Один из разделов автор посвящает телесности в субкультуре, где подчеркивает возрастание интереса к телесности в настоящее время.

Среди работ разного уровня, так или иначе связанных с молодежными субкультурами, в рамках существования которых много внимания уделяется визуальному их оформлению, выделяется труд С.И. Левиковой о сущности и фундаментальных основах феномена неформальной молодежной субкультуры. В третьей части книги автор рассматривает существующие субкультуры и дает подробные характеристики, в том числе и визуальные, каждой из них [72].

Важными для темы нашего исследования представляются работы Т.Б. Щепанской. Рассматривая субкультуру «система», известный этнограф посвятила отдельный раздел рассмотрению телесного кода. И хотя автором не анализируется татуировка как один из значимых элементов в системе визуального оформления представителей субкультур, вместе с тем в работе отмечаются два кода маркировки тела: вербальный (фиксация определенных деталей телесного облика в сленге) и идеографический (татуировка, пирсинг, скарификация). Заслуживает внимания описание и анализ телесных практик, которые можно назвать важной составляющей ритуальных действий традиционных культур [148].

Другая книга этого же автора, сосредоточенная на анализе символики молодежных групп, является важным источником понимания как механизма самоорганизации субкультур, так и значения символики в соприкосновении знаковой и других её социальных составляющих. Автор отмечает, что методы этнографии, выработанные в связи с изучением ритуала в «контурах» считывания информации с окружающей действительности, и её актуализации, являются основными для исследования субкультур. Ритуал, подчеркивает Т.Б. Щепанская, и есть процесс считывания [148].

Значимая информация к обоснованию особенностей молодежных субкультур в современное время содержится в ряде работ, посвященных их пониманию в целом и отдельным объединениям, в частности. Так, заслуживает

внимания труд Владимира Козлова «Реальная культура от Альтернативы до Эмо». Это, скорее, собрание информативных очерков о неформальных объединениях с описанием не только содержания субкультур, их отличий от таких же западных вариантов, но и истоков появления внешнего оформления тела их представителями [62].

Обширное, хорошо иллюстрированное исследование готических символов представляют в своей монографии Валерия Стил и Дженнифер Парк. Авторы утверждают, что сегодня слова «гот» и «готический» зачастую ассоциируются с одетыми в черное тинейджерами и ярко накрашенными рок музыкантами. Но само понятие готической культуры содержит несколько смысловых слоев. Исследователи поднимают вопросы происхождения этого стиля и сущности его притягательности для молодежи [126].

Этой же субкультуре посвящена статья С.И. Левиковой «Готика как она есть». Автор отмечает, что субкультуру не нужно считать болезнью общества. Это закономерный процесс развития социума. Она считает любую субкультуру определенной формой игры: «Недавно представители молодежной субкультуры играли в сказки (толкиенисты). Сегодня же играют в смерть» [186, с. 90].

В проанализированных публикациях татуировка как феномен интересовала исследователей в рамках проблематики их работ, посвященных культурным формам и процессам, и их интересы ограничивались лишь описанием ряда визуальных характеристик представителей субкультур, без внимания к анализу татуировки как информационному социокультурному коду, активизированному в современном обществе.

В этом контексте заслуживает внимания работа Е.Б. Павшук, в которой изложены сведения о появлении этого феномена в Западной Европе, даются описания сюжетов татуировок с иллюстрациями и осуществляется попытка объяснения мотивов, по которым личность прибегает к желанию разрисовать свое тело. Перспективным представляется взгляд на татуировку как на социальное письмо. Автор кратко касается разных точек зрения на это явление и высказывает заслуживающую внимания мысль, что татуировка это еще и

инструмент овладения собственным телом, а кожа – это граница между «реальным и виртуальным, явным и тайным, поверхностным и глубинным» [101, с. 6]. Такая точка зрения приводит к суждению, что значение татуировки для индивидуума имеет глубочайший смысл, как послание другому [101].

Определенный интерес представляют и размышления Е.В. Малаховой об отношении к телу представителей субкультур. Автор считает, что понять свое тело, сделать его знаком, придать иной смысл, чем тот, которым оно обладало ранее, – это и есть цели татуажа представителей молодежной субкультуры [191].

Л.Е. Этинген исследованию кожи человека посвятил статью, в которой, в частности, рассматривает и проблему татуировок, отмечая, что у каждого народа есть свои излюбленные места нанесения рисунков, сообщает некоторые интересные сведения об этом феномене [153].

С появлением хиппи и панков началась новая волна увлечения татуировками. И поскольку молодежь всегда была в поле зрения социологии, представители этой науки включили в область своих исследований молодежные субкультуры. При этом в анализ визуальных характеристик они включали и описания татуировок (В.А. Луков 2005, В.А. Гришин, 1990 и др.).

В диссертационном исследовании нами проанализированы основные точки зрения на причины не только увеличения числа лиц с татуировкой, но и выявлено приобщение к этой традиции новых социальных групп. Обоснование феномена татуировки сводилось к поиску ситуаций, напоминающих древние инициации. Ряд исследователей допускает, что работа со своим телом как объектом является одной из форм утверждения субкультурных ценностей и своеобразным обрядом инициации для принятия групповой идентичности (Т.Б. Щепанская, 2004; А.Л. Баркова, 2003; Е.В. Малахова, 2011). Почти во всех публикациях в качестве основного мотива манипуляций с телом называется необходимость адаптации в социуме. Однако ни в одной современной субкультуре практически нет сценария и действий, которые однозначно можно было бы трактовать как ритуал посвящения. Более того, нет в доступных

научных источниках попыток выявить общепринятые принципы в выборе тем, сюжетов или форм наносимых при татуировании рисунков. Возможно, этот факт послужил причиной обоснования мнения рядом этнографов, антропологов и социологов, того, что татуировка знак лишь принадлежности к группе и адаптации в культуре, но, вместе с тем, отметивших также глубинный и личностный характер этого феномена. Нельзя не согласиться с размышлениями М.Б. Медниковой о том, что при всей изученности истории вопроса остаётся совершенно неясным, что же лежит в основе сегодняшней тяги к изображению татуировкок на теле человека [85].

Недостаточное исследование проблемы выбора тем, сюжетов, стилей наносимых рисунков татуировки в контексте её использования представителями современных молодежных субкультур и молодежью, не включенной в объединения, служит основанием для обращения к этой проблематике автора данного диссертационного исследования.

Объект исследования – визуальные социокультурные характеристики современной молодежи.

Предмет исследования – татуировка как форма репрезентации социо-культурных кодов визуальности в молодежной среде.

Цель исследования – выявить функциональные роли татуировки и причины её актуализации в телесности человека на примере современной молодежи г. Владивостока.

Целевая установка определяет следующие **задачи исследования:**

1. Определить теоретико-методологические основы исследования татуировки.

2. Обосновать социокультурные и исторические основания татуировки, выявить её сущностные черты и функции.

3. Выявить специфику знаково-символических проявлений татуировки, используемой представителями современной городской молодежи (на примере молодежи г. Владивостока).

4. Эксплицировать значение татуировки как визуального знака,

отражающего обращенность представителей молодежных субкультур к ценностным ориентациям членов группового объединения.

5. Установить связь между актуализацией татуировки у современной молодежи и поисками ею устойчивой идентичности.

Источники исследования представлены комплексом документов, которые по содержанию и происхождению можно разделить на несколько групп.

В первую группу вошли политико-правовые акты, касающиеся молодежной политики в Приморском крае РФ: Законы Приморского края, Постановления Администрации г. Владивостока.

Вторая группа источников представлена архивными материалами из фондов Государственного архива Приморского края (ГАПК), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Однако, в 1994 г. был принят закон, освобождающий государственные учреждения и организации от обязательной сдачи документов на хранение в Государственных архивах, поэтому произошла колоссальная утрата ценнейших материалов и документов. Один из примеров: в описи 4 Ф. р. 1694 ГАХК указан Отчет о мониторинге здоровья, развитии детей, подростков и молодежи за 2005 г., однако этот документ отсутствует.

В процессе исследования изучены 6 фондов ГАХК: фото фонд 1, оп.2, д. 6332; ф. р. 849, оп. 1, дела 342 – 343 (Краеведческие Записки, в которых описана социокультурная ситуация на Дальнем Востоке в конце XX в.), а также ф. р. 1180, оп. 1, д. 61– Народно - декоративное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока; ф. 1938, оп. 1, д. 80 – Каталог выставки «Народные мастера Приамурья», в котором представлены инструменты для нанесения татуировки жителями Приамурья.

Третью группу составляют полевые материалы автора, собранные в 2006- 2012 гг. во Владивостоке: интервью с представителями молодежных субкультур, фотоматериалы, позволяющие осуществить анализ символического содержания татуировок, используемых современной

городской молодежью.

Отсутствие в архивах г. Владивостока документов по исследуемой проблематике, за исключением законодательных актов молодежной политики, а также обнаружение подобных документов при работе по гранту ГК № 02.438.11.7047 Роснауки федерального агентства по науке и инновациям в 2006 г. в Хабаровском государственном музее Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова, мотивировало нас, обратиться к исследованию данной проблематики в г. Владивостоке и использовать архивный материал Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) в качестве сравнительного. Материалы по культуре малочисленных народностей Дальнего Востока, находящиеся в архивах г. Хабаровска, позволили выявить элементы татуировок, исторически используемых в ДВ регионе.

Комплекс использованных источников содержит обширный достоверный материал, позволяющий решить основные задачи исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XX – начало XXI века, ставшие временем активных межкультурных коммуникаций и трансформационных процессов в идентификации представителей российского общества.

Территориальные рамки исследования ограничиваются пространством г. Владивостока, стоящего на «границе» с таким странами, как Китай, Япония, Корея, что обусловливает межкультурные взаимодействия и определяет специфику формирования, развития молодежных субкультур и использования молодежью в татуировке определенной символики.

Теоретико–методологическая основа определяется спецификой научной проблемы, целевой установкой и решением поставленных задач, что требует применения исследовательских приемов и процедур ряда методов, сложившихся в социогуманитарных науках. Теоретическую базу диссертации составили труды известных ученых в области антропологии, (Л.Е. Этинген, К. Леви-Стросс и др.), социологии (Э. Дюркгейм, И.М. Ильинский, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, Т. Парсонс, Н. Смелзер, В.Я. Ядов); культурологии (М.С.

Каган, С.Н. Иконникова), этнографии и антропологии (А.П. Окладников, М.Б. Медникова, Л.Я. Штернберг, Т.Б. Щепанская и др.). Этнографические исследования дают представление об особенностях использования татуировки в исторической ретроспективе.

В основе исследования лежит культурно-антропологический подход, позволивший определить особенности существования современной молодежи, ее включенность в различные культурные объединения. Применение приемов семиотического, структурно-функционального методов позволило выявить социокультурные основы татуировки, её сущностные черты, показать значение татуировки в качестве визуального знака приверженности представителей молодежи г. Владивостока ценностным ориентациям членов группового объединения. Использование данных методов помогло провести исследование, выявить базовые компоненты, определить функции, осуществить знаково-символический анализ татуировки в молодежной среде г. Владивостока.

Методологически важным аспектом в изучении татуировки явилось эмпирическое исследование, включавшее в себя методы включенного наблюдения, интервьюирования, анкетирования, методики психодиагностического тестирования, продолжавшегося шесть лет (2006 – 2012 гг.), в ходе которого были определены наиболее распространенные молодежные субкультуры г. Владивостока, выявлена специфика использования ими татуировки, а также установлены функции татуировки в среде молодежи, не включенной в субкультурные объединения.

Научная новизна диссертационного исследования обусловливается следующими положениями:

1. Определены исторические и социокультурные основы татуировки как социокультурного феномена, ее функции;

2. Выявлены знаково-символические проявления татуировок, используемых представителями современной городской молодежи;

3. Определены функции татуировки (эстетическая, самовыражения, демонстрации ценностных установок) в репрезентации телесности молодежью

г. Владивостока;

4. Установлена связь между актуализацией использования татуировки современной молодежью и поисками ею устойчивой идентичности за счёт объединения с себе подобными и формирования различного рода социокультурных групп (субкультур);

5. Обосновано значение татуировки как визуального знака приверженности представителей молодежных субкультур к ценностным ориентациям группового объединения.

Теоретическая значимость исследования определяется рядом положений, сформулированных, апробированных и доказанных в ходе исследования. Личный вклад диссертанта определяется авторской концепцией, согласно которой татуировка понимается как форма репрезентации молодежи, как её социокультурное «послание» обществу, в котором закодированы личностные проблемы индивидов. Проведенный анализ открывает научные перспективы для осуществления и реализации исследовательских работ в сфере культуры телесности молодежи. Проанализирована татуировка как форма репрезентации визуальных аспектов телесности молодежи. Проведены систематизация и анализ материала, содержащего различные виды татуировок, используемых в демонстрации телесности молодежью г. Владивостока.

Практическая значимость работы. Материалы и результаты исследования обогащают эмпирическую базу и аналитический инструментарий культурологии и антропологии данными о символическом значении татуировок, используемых молодым поколением. Выводы и положения диссертации могут быть использованы в анализе смысложизненных ориентиров современной молодежи, в разработке и чтении вузовских курсов: «Теория культуры», «История культуры», «Культурная антропология», «Имиджелогия», «Невербальные средства коммуникации». Результаты исследования представлены в учебном пособии: Березницкий С.В., Гонтмахер П.Я., Мельникова Л.А. «Основы этносервиса в духовной и материальной культуре

коренных народов Дальнего Востока» / Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. – 148 с.: ил., С. 123 – 143; в монографиях: Карабанова С.Ф., Мельникова Л.А. «От маски к имиджу – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 164 с.: ил. Мельникова Л.А., Карабанова С.Ф., Коноплева Н.А. Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности (на материалах исследования молодежных субкультур города Владивостока конец XX - начало XXI веков), – Владивосток: ВГУЭС, 2014. – 168 с.: ил..

Работа востребована отделом по делам молодежи администрации г. Владивостока с целью практического использования ее результатов в своей деятельности. Результаты исследования представлены для разработки технологий адаптации молодежи и ее успешной самореализации в культуре.

Положения, выносимые на защиту:

1. Татуировка, сохраняя исторически сложившиеся функции («социального письма» индивида обществу, «защитную», «магическую»), приобретает в современной культуре ряд других функций: эстетическую, самовыражения и демонстрации ценностных установок молодежи.

2. Татуировка выступает знаково-символическим способом выражения молодежью своего отношения к внешнему миру, средством коммуникации и презентации своей социокультурной идентичности.

3. Активизация нанесения татуировок молодежью г. Владивостока обусловлена влиянием современных социокультурных условий, в частности, нестабильностью социально-экономического положения молодого поколения в обществе.

4. Татуировка как часть визуального знаково-символического культурного кода молодежи демонстрирует её стремление к объединению в субкультуры, приобретению групповой идентичности и преодолению кризиса самоидентичности.

Апробация результатов исследования: Материалы и основные положения диссертационной работы были представлены в статьях, монографиях, учебном пособии, обсуждены на международных научно-

практических конференциях, семинарах, круглых столах и конгрессах: Международной научно-практической конференции, проходящей в рамках Тихоокеанской ассамблеи творческой молодежи «Под знаком дизайна» (г. Владивосток, 2004); Международной научно-практической конференции «Этносервис в моде, дизайне, истории» (Владивосток, 2006); IV Международной научно-практической конференции «Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в АТР: политико-экономические, социально-культурные проблемы» (Владивосток, 2006); VII Международном научном конгрессе «ГЕО – Сибирь – 2011» (Новосибирск, 2011); VIII Международном научном конгрессе «Геопространство в социальном и экономическом дискурсе» (Новосибирск, 2012); III Международной научно-практической конференции «21 век: фундаментальная наука и технологии» (Москва, 2014); трижды на научно-методических семинарах в рамках деятельности коммуникативно-креативной площадки ВГУЭС «Гуманитарное знание культуре, науке, образованию, бизнесу» (Владивосток, 2014); на круглом столе «Культура российского Дальнего Востока в пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона: гендерный аспект», организованном Центром истории культуры и международных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, 2014).

По теме исследования опубликовано 13 статей общим объемом 3,45 п.л., в том числе 3 статьи – в рецензируемых научных изданиях, 2 монографии в соавторстве – 8,6 п.л..

Структура и объем диссертации обусловлены логикой решения поставленных в ней задач. Диссертационная работа состоит из Введения, двух глав, семи параграфов, Заключения, Списка использованных источников и литературы, Приложений, содержащих таблицы, диаграммы, фотографии, рисунки, а также примененные в работе анкеты и психодиагностические методики.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ ВИЗУАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

1.1 Методологические подходы к исследованию татуировки как социокультурного кода визуальности человека

Человечество давно пытается понять и определить сквозь призму философии, антропологии, этнографии, истории, археологии, психологии, социологии и ряда других наук, что входит в понятие «культура», выраженное в значительном количестве определений, которые можно отнести к следующим концепциям: предметно-ценностной, или аксиологической, в которой рассматривается культура как объединение витальных и духовных ценностей; деятельностной – исследование культуры с точки зрения жизнедеятельности человека; как продукта истории общества – исторической. Культура в аспекте организации общественной жизни исследуется с помощью социологических подходов. Антропологическая концепция характеризует человека в определенных исторических условиях; культура как духовная жизнь общества рассматривается в идеациональной концепции; культуру как совокупность знаков и знаковых систем рассматривают с позиции семиотической или информационно-знаковой концепции.

Таким образом, можно сказать, что культура – это обобщающее понятие для форм и продуктов деятельности человека, созданных и создаваемых им в процессе развития. Множество определений этого явления объясняется его необычайной широтой и многогранностью. Чаще всего культура понимается как созданная людьми среда обитания, сформированная в процессе развития общества при помощи специальных технологий, отражающих достижения творческой мысли и насыщенная результатами созидательной деятельности, как определенный уровень развития общества и каждого человека в

отдельности, впитавших в себя опыт культурного развития человечества.

Культуру в широком смысле определяют как общественно-исторический процесс созидания человеческого мира, в узком смысле – это совокупность результатов этого созидания, система материальных и духовных ценностей.

Культура это единый, общечеловеческий, изменяющийся процесс бытия, охватывающий бесконечное многообразие конкретных выражений культурного опыта человека. Лесли Уайт понимал культуру как символическую реальность, как интегративно-целостную динамическую самоорганизующуюся систему. С. Левит как набор внегенетических контрольных механизмов – планов, управляющих поведением человека.

Можно согласиться с Рэймондом Уильямсом, использующим термин «культура» в четырех основных понятиях: первое – это общий процесс интеллектуального, духовного и эстетического развития; второе указывает на формы интеллектуальной, в первую очередь, художественной деятельности; третье, более связанное с антропологией и этнографией, – на конкретный образ жизни людей и их групп в конкретный исторический период; четвертое определяет понятие культуры как знаковой системы, через которую транслируется, репродуцируется, проверяется и исследуется социальный порядок [249]. Отсюда становится несомненным, что культура может служить передаче доминантных ценностей, а может быть и местом сопротивления, где общепринятые господствующие коды смещаются и нарушаются, уступая альтернативным системам кодирования.

В настоящее время общество находится в ситуации постоянного увеличения потока потребляемой информации, которая чаще всего представляет визуальные образы в виде рекламных кадров, фрагментов картин, отрывков текста, звуковых сигналов и мелодий и т.д., что, несомненно, накладывает отпечаток на восприятие и формирование системы координат человека, выбор стиля жизни, линии поведения, имиджа, вкусов и предпочтений, ценностей, и др.

Культурология – наука, интегрировавшая в изучение различных

аспектов феномена культуры подходы и методы гуманитарных и социальных наук. В процессе исследования культуры визуальности человека в работе применены следующие подходы и методы: культурно-антропологический, нацеленный на выявление социокультурных смыслов человека; структурно-функциональный, рассматривающий субкультуру как подсистему целостной социально-культурной системы и её роль в общей системе регуляции общественной жизни; социологический, рассматривающий культуру и ее феномены с точки зрения их конкретной целесообразности для тех или иных социальных слоев или социальных групп, (т.е. татуировка как явление культуры оценивается с позиции её принадлежности определенной социальной группе (субкультуре) и того, как она выражает ее интересы); аксиологический (ценностный) подход определен изучением татуировки как совокупности ценностей, к достижению которых стремится общество; семиотический подход исходит из понимания культуры как текста, как символической системы. Татуировка – идеографический знак, расшифровка смыслов которого может привести к пониманию молодежных субкультур и молодежи, не включенной в групповые объединения.

Рассматривая семиотический подход, следует обратить внимание на то, что в настоящее время в научной среде нет устоявшейся точки зрения по поводу того, какое понятие является терминологически верным – семиотический подход или семиотический метод. В нашем исследовании, будем использовать термин «семиотический подход» как широкий и включающий частные методы – в рамках этого подхода» [268].

Большинство определений семиотики говорят о том, что это – наука, исследующая способы передачи информации, свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе (главным образом естественные и искусственные языки, а также некоторые явления культуры, системы (мифа, ритуала); природы (коммуникация в мире животных); или самого человека (зрительное и слуховое восприятие и др.) [224, 226, 228].

Основными дидактическими единицами семиотического анализа

являются такие понятия как «текст», «система», «знак», «символ» и т.д. Семиотический анализ предполагает исследование культурных форм как знаковой системы, выявляя «язык», с помощью которого происходит передача информации.

Одним из наиболее важных понятий семиотических исследований является понятие культурного кода, как способа формирования сообщений любого рода, что позволяет их передавать, декодировать (расшифровывать) и интерпретировать: «Код воздвигает из … символов, системы различий и оппозиций и закрепляет правила их сочетания» [268].

Коды – это системы моделирования мира (в том числе мифы и легенды, знаковые структуры разных искусств), создающие единую картину, отражающую глобальное видение мира с позиции какого-либо сообщества. Как правило, при использовании семиотического подхода выделяют культурные, социальные (или социально-обусловленные), идеологические коды. В нашем исследовании таким кодом проявления визуальности является татуировка, имеющая символическое содержание в молодежной среде. Как обосновывал Э. Кассирер, разнообразные сферы проявления культуры (язык, религия, миф, искусство, наука) – это символические формы, символические функции сознания, воплощающиеся в особом типе реальности, то есть языке, мифе, религии, искусстве, науке и проч.) [255]. Причем каждый человек выделяет именно те предметные – материальные и духовные области, которые имеют для него особое значение и ценность.

В свою очередь П. Рикер отмечает, что понимание языковых значений позволяет выявить контекст «текста», а выявление его символических значений выявить контекст культуры. Он отмечает, «Я придаю слову «Символ» более узкий смысл, чем авторы, которые как Э. Кассирер, называют символическим всякое восприятие реальности посредством знаков, от перцепции мифа, искусства до науки; но более широкий смысл, чем те авторы, которые, исходя из латинской риторики или неоплатонической традиции, сводят символ к аналогии. Я называю символом всякую структуру значения, где прямой,

первичный, буквальный смысл означает одновременно и другой, косвенный, вторичный, иносказательный смысл, который может быть понят лишь через первый [114, с. 315]. Далее он отмечает, интерпретация символов имеет значение для категоризации бытия. Чтобы понять культуру, необходимо знать ее категории, но, чтобы знать категории культуры, необходимо понимать саму культуру, что есть герменевтический круг, то есть соотношение «целое – часть». Чтобы понять «целое» (культуру) необходимо знать ее «часть» (категории), но, чтобы знать части надо понимать целое [114, с. 326]. Таким образом, рефлексия и постижение смысла осуществляется посредством трех основных понятий: символ – культура – категория.

И. Кант трактовал символ как представление, благодарю которому передается нечто, что нельзя изложить путем дискурсивного рассудка (дискурсивный рассудок по Канту – это представление целого как зависимого от частей, а разум (интуитивный рассудок, недискурсивный) – это постижение вещей такими, какими они являются сами по себе. Разум идет от синтетического общего (созерцание целого) к частному. По И. Канту, символ определяется как «идея разума, данная в созерцании. При этом под понятие, которое может мыслиться только разумом и которому не может соответствовать никакое чувственное созерцание, подводится такое созерцание [57, с. 373].

По Канту символ – это чувственный способ представления идей разума, а его (символа) постижение – это интуитивное постижение идеи, бесконечной и неисчерпаемой [11].

В свою очередь Н.Н. Рубцов считает, что символ можно рассматривать как некий знак или как обозначение, в котором связь между смыслом и его выражением весьма произвольна [116].

Известно, что наряду с индивидуальными, личностными символами имеются коллективные, в основе которых филогенетическая информация, полученная человеком при рождении, зафиксированная в его бессознательном и актуализирующаяся в процессе его онтогенетического развития. К.Г. Юнг

обосновывал, что символ изобрести нельзя, он больше чем рациональное понятие и уходит своими корнями в бессознательную психическую реальность [154].

Н.О. Осипова отмечает, что в силу своей универсальности семиотика подходит как для лингвистики, так и для исследования сферы функционирования и развития культуры, информационных, социальных процессов, в том числе человеческих коммуникаций в повседневности в связи с тем, что культура представляет «совокупную информационно-знаковую систему, в которой с помощью особых кодов созданы сценарии человеческого поведения, законы социума, религиозные и художественные тексты» [268].

В культуре повседневности смыслы становятся знаками, а формы зрелищными. Отсюда отмеченная многими исследователями (Р. Рорти [246], М. Фуко [131], Р. Шустерман [247], Р. Барт [17], Г. Шульце [129] и др.) эстетизация повседневности, которая может привести к восприятию людьми себя и своего окружения в качестве предметов искусства. В настоящее время особенно актуальным становится изучение визуальности как механизма презентации, идентификации, а также выражения индивидуальности. Индивидуальность в информационной культуре получила новое выражение – она стала репрезентировать себя через свои потребности. В мире, пронизанном глобальными потоками богатства, власти и образов, поиск идентичности коллективной или индивидуальной, прописанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений. Люди все чаще организуют смыслы не вокруг того, что они делают, а на основе своих представлений о том, кем они являются, отмечает в исследовании информационной эпохи Мануэль Кастельс [58]. Ключевым основанием определения культуры для нашего исследования является положение немецкого философа О. Шпенглера о том, что культура есть внешнее проявление внутреннего состояния человека [143].

Современный мир характеризуется не только глобализацией экономики, культурой потребления и массовой информатизацией. Характерной чертой

современного времени оказывается требование обретения человеком индивидуальности. Культурная компетентность выражается в праве на интерпретацию, которое подтверждается социальным признанием, выступающим также как различение (этой интерпретации от других). В связи с этим особенно значимая роль отводит- ся телесной самопрезентации. Самопрезентация человека связана с самоидентификацией: тело и телесность представляют наше «Я» в зависимости от того, как мы сами себя представляем, и как считаем нужным показать себя миру. В рамках постмодернизма тело – не природная данность, не анатомическая схема, а «площадка» для символической репрезентации культурного опыта, отражающего нормы, представления, индивидуальный опыт.

Значимым во взаимодействии человека и осуществлении коммуникативных связей является обмен информацией, который можно обозначить как социокультурную необходимость. Информация имеет разную значимость на разных этапах развития социума и культуры, но всегда является личностно значимой для каждого индивидуума в аспекте ее положительных или отрицательных характеристик и влияний. Процессы интерсубъектного взаимодействия часто характеризуются сложностями взаимопонимания. Фундаментом расшифровки этих характеристик явилось заложенное генетически и усовершенствованное последующим развитием индивидуума умение «читать» визуальные знаки [178].

Телесность в контексте неоклассической рациональности анализируется в работах М. Мерло-Понти [87], рассматривавшего ее с точки зрения существования; М. Фуко [131], определяющего связь социокультурных и телесных практик; Ж. Бодрийяра [24], рассматривающего тело в период постиндустриального общества как объект рыночно-знаковых отношений.

М. Фуко разработал концепцию социального формирования тела. В его интерпретации тело – это текст, позволяющий прочитать властные отношения в культуре. Социальное тело имеет несколько форм существования: представление индивида о своем теле; отражение конкретных

человеческих тел в сознании других людей.

М.М. Бахтин разработал категорию «телесного канона», т.е. социально-нормативных представлений относительно того, каким должно быть тело, в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [18].

Т.Б. Щепанская предлагает рассматривать телесную культуру молодости в рамках концепции «социального проявления» тела, согласно которой телесная культура реализуется в практиках формирования внешнего облика и выражается в культурных стереотипах телесных проявлений, в определенных правилах телесных практик [147], [148], [149].

В диссертационном исследовании основным методологическим подходом стал культурно-антропологический, так как в изучении любых исторических явлений (в том числе и татуировки как репрезентации визуальности человека) в их социокультурных характеристиках ключевой является антропологическая проблема. Данный подход позволяет выявить специфику существования человека, определенную культурными преобразованиями, нормами, правилами, ценностями, выявить социокультурные смыслы его существования. В связи с данным подходом теоретическую базу диссертации составили труды известных ученых в области антропологии (Л.Е. Этинген, К. Леви-Стросс и др.), социологии (Э. Дюркгейм, И.М. Ильинский, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, Т. Парсонс, Н. Смелзер, В.Я. Ядов), культурологии (М.С. Каган, С.И. Иконникова), этнографии (А.П. Окладников, М.Б. Медникова, Л.Я. Штернберг, Т.Б. Щепанская и др.).

Следует отметить, что многие из этих ученых используют в анализе татуировки историко-описательный подход. Однако, до настоящего времени не установлена специфика татуировки, ее знаково-символические проявления у современной молодежи.

Применение семиотического, функционального методов, позволило выявить социокультурные основы татуировки, её сущностные черты и

функции, показать значение татуировки в качестве визуального знака приверженности представителей молодежных субкультур ориентациям и установкам членов группового объединения. Использование данных методов дает возможность провести анализ, выявить все компоненты исследуемого явления, осуществить знаково-символический анализ татуировки. При этом мы опирались на принцип функциональной универсальности, объясняющий общие закономерности функционирования культурных единиц и подходы к культуре Б. Малиновского, отмечавшего, что культура – это система артефактов, которая соответствует основным потребностям человека, где каждый элемент выполняет определенного рода функцию. В результате культура понимается как сбалансированная система функциональных элементов, удовлетворяющих основные потребности индивида. Б. Малиновский пишет, что «функцию нельзя определить иначе, нежели как удовлетворение некоторой потребности путем деятельности, в рамках которой люди сотрудничают, используют артефакты и потребляют плоды своего труда» [83, с. 46].

С помощью функционального анализа определяются отношения между культурным действием и человеческими потребностями. Но при этом для достижения удовлетворения потребностей люди объединяются в различного рода организации и референтные группы, вследствие чего всякая культура институциональна (Б. Малиновский, 2000). В результате культуру можно определить с точки зрения функционально-институциональной парадигмы.

Б. Малиновский отмечает, что «никакой элемент, «признак» культуры, обычай или идея не определяются и не могут быть определены иначе как путем помещения в реальный контекст культурного института» [цит. по 137, с.106].

В контексте семиотического метода культура представлена как совокупность знаковых систем. Одной из таких систем является визуальность человека, в которой татуировка представляет собой знак, содержащий информационный смысл, передаваемый человеком своему окружению, а

кроме того, способствующий сохранению культурных ценностей группы и поддерживающий ее своеобразие и сплоченность.

М.С. Каган подчеркивает, что знаковые средства и накапливаемая с их помощью информация – важнейшие, всеобщие и необходимые компоненты любой культуры. В связи с этим «культура есть особая, свойственная человеческому обществу «надбиологическая» форма информационного процесса» [176, с. 18]. Индивиды с помощью создаваемых знаковых систем выражают свои мысли и представления, объективируя при этом эти знаковые системы, которые в результате отделяются от индивида и приобретают внеличностное и социокультурное существование. Благодаря этому в обществе становится возможным накопление и приумножение информации.

Таким образом, татуировку можно рассматривать как культурный код, в котором информация представлена для хранения и передачи.

Телесные аспекты проявления молодежной культуры могут основываться на анализе тела как объекта культурной регуляции (регламентация телесных проявлений – внешнего облика, болевых воздействий, сексуальности) и как регулятор взаимодействий, сигнал к актуализации определенных поведенческих программ. Существуют два способа маркирования тела у представителей молодежных субкультур: вербальный (фиксация определенных деталей тела в сленге) и идеографический (татуировка, пирсинг, скарификация, боди-арт). Молодежная культура маркирует, регламентирует ряд аспектов телесности: сексуальность, насилие, смерть. Смысл регламентации – уход от форм телесной жизни, диктуемых обществом: труда, службы в армии (как санкционированной обществом формы насилия), сексуальных табу.

Также методологическим аспектом диссертационной работы явилось эмпирическое исследование с использованием методов включенного наблюдения, интервьюирования, анкетирования, методик психодиагностического тестирования, продолжавшееся шесть лет (2006 – 2012 гг.), в ходе которого определены наиболее распространенные

молодежные субкультуры и выявлены роли и функции татуировки в молодежной среде г. Владивостока.

1.2 Телесность человека как социокультурный феномен

В современном обществе тело человека (особенно молодого) активно включается в рыночные отношения, так как в социуме средствами массовой информации утверждается мнение о том, что успешный человек должен быть обязательно красивым, здоровым, молодым. Тело становится коммерционализированным объектом, таким же товаром как любой другой предмет, условием профессиональной, социальной и личностной успешности.

В обществе активно развиваются телесно-ориентированные практики моделирования тела, увлечение физической культурой. В связи с чем актуальным является исследования феномена телесного бытия человека, концептуализации тела и телесности в современной российской культуре и анализ татуировки как источника, заложенной в ней символической социокультурной информации, так как человеку дается не просто тело, ему дается этот объект в конкретный временной промежуток и в определенной культуре.

В современной России молодежь многих социальных групп: байкеры, панки, скинхеды, роллеры, диггеры, рейперы и др. стремятся утвердить свой статус в обществе через разнообразную внешнюю атрибутику. Татуировка является одной из ее составляющих. В связи с чем тело человека можно рассматривать как канал коммуникации, как объект культуры, предназначенный для общения с другими, как информационный объект.

Но, прежде чем обращаться к исследованию татуировки следует осмыслить понятия «тело» и «телесность» и осуществить их понятийно-категориальный анализ.

К исследованию тела и телесности человека обращались и обращаются многие науки, что обусловлено многоаспектностью рассматриваемых

категорий. Естественнонаучные дисциплины рассматривали тело человека преимущественно как биологический феномен. Но в Большой медицинской энциклопедии толкование этих понятий отсутствует.

В Большом толковом словаре русского языка тело определяется как отдельный предмет в пространстве, часть пространства, заполненная материей, каким-нибудь веществом или ограниченная замкнутой поверхностью; как организм человека в его физических формах [226, с.728].

В философском энциклопедическом словаре термин «тело» соотносят с материальной протяженной физической вещью и определяют как неточное название материального носителя жизни – организма, в частности организма человека. Данное понимание соответствует традиционным представлениям о теле.

Тело в словаре Т. Ф. Ефремовой определяется как отдельный предмет в пространстве, как часть пространства, ограниченная замкнутой поверхностью, как организм в его внешних физических формах, как труп (тот, кто лежит неподвижно), как туловище человека [221].

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова термин тело, относительно человеческого, определяется как организм в его внешних физических формах [219].

Таким образом под телом понимался, прежде всего физический объект, не обладающий субъектностью и ненесущий духовности.

Причем многие исследователи рассматривают тело человека как источник боли и физических наслаждений.

Как отмечает И.М. Быховская такое понимание выражает традиционные подходы к определению тела как физического начала, противопоставляемое духовному, но в богословских учениях и философских концепциях имеются другие точки зрения, в которых эти два начала не противопоставляются друг другу, а рассматриваются как взаимосвязанные части целостности. По мнению И.М. Быховской подобную позицию можно отнести к занимающей срединное положение между двумя крайностями в учениях о телесном: подчеркивание

примата телесного и полное пренебрежение телом во имя позиционирования духовной сущности человека [165].

В.А. Подорога писал, что «Тело оказывается проекцией на внешний мир, а тот, в свою очередь, проектирует через него свои органы и гармонии [111, с. 12] и далее он пишет, что «Субъективность, или то, что мы иногда называем суверенностью человеческой личности, появляется из множества следов, оставленных на человеческих телах» (Там же, С. 24).

В свою очередь И.М. Быховская обосновывает, что в познании телесности существует еще понятие «плоть», отличающееся от тела и организма своим семиотическим проявлением и являющееся предметом богословского анализа [165].

Так, М. Мерло-Понти, анализируя сущность человеческого тела, рассматривает его не как объективную вещь, не как внешнюю реальность, а как чувственно-смысловой феномен, именуемый в христианстве плотью. Для него в человеческом одушевленном теле, одухотворяющем миры и образующим вместе с ними единство, кроется источник любых смыслов.

Н.А. Некрасова, А.А. Горяинов отмечают, что человеческая плоть – это сложный природно-культурный феномен. Поскольку человек – это эмоционально-чувственное существо, то человеческое тело – это особая точка пересечения внешнего и внутреннего миров, в которой происходит их не только соприкосновение, но и осмысление человеком своего сосуществования в этом мире. Так как эмоции проявляют себя как способ реализации человека вовне, на внешний мир, а чувства – это форма восприятия человеком этого мира (внутренний мир) [193, с. 21-23]. Тело – это часть субъективного опыта и воплощение информации, через тело мы контактируем с глубинным «Я», эмоциональными взаимосвязями, сопротивлениями и защитными блоками. Тело – один из природных механизмов взаимосвязи внешнего и внутреннего миров, циркуляции энергии, физиологических процессов, ощущений, мыслей, канал связи между сознающим «Я» (личностью) и глубинными слоями бессознательного [232].

Кроме того, как отмечают Т.Э. Цветус-Сальхова, В.П. Зинченко и Т.С. Леви в русском языке кроме термина «тело» существовал термин «тель», в настоящее время вышедший из употребления. И если первый термин определял безжизненную материю, то второй – живого, чувствующего человека [212, с. 70]**, [**50**].**

Т.Э. Цветус-Сальхова считает, что необходимо дифференцировать анализ тела как объекта, как субъекта, а также проводить интегративный анализ совокупности различных качеств, объединяющихся понятием «телесность». По ее мнению телесность – это новообразование, конституированное поведением, то, без чего это поведение не могло бы состояться, это реализация определенной культурной и семиотической схемы, это модус тела. Тело и телесность отличает мера жизненности, тело как физический объект лишено субъектности и духовности (там же, с. 70).

К. Ранер, говоря о телесности, отмечает, что тело – это самореализация духа во времени и пространстве, то, посредством чего человек осуществляет себя в мире**.** Телесность принадлежит к сущности человеческого духа. Причем в немецком языке также имеется два термина – «Korper» – пространственно постигаемое, материальное – физическое тело, которое человек имеет, Leib – термин, обозначающий динамическую форму, с помощью которой человек воспринимает свое тело. «Korper» являет себя миру, это переживаемая субъектом часть себя, отражающая сущность понятия телесность. Разделение этих двух категорий провел Э. Гуссерль.

Причем В.Н. Никитин отмечает, что Э. Гуссерль рассматривает тело в четырехмерном пространстве отношений с миром: тело как материальный объект (вещь); тело как «плоть» (живой организм; тело как выражение смысла; тело как элемент (объект) культуры [85, с. 80].

В структуре тела выделяют внешнее и внутреннее жизненные пространства. У М.М. Бахтина внутреннее тело – это момент самосознания – совокупность внутренних органических ощущений, потребностей, желаний, объединяющихся вокруг внутреннего мира [19, с. 59]**.**

Рефлексии понятия телесность в современной философской традиции характерно понимание ее как целостности человека, целостности, имеющей бытийственность и пространственность.

В контексте феноменологического подхода телесность рассматривается как неразделенность двух начал в человеке: внешнего и внутреннего (Э. Гуссерль, А. Арто, Ж. Делез, М. Мерло-Понти, М.М. Бахтин, В.А. Подорога и др.). Э. Гуссерль отводит телу пассивную роль и при этом абсолютизирует дух, субъективное начало в человеке, его внутреннее «Я».

В свою очередь М. Мерло-Понти, в отличие от Э. Гуссерля отводит телу универсальную роль «феноменальное тело», то есть по сути это у него телесность.

У В.А. Подороги телесность – это «плоть», это «избыток» тела, актуализирующийся в результате взгляда и имеющий функциональные характеристики «Плоть проступает на поверхности тела, ею можно назвать состояние тела, когда она проступает над собственной поверхностью [111, с. 43-44].

Согласно психоаналитическим взглядам на телесность человека (З. Фрейд, В. Райх, К.Г. Юнг, А. Лоуэн и др.) сущность человеческой телесности может быть исследована с помощью семиотического метода, когда тело рассматривается как знак, несущий символическую информацию, обусловленную социокультурным контекстом.

В этом аспекте важен взгляд В.Н. Никитина на человеческую телесность с позиции онтогносеологического анализа. Он обосновывает, что «осмысление феномена телесности предполагает анализ образа тела и тела, данного в ощущениях. Образ тела – виртуальный феномен, собирательное представление о «символическом», «социокультурном» теле, «копия копий»; он строится на основе интерпретаций представлений Другого. «Тело как данность» воспринимается целостно; познание собственной телесности осуществляется на основе осознания содержания чувств и ощущений, возникающих в процессе телесного действия, в сопоставлении с впечатлениями о внешних формах

проявленности телесности Другого» [236, с. 8-9].

В социологическом подходе внимание акцентируется на формировании телесности в процессе социального взаимодействия под влиянием социального окружения и средств массовой информации как носителей социокультурных норм, ценностей, идеалов. Как пишет О.А. Заржицкая, Е.А. Гольман «продуктом развития телесности в этом случае становится формирование «типичных» для данного сообщества форм телесного контроля как средства повышения социальной адаптации личности [256]; [231]; [266].

В контексте психологического подхода, как отмечает А.В. Шишковская, многие исследователи (Р. Бернс, М. Владимирова, И.С. Кон, В.С. Мухина, Н.Н. Налчаджян, Е.Т. Соколова, И.И. Чеснокова, А.Ш. Тхостов) обосновывали, что в основе стремления человека изменить свое тело, чаще всего, лежат не реальные телесные параметры и проблемы, восприятия собственного тела и отношения к нему, проявляющиеся в сложном единстве. Причем в психологии представление человека о своих телесных параметрах и собственной привлекательности отражается в категории: «Я-физическое» («Я-телесное»). Но, поскольку «Я-телесное» изучается множеством дисциплин (даже в рамках психологии) – клиническая психология, гендерная психология, психология развития, психология эмоций, психология личности и др., постольку ученые сталкиваются с разнообразием терминологии в определении понятия «Я-телесное. В связи с чем, считает А.В. Шишковская, следует обратиться к постулатам У. Джемса относительно толкования «Я-телесного» в структуре психического.

У. Джемс выделяет в личностной структуре «Я-сознающее» (чистое -Я) (I) или Эго и «Я-эмпирическое» (Me) или познаваемое. Первое включает в себя то, что человек считает самим собой. В структуру познаваемого включается все то, что человек может назвать принадлежащим ему: собственное тело, психические способности, материальные, творческие, социальные достижения, свой дом, своих близких, свою репутацию и проч. В результате У. Джемс рассматривает в личности четыре структурных элемента: «физическое Я» (тело

человека), «материальное-Я» (принадлежащие ему материальные блага), «социальное Я» (общественный статус и социальные роли) и «духовное Я» (совокупность психических особенностей и свойств) [21].

Рассмотрев ряд подходов к образу «Я» (Д.А. Бесковой, О.В. Лавровой, Е.Т. Соколовой, А.Ш. Тхостова, Р. Шонца, П. Шильдера и др.) Я.В. Шишковская выделяет следующие составляющие Я-физического:

- схема тела – интегральный физиологический сенсомоторный – эквивалент тела в коре головного мозга;
- образ тела – сложное комплексное единство восприятия, оценок, установок, представлений, обусловленных телесной внешностью и функциями тела;
- концепция тела – это формальное знание о теле, выражающееся с помощью общепринятых символов (Р.Шонц);
- интернальное тело – архетипическое образование, бессознательная форма телесности (включающая в себя личностное и коллективное бессознательное (К.Г. Юнг, О.В. Лаврова);
- телесность – феноменологическая реальность, представляющая собой сочетание биопсихосоциальных аспектов телесного бытия субъекта в физическом мире (Д.А. Бескова).

Таким образом, у Я.В. Шишковской «Я-телесное» – это субъект, чье тело является вместилищем его «Я» и опосредует чувственное и психомоторное взаимодействие субъекта с миром. «Я – физическое» она определяет как одно из измерений Я-концепции, включающее в себя когнитивную, аффективную и поведенческую составляющие [269].

В результате включения человека в социокультурное пространство тело превращается из биологического феномена в явление социокультурное, при этом природные характеристики дополняются обусловленными социокультурными воздействиями. Формируемый при этом образ человека можно называть телесностью.

В связи с тем, что тело человека – это и социокультурный объект,

различающийся в разных культурных средах и в различные исторические периоды, возникает необходимость более подробного осмысления такой категории как «телесность». Верно замечает В.М. Розин о том, что телесность – это новообразование, конституированное поведением человека, без чего это поведение не могло бы состояться, это реализация определенной культурной и семиотической схемы [115].

В.П. Зинченко и Т.С. Леви отмечают, что телесность («живое тело», плоть, тель, динамическое тело) – рассматривается как особый феномен и специфическое предметное поле многих наук, занимающее пространство между душой и телом в его физическом понимании. Основным же предикатом телесности является движение.

С точки зрения социокультурного подхода телесность – это продукт развития культуры, это «социокультурный феномен, это преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и выполняющее определенные социокультурные функции [218, с. 464].

В каждой культуре формируется определенное отношение к телесным практикам и к телу в целом. В результате тело становится знаковой системой, наполняется символическим содержанием, то есть проявляет свою телесность.

В современной науке сложился еще ряд подходов к анализу человеческого тела и телесности. В частности, это информационная парадигма, согласно которой тело человека рассматривается как потребитель, носитель и источник информации. В свою очередь, согласно представлениям о виртуальном теле, естественной телесности противопоставляется искусственное тело, обладающее большими возможностями модификации. В синергетике человеческое тело позиционируется как самоорганизующаяся система с собственными законами развития и связи с окружающим миром.

В контексте нашего исследования важны подходы к телесности как социокультурному феномену и информационной, знаковой системе. Причем значимы для исследования татуировки обоснования К.Г. Юнга о том, что

телесность человека может включать не только собственное «Я», но и «Я Другого», а также архетипы коллективного бессознательного [154]. Как пишет в своем исследовании В.Н. Никитин, цитируя Ж.-П. Сартра, «человек не свободен от влияния Другого в восприятии собственного тела. Другой определяет характер отношения субъекта к своему телу, выступающего для него в качестве «тела как бытия-для себя» и «тела как бытия-для-другого». Существуя человек осознает, что выбор условий своего бытия с учетом своих индивидуальных особенностей определяет степень свободы его телесных репрезентаций [236, с. 16].

В контексте этих подходов Р.В. Маслов определяет телесность человека как целостность, характеризующуюся полярными сопряженностями (или зеркальностью): бытия-в-себе, бытия-для-себя, Я и Другого, Я и Иного, реального и виртуального [235].

А.А. Горяинов обосновывает, что телесность – это целостная многоуровневая система, где основополагающим принципом выступает информационное взаимодействие различных ее уровней, позволяющее поддерживать соответствие между внутренними и внешними потоками информации и развитие способности диалога «внутренних» и «внешних» состояний тела. Причем знаки и символы, как акты внешнего и внутреннего в пространстве телесности, соединяются в одну языковую структуру.

Он считает, что человеческая телесность есть единство тела и духа, причем такое диалектическое единство, в котором одно не подавляется другим; телесность выступает интегральной характеристикой экзистенциального опыта человека, комплексом природных, культурных, и индивидуальных характеристик человеческого тела [232].

Таким образом, под телом понимался прежде всего физический объект, не обладающий субъектностью и не несущий духовности, телесность же – это сложное, многоаспектное понятие. В связи с этим определений телесности множество: как триединство тела, души и духа, совокупность внешнего и внутреннего человеческих пространств, конгруэнтность психического и

физиологического, знак, символ культуры и времени, внутренний аспект внешнего проявления (А.В. Немцева) [259]; как одухотворенное тело, проявляющееся в динамике и статике (движении и форме) (Т.С. Леви) [185, с.15]; как интегральная характеристика (Т.Г. Манжула, В.Л. Круткин) бытия субъекта, переживание субъектом бытия своего тела в пространстве среды, воспринятое субъектом собственное тело, наделенное социокультурным значением (В.Н. Никитин) [95]; феноменологическое тело (М. Мерло-Понти) [цит. по 244, с. 28]; интегральная характеристика человеческого существа, охватывающая физические и метафизические параметры, интенцию быть и интенцию жить (В.Н. Никитин, В.Л. Круткин) [67], [95, с. 82]; совокупность физико-биологического тела и полевых структур индивида с их потенциальными и реализованными качествами и способностями, соотнесенность с культурными ориентациями, представлениями о достоинстве, красоте, физической сноровке, социальной и культурной оригинальности (М.И. Цой) [242]; целостность, формируемая на природной основе, но по социальным закономерностям (Л.В. Жаров) [233]; текстуальное тело (Р. Барт) [цит. по 166, с. 19-22]; потеря индивидом истинной, природной и приобретение культурной (символической) идентичности (М. Мосс, К. Леви-стросс и др.).

М.И. Цой дает обобщенное определение понятию «телесность» и отмечает, что союз тела и телесности человека представляет собой совокупность умопостигаемых и материализованных качеств и свойств, объединяющих биологическое и духовное, интеллектуальное и эмоциональное, личностное и социальное, природно-врожденное и воспитанно-привнесенное в многоуровневой целостной системе «Человек» [242].

Понятие телесность позволяет рассматривать бинарную оппозицию души и тела в единстве и естественной целостности (телесность как одухотворенное тело). С помощью понятия «телесность» раскрывается взаимообусловленность социальных и соответствующих им телесных практик.

Причем И.М. Быховская обосновывает, что телесность – это понятие, формирующееся на пересечении четырех сущностных начал человека:

биологического, индивидуально-психологического (личностного), социального и духовного и объединяющее материализованные последствия этого пересечения и знаки тела, и сверхчувственные качества (В.П. Кузьмин) телесности, которыми сам субъект не обладает, но которые приданы ему сообществом. Т.С. Леви, определяя истоки телесности, отмечает, что она является результатом процесса онтогенетического, личностного развития и выражает культурную, индивидуально-психологическую и смысловую составляющие уникального человеческого существа.

Телесность – это «окультуренное» и очеловеченное тело, получившее в процессе развития в обществе, социальные свойства и качества, порожденные данной социокультурной системой или группой.

Л.В. Жаров и Н.Н. Визитей обосновывают, что культурный характер человеческой телесности рождается только в ходе социокультурного развития человека в обществе и его социально значимой (практической) совместной деятельности. В.В. Николаева и Г.А. Арина также считают, что тело дано человеку в преобразованном виде, становясь в процессе онтогенеза первым универсальным знаком и орудием человека, телесность следует рассматривать как феномен, имеющий культурно-историческую детерминацию.

В.Н. Никитин считает, что с точки зрения феноменологии и философии постмодернизма телесность можно рассматривать как сферу разворачивания социальных и дискурсивных кодов. Он пишет, что «Телесность – это воспринимаемое субъектом собственное тело, наделенное им социокультурным значением. Это и «феноменологическое тело» М. Мерло-Понти, «социальное тело» Ж. Делеза и Гватари «текстуальное тело» Р. Барта» [97, с. 15].

Таким образом, хотя телесность имеет много трактовок, все они характеризуют взаимосвязь телесных и душевных составляющих человека (дуализм души и тела), субъекта и объекта.

Телесность может «говорить» об особенностях культуры, его мировоззрении, ценностях, культурных установках и традициях, философско-религиозных особенностях, манерах поведения, духовной ориентации человека,

его идентичности. То есть телесность – это проводник в познании действительности.

Но, как отмечает И.М. Быховская, нельзя говорить о независимом, автономном существовании телесного, так как в нем объединены биологические, психологические, социальные и духовные источники. Тело выступает основанием душевной жизни, средством связи с реальностью жизненного мира человека, а телесность символизирует представленность соматического в сознании, является источником и средством управления процессами взаимодействия с миром посредством тела.

Л.В. Жаров обосновывает, что телесность включается в структуру личности как элемент ее культуры, составляя специфику материальности и предметности человека. Культура человеческой телесности – это фрагмент культуры личности в ее деятельности по овладению своими сущностными силами, формированию собственного тела во внутренних параметрах и внешних формах, ориентированному на господствующие в культуре социальные нормы и идеалы [234].

Об этом же пишет и В.Л. Круткин, отмечающий, что человек не прсто изначально телесен, он изначально является «телом в мире»… Общество генетически «входит» в плоть индивида, оно социотехнически «входит» и в его тело. Тело, прошедшее социализацию, перестает быть просто физическим, о нем уже нужно говорить как о социальной телесности [67].

Причем Л.В. Жаров полагает, что понятие человеческой телесности является теоретическим мостиком, соединяющим закономерности природного и социального бытия человека. Он обосновывает, что рассмотрение личностного аспекта телесной культуры позволяет выявить диалектику внутрииндивидного и меж индивидных «измерений» человеческой телесности и в результате определить нравственную и эстетическую оценку феномена культуры тела [234].

Значимым для нашего исследования является отношение к телесности в христианстве, рассматривавшем человека как идеальное существо,

воплотившее в себе телесно-чувственную субстанцию, которая одушевляется разумом, духовностью. То есть человек рассматривается состоящим из тела и души.

Следует отметить, что в православии существовало достаточно жесткое отношение к вмешательству в тело человека, в частности, к татуированию. В текстах Ветхого Завета татуировки соотносились с проявлением языческого культа, их нанесение на тело считалось греховным. «Вы, сыны Господа Бога вашего: не делайте нарезов на теле вашем …. (Второзаконие 14:1) [22].

То есть в православии существовал запрет нанесения на теле человека изображений путем накалываний и втирания красок. В Ветхом Завете подчеркивается связь души, Духа и тела, образующих человека согласно образу Бога.

Уродование тела трактовалось как оскорбление Господа «Ибо вы куплены [дорогою] ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии» (1 Кор. 6:20) [22, с. 538].

Причем такое же отношение к изображениям татуировок имеется и в Новом Завете, в откровении Иоанна Богослова пишется: «И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его» (Библия, Откровение Святого Иоанна Богослова 14:11) (там же, с. 602).

Причем эти нормы христианской культуры, отражающие негативное отношение к нанесению татуировок на теле человека, имели не только причину приверженности человека языческим культам, но и были обусловлены концепцией человека как «образа и подобия Божия». В связи с чем нанесение на тело каких-либо знаков трактовалось как его осквернение. Поэтому после утверждения в Европе христианской религии, татуировки практически исчезли, использовались только при клеймении преступников.

В.Н. Никитин обосновывает, что в современной культуре воспитание, образование, общественные отношения преднастраивают личность на удовлетворение своих плотских потребностей. Проблема этого явления и его

абсурдность, считает автор, состоит в том, что ритуализируя общественные формы поведения по удовлетворению тела, человек все дальше отступает от собственной телесности, приспосабливая тело к деструктивным для него отношениям, человек дезадаптируется к жизни [95, с. 83]. Он же отмечает, что «Согласно дионисийским воззрениям (культуры Древней Греции и Рима), тело отмечено «божественными» знаками. Телесность, а не плоть, становится объектом исследования. Экспериментируя с телом, с его функциями и формами репрезентаций, представители древних цивилизаций пытались проникнуть в тайны его внутреннего мира, постоянно совершенствуя формы его проявления» (там же).

В первобытных обществах тело служило для передачи сакральной информации, которая имела несколько функций, наиболее важными были защитная, магическая, идентификационная (с представителями племени). По мере культурного развития человека, совершенствованием его ценностных установок менялось отношение к телу. Для русской культуры вплоть до начала XX столетия была характерна телесная аскетичность, что было обусловлено религиозностью русского человека. С.Л. Франк в своей работе «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» обосновывал, что культурные факторы формируют телесную культуру и тело человека. При этом образ телесного «Я» соотносится со сложившимися в культуре представлениями о силе, красоте, достоинстве, физическкой сноровке, социальной и культурной оригинальности [132, с. 204].

Для нашего исследования важен взгляд В.Н. Никитина на взаимосвязь темы свободы и абсурда в человеческом поведении. Он обосновывает, что абсурдное действие осуществляется на основе побуждения, источником которого является конфликт между чувственным и рациональным, между «Оно» и «Я». Причем В.Н. Никитин полагает, что абсурдное действие – это несогласие, «протест» против доминанты «Я». По нашему мнению, это может быть протест не только против собственного «Я», но и протест против Другого, против различного вида культурных ограничений. Что далее в своей работе и

обосновывает В.Н. Никитин: «С тем, чтобы преодолеть внутреннее напряжение, человек стремится освободится от своих личностных ограничений. Свобода, бунт, страсть – три составляющих жизни «человека абсурдного»; в мире абсурдных действий он преодолевает свою несвободу, заданную Другим, отстаивает право на независимость в принятии собственных решений» [236, с. 17].

По нашему мнению, причиной нанесения бесконечных татуировок, обезображивающих тело человека, может быть внутриличностный конфликт, несформированная идентичность, что ведет к абсурдности поведения человека и преобладанию влияний на его решения о татуировании тела – коллектива, значимой группы, Другого. При этом оригинал тела становится симулякром, в основе которого модель, сформированная в сознании человека Другим. Мы согласны с В.Н. Никитиным, что человек, «принимая ту или иную модель бытия, по существу, живет в «симуляционной гиперреальности» (Ж. Бодрийяр) [24]. В своих действиях человек, обращаясь к матрице представлений о бытии, тиражируемых Другим, исходит не из принципа реальности, а из принципа симуляции. Отсюда границы объективного восприятия мира, включая собственное тело размываются и постепенно стираются» [236, с. 18-19]. При этом человек, теряя способность чувствовать свое тело, ориентируется на знание о нем Другого и это знание как тиражируемое становится для него истинным.

Наше исследование основывается на определении телесности в контексте социокультурного подхода, как продукта развития культуры, как социокультурного феномена, как преобразованного под влиянием социальных и культурных факторов тела человека, обладающего социокультурными значениями и смыслами и выполняющего определенные социокультурные функции.

1.3 Культурно-исторические основы татуировки

Какой бы аспект татуировок ни рассматривался исследователями, они сходятся во мнении о широком распространении данного феномена (Р.И. Егоров, А. Ельски, Ю.В. Рычкова, М.Б. Медникова и т.д.), отмечают не только факт наличия этого явления без исключения у всех этносов, но и удивительное разнообразие тем, сюжетов, технологий нанесения рисунков, практически не поддающихся каким-либо классификациям. Чаще всего татуировки рассматривают в рамках этнической принадлежности их носителей, признавая, однако, факт наличия глубинного, фундаментального основания данного явления. Так, Г.Б. Бедненко в работе «Символический смысл татуировки», ссылаясь на Леви-Стросса, говорит, что для первобытных племен, сохранившихся к открытию Нового Света, татуировка являлась средством с помощью которого индивид выводил себя из «естественного» мира животных [162]. Довод похож на представления европейцев об одежде цивилизованного человека в отличие от голого дикаря. В своих заметках этнограф Николай Миклухо-Маклай писал, что татуировка, так же как и одежда, помогала архаичным людям выделить homo sapiens из рода животных, определив его как «человека» от «варвара, дикаря», при этом «биологический индивид становится социальным субъектом, окрашивая свое тело рисунком или надевая соответствующую одежду» [90, с. 120]. Таким образом, одной из первых функций татуировки была и остаётся фунция социализации.

Несомненно, функция социализации доказывается многими фактами. Так, наблюдая за туземцами Н. Н. Миклухо-Маклай отмечал, что для многих племен Океании нанесение тату символизировало достижение брачного возраста как для мужчин, так и для женщин. Также, помимо отличительных символов принадлежности к тому или иному роду, татуировка была знаком высокого общественного положения, как, например, на островах Самоа [90]. Изначально для передачи информации о социальном статусе, о принадлежности к роду и т.д., а также для защиты от болезней, бед и несчастий, в том числе и для получения «сверхвозможностей», использовали несмываемые изображения на теле. Значительно позже они приобрели функцию украшательства, отмечает

Ю.В. Рычкова [117, с. 5]. По её мнению, местоположение и размеры изображаемого варьировались в зависимости от существующих традиций и обычаев, а также от фантазии самого человека.

Исторически сформировавшиеся особенности татуировки за прошедшие времена претерпели значительные изменения. Так, наиболее характерные черты татуировок, используемых в племенных сообществах, выражались в изображении простых геометрических знаков, таких как небольшие линии, точки, круги, несложные кресты, а также солярные изображения, в противоположность развитым и многообразным рисункам, появляющимся позже. Это обусловлено тем, что татуировка наносилась, с одной стороны, примитивными инструментами, не позволявшими изображать сложные символы, с другой, она не несла эстетической нагрузки. Исключением является только полинезийская татуировка. При этом, в отличие от современности, татуировщик племенного сообщества подчинялся определенным традициям, требованиям, обусловленным системой норм, правил своих соплеменников, что заставляло его строго следовать как правилам нанесения, так и выбору рисунка. В связи с этим технология нанесения и рисунки племенной татуировки передавались в неизменном виде каждому последующему поколению и заучивались на «живых носителях». Татуировка в архаических племенах являлась средством коммуникации, как знак, несущий определенную информацию, передаваемую соплеменникам. Татуировщик, нанося определенный рисунок на теле, был обязан сохранить каждый элемент неизменным и точно нанести рисунок для правильной передачи информации. Места, в которых тату были размещены на теле человека, имели определенный смысл, содержали специальную информацию, передающуюся чаще всего с помощью мифов, историй племени, и это строго отслеживалось. Мастер нанесения рисунка не должен был что-то изменить (добавить или убрать из композиции), так как это не отражалось в сюжете и магическом действии ритуала [45].

Данная точка зрения поддерживается и многими исследователями этого

феномена. Так, например, Г.Б. Бедненко отмечает, что в татуировках мы видим демонстрацию включенности в миф, жертву мифа или же прорыв оного. Для архаического человека, существовавшего в исключительных форматах веры или же эмпирических знаний, татуировка была актом и знаком мифологическим, поскольку никакой практической функции она, в отличие, например, от обрезания, не несет. Для современного индивидуума татуировка по-прежнему имеет преобладающее, осознанное или (чаще всего, соответствующее моде) неосознанное мифологическое значение [163].

М.Б. Медникова считает, что человека, находящегося на архаической ступени развития, время как понятие системное не волнует, он живет с мыслью о том, что он пришел в этот мир временно и только для того, чтобы подготовиться к переходу в другой мир. Это отражается в мифах, легендах которые повествуют о свершениях богов и героев-просветителей: «...его история священна, она и все происходящее лишь слепки с первоначальных событий, имевших место при сотворении мира...» [85, с.10-11].

Вместе с тем, говоря о том, что «человек единственный из представителей животного мира способен осознанно и добровольно манипулировать собственным телом», М.Б. Медникова среди перечня объяснений этому факту приводит и стремление «защитить себя, слившись с окружающей средой» [там же, с. 25]. На наш взгляд, именно эта функция явилась основополагающей в появлении татуировки. Человек с момента своего появления ведет с природой непрерывную игру, где ставкой является продолжительность жизни как отдельного человека, так и самого вида. Защищаясь в опасном мире, человек вынужден был подражать животным, обеспечивая свое тело покровительственной окраской. Как подчеркивает Г.В. Провоторов, «…научение путем подражания какому-то образцу хорошо известно у животных с развитыми социальными формами жизни» [109, с. 96–97].

Далее автор отмечает, что в наибольшей степени подражание характерно для приматов. Наблюдение за животными, а также опыт показали наличие у

животных угрожающей и предупредительной окраски, перед ситуациями, которые воспринимаются как опасность. Несомненно, такая потребность есть и у человека, когда ему необходимо послать угрожающий знак. Таким образом, можно предположить появление у сообщества людей на самой ранней стадии их развития насущной потребности усиливать с помощью знаков на теле способность к выживанию как в природной среде, так и в среде себе подобных. Причем в данном процессе есть еще два важных момента. Один из них связан с тем, что тело человека подвижно и, следовательно, нарисованные на нем изображения также подвижны, что могло навести на мысль о том, что они оживают и живут при этом своей жизнью. Так, В.Н. Никитин отмечает, что пластичное тело наделено качеством текучести, формой, постоянно меняющейся в процессе психического или физического акта [95, с. 49]. Это обстоятельство не могло не производить впечатления как на самого носителя рисунков, так и на его окружение.

Другим важным фактором закрепления значимости татуировки для первобытного человека явилось то, что она инициирует смену формы активности партнера по коммуникации. Это позволяет в результате понять ответное поведение партнера. Таким образом, подчеркивает В.Н. Никитин, человек как самонастраивающийся, самообновляющийся биологический организм открыт к воздействию природных и социальных явлений, оставаясь при этом филогенетически зависимым и анатомо-морфологически конституционально предопределенным объектом [там же, с.119]. Пластичность человеческого организма и психики отражает филогенетически закрепленное ведущее функциональное качество – приспособление и выживание в условиях постоянно меняющегося мира. Естественно, что все наносимые на тело рисунки и знаки содействовали этому процессу.

Необходимо отметить, что если в ранний период существования татуировки вышеприведенные рассуждения о ее функциях могли ориентироваться на живую систему, к которой принадлежал человек, то далее за отсутствием достоверного фактического материала определение путей

дальнейшего развития татуировки находится в области предположений.

Можно согласиться с мнением Л.В. Зильберглейта, что «связи любой популяции с биосферными подсистемами делятся на две категории: те, что базируются на инстинктах, и те, что возникают в процессе онтогенеза. В ходе эволюции связи первого типа постепенно вытесняются вторыми, и возникает вторая сигнальная наследственность-преемственность индивидуально приобретенных форм поведения» [173, с. 16-25]. Естественно, что появляется и механизм передачи форм поведения – обучение, способствующее формированию у человека представлений о культурных традициях и поведенческих стандартах. Человек в ходе эволюционирования включился в длительный процесс усвоения культурного содержания путем обучения. Чем больше усложнялась культурная среда в процессе исторического развития человека, тем более усложнялся визуальный код взаимоотношений. Специфический для определенной стабильной человеческой группы комплекс обычаев и традиций дает каждому члену группы эталонный набор правил, регулирующих как отношения человека внутри группы, так и взаимодействие с внешней средой.

Таким образом, происходили изменения и с самим человеком, изменения, обусловленные не только природными условиями развития, но и реальностью культуры. В связи с этим все, что окружало человека (как созданное природой, так и рукотворное), приобретало антропоморфные черты для развития необходимого механизма, определявшего бытие человека среди других людей в реальности социокультурного пространства. У каждого народа существуют мифы, где отражается антропоморфизм применительно к космическим объектам: это солярные мифы – о происхождении солнца, лунарные – месяца, луны, астральные мифы – о звездах, космогонические мифы – о вселенной. В этот период человек не делал различия между собой и животным, что отражается в мифах о перевоплощениях одного существа в другое, при этом он не сомневался в возможности происхождения людей от животных или наоборот. Примером могут служить народы Севера и Дальнего Востока,

которые своими предками считали распространенных на этой территории животных. Это мифологическое сознание привело к развитию образно-знаковых систем, воздействующих на человека, его психику как достоверно существующая реальность. Одной из таких знаковых систем является татуировка, имеющая глубинные исторические истоки, формы и функции.

Однако прежде чем определить значение татуировок в образно-знаковой системе, необходимо охарактеризовать основные системы знаков. Вполне убедительную их классификацию приводит В. С. Мухина в разделе «Условия психического развития» своей работы «Возрастная психология. Феноменология развития» [93]. К основным автор относит следующие знаки:

знаки-признаки – это все, по чему могут определять какой-либо объект. Сюда могут относиться внешние характеристики чего-либо, обозначающие нахождение определенного явления или предмета. Эти признаки показывают и говорят окружающим о предмете или явлении и представляют собой овеществленный опыт индивида. Они являлись основными для выживания человека в древние времена, например, для определения природных явлений (ореол вокруг луны означал, что будет плохая погода и т.д.), и были первичными по отношению к дальнейшей культуре человека. Именно эти знаки характеризовали эмоциональные состояния, выражаемые экспрессивными внешними проявлениями, благодаря которым люди приобретали способности к рефлексии. Позднее они освоили более тонкие знаки-признаки. Можно отметить, что знаки-признаки, как богатейшая область человеческой культуры, присутствуют не только в сфере отношений человека с окружающим миром и его познания, но и в сфере языка, обеспечивая означивание предметов и явлений. Одним из таких явлений, означающим тело самого человека, является татуировка, несущая для представителей определенного сообщества важную информацию и выполняющая ряд функций.

Знаки-копии (iconic sins – иконические знаки) – это перенесение элементов сходства с первичным в воспроизводстве чего-то нового. Сюда можно отнести все результаты художественной деятельности человека –

графика и живопись, рисунок, различные схемы, географические и астрономические карты, скульптуры и др. Знаки-копии отображают через свою метафизическую структуру основные свойства предметов, ощущаемые через материальные параметры: такие как форма, пропорции и т.д. Для мифологического сознания было характерно с помощью именно этих знаков переносить информацию, например, сюда можно отнести тотемных животных, с которыми себя отождествляли – волк, медведь, олень, лиса, ворон, конь, или антропоморфных духов, идолов, которым поклонялись представители рода с целью получения от них различного рода даров. К этой группе знаков можно отнести используемые ранее в ритуальных действиях изображения природных стихий (солнце, месяц, огонь, растения, вода), в дальнейшем ставшие элементами народно-прикладного искусства в виде орнаментов на различных предметах и объектах: коньки на крышах домов, рисунки на рушниках, покрывалах, одежде в виде вышивки и т.д. Татуировка как знак-копия исторически выполняла функцию демонстрации принадлежности человека к определенному роду.

Знаки-символы обозначают отношения народов, слоев общества или групп, утверждают что-либо. Например, сюда можно отнести материально представленные символы: специальные знаки государства, отображенные как на флагах, так и денежных знаках, печатях и т.д. Они определились, как и другие знаки, еще в родовой культуре, когда человек придавал всему природному, реально существующему значение и наделял его определенными магическими функциями, защищающими человека от опасностей, скрывающихся в окружающем мире (тотемы, амулеты, обереги и т.д.). Число знаков, несущих культурный символический смысл, огромно. Эти знаки определяют особенности, динамику эволюции человека и специфику его социокультурного поведения, создают реалии знакового пространства, в котором существует человек. Этому подтверждение мы находим у отдельных архаичных этнических групп, сохранившихся до сих пор не только на африканском континенте, но и в Латинской Америке, а также на Дальнем

Востоке и Севере России.

Заслуживает внимания точка зрения Г.Г. Гадамера на содержание понятия «знак» и «символ», утверждающего, что знаки – это то, что отличает человека от животного мира [33]. Определение знака в качестве водораздела между поведением животных и человека, на наш взгляд, – результат смешивания понятий знака и символа. Г.Г. Гадамер считает, что знак – это материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве объективного заместителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для передачи информации, знаний, а также получения, переноса и сохранения сообщений. Иначе, можно сказать, что знак – овеществленный передатчик образа предмета, но без его функциональных возможностей. Это сделало доступным развитие и создание специальных средств для передачи информации на расстояние в разных видах, как математическом, так и статистическом, и логическом и т.д.

Символ – имеет множество толкований и определений: это понятие раскрывается через сопоставление предметного образа и его глубинного смысла. В основе его смыслового значения лежит обозначение удостоверения личности, которым служила половинка черепка, бывшая гостевой табличкой sumbolon – (греч.).

Символ в культуре – категория достаточно универсальная, которая несет в себе эстетическую информацию, когда образ становится «прозрачным» и смысл как бы проглядывает через него и имеет значительное количество вариантов свойств, намного превышая возможности человеческого восприятия.

П. Рикер, исследуя народное декоративное искусство, отмечал, что символ – это всякая структура значения, где наряду с основным, первичным, буквальным определением есть одновременно и другой, косвенный, вторичный, иносказательный смысл, который доступен для понимания лишь через первый [86]. Все вокруг человека наполнено различными знаками и символами, которые помогают и в то же время регулируют его поведение, олицетворяя и наполняя смыслом.

Б.А. Рыбаков при анализе народного декоративного искусства отмечал, что «символ никогда не принадлежит одному синхронному срезу культуры – он всегда пронизывает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения. Послания из символов в орнаментальной динамической форме составляют микрокосм человека в макрокосме мироздания» [198]. А.Ф. Лосев определяет «символ как идеальную конструкцию несущей в себе в скрытой форме перспективу для её развертывания в мысли, перехода от обобщенно-смысловой характеристики предмета к его конечному смыслу» [80, с. 10].

Таким образом, символ является синтезированным представлением о смысловом содержании тех или иных предметов.

Еще в Древней Греции ученые отмечали, что символ несет как минимум семь вариантов (ключей) для его понимания, то есть что один и тот же символический материал можно рассматривать через призму различных граней понимания. Каждый раз, раскрывая различные содержания и значения символа, мы обнаруживаем еще более глубокие и относящиеся к разным сферам бытия, имеющим отношение к различным областям человеческого существования, но при этом всегда дополняющие друг друга. С каждым новым открытием значения одного и того же символа появляется еще более глубинное его значение [205].

Однако множественность значений символа является не единственным определяющим его свойством, так как это лишь одна из его сторон. Весь вопрос в том, что с каждой встречей носителя символа с тем, для кого он предназначен, осуществляется коммуникация, которая происходит вне зависимости от того, понимает или нет человек символическое содержание явления. В момент истинной встречи символа и человека в его душе наряду со смутными предчувствиями, далекими от конкретного понимания, происходит бессознательное влияние и потрясение, необъяснимое никакими словами. Человек реагирует на символ чаще на бессознательном уровне, нежели

сознательно. В его душе символ находит отклик, вступает с ней в резонанс и подталкивает к переосмыслению многого из того, что до сих пор он чувствовал и знал.

Знак, «ничего не изменяя в самом объекте психологической операции» (Л.С. Выготский, 1998) [32, с. 28], в то же время устанавливает перемены в самовосприятии индивида. Это выражается через речь и мыслеобразы, которые он использует в ней.

Раннее использование татуировки (широкое использование отмечено историками уже в родовом строе) привело к определению её как знак-символ. Так, в древнейших формах коммуникации человека, визуальная система во всех культурах демонстрировала множество знаков, имеющих символический смысл и обладающих ритуализованными значениями в человеческом сообществе.

Для осуществлении общественного функционирования в жизнедеятельности, а также для прогнозирования его результатов необходимы знания системы символов. Например, охотничья маскировка придала значительный импульс развитию визуальности древнего человека и использованию в дальнейшем татуировки как ее элемента. Подобное преобразование телесности с использованием масок, демонстрирующих животное или его изображения на теле охотника, способствовало убеждению, что подражание зверю, его внешнему облику усиливает физические возможности человека, способствует успеху в деле. При этом условия выживания человека требовали точности при визуальном уподоблении объекту охоты.

Следует отметить, что до настоящего момента точно не установлено время появления татуировок, поскольку редкие сохранившиеся мумифицированные или вмерзшие в ледниках тела практически всегда в разной степени были татуированы. Неолитические статуэтки, найденные археологами в Венгрии и датированные пятым тысячелетием до новой эры, покрыты орнаментом на груди и ягодицах. Достаточно подробно описана мумия, найденная в альпийских горах, на коже которой сохранились следы татуировок.

М.Б. Медникова в монографии «Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник» приводит много примеров татуированных мумий, найденных при раскопках в пустыне Такла-Макана, в горах Алтая. Важно отметить, что основное содержание татуировок мумии вождя составляли изображения зверей. На самой южной точке Алтая, на плато Укок во льду найдено тело молодой женщины, руки которой были сплошь покрыты татуировкой. Рисунки также изображали разных зверей. Некоторые из них представляли собой неких фантастических животных с лапами хищника, туловищем оленя, хвостом тигра и головой грифона [85].

Одним из самых интересных направлений в этнической татуировке считается скифское. Образцы скифских татуировок были обнаружены во время археологических исследований на Горном Алтае Пазырыкских курганов. Ученые экспедиции С.И. Руденко извлекли тело скифского вождя, время погребения датируется приблизительно V–IV в. до н.э. Особенностью данного тела было полное покрытие его узорами татуировки. Татуировка была выполнена путем накалывания и демонстрировала изображения животных, в основном на груди, спине, обеих руках и голенях. При этом изображены животные были в двух вариантах – на лицевой части тела рисунки – богато украшены, сильно орнаментированы и представляли зверей как мифическое существо огромных размеров и скорее всего такой же силы. На задней стороне тела рисунки были выполнены схематично и просто.

Этот и другие примеры, приведенные в различных источниках (А. Ельски, Р. Егоров и др.), дают представление о богатых сюжетами и формами древних татуировках, хотя их корни уходят глубоко в историю становления человеческой популяции и трудно поддаются анализу.

Вместе с тем период, доступный для изучения, включая археологические материалы, представлял перед исследователями картину не только широкого распространения татуировок, но и множество сюжетов и способов их нанесения на тело. Восстановить процесс превращения этого феномена в значимую и важнейшую часть жизнедеятельности человека можно, опираясь на

исследования в области антропологии, этнографии, изучая описания и анализируя традиционные обряды и праздники.

В монографии «Исторический субъект в поисках своего Я» А.В. Шабага развивает мысль о том, что на ход социального развития вообще и идентичность конкретного исторического субъекта, в частности, влияют, прежде всего, социальные характеристики пространства и времени [141]. Тут же он отмечает и такие основные концепты необходимые для существования человека и основанные на базовых принципах создания миропорядка как ритм и симметрия.

В.М. Привалова подчеркивает, что отображение, имитация природных форм, фауны и флоры естествено для самого человека, так как помогает овладеть реальностью и найти культурными требованиями и нормами [196]. При этом символы и знаки обретают ритуальное и магическое культурное назначения путем «онтологизации, персонализации, субъективизации, семиотизации, историзации» [178]. Все выше перечисленное – одна сторона, составляющая фундамент появления и распространения рисунков на теле одновременно со знаками и узорами, покрывавшими стены пещер, предметы быта и охоты, окружающие человека.

Другой составляющей является демонстрация окружению себя посредством тела, ограничивая тем самым степень своей свободы. Человек постоянно вынужден выбирать между двумя формами репрезентации себя посредством своего тела – для самого себя и для других. При этом внимание субъекта постоянно удерживается то одними, то другим факторами: оно выборочно выхватывает инварианты информации во внутреннем и внешнем, вычленяя то или другое из общего фона восприятия.

В.Н. Никитин, проведя исследования телесности, утверждает, что проникая в образы тела, всегда присутствующие в сознании, субъект не только открывает для себя сущностные стороны своей самости, но и научается видеть и распознавать внешние по отношению к себе объекты среды [95]. Содержание двух пластических реакций определяется двумя центральными факторами –

инстинктивной природой человека и опытом его жизнедеятельности. Существуют многочисленные данные о влиянии среды на невербальное поведение человека. Эти данные подтверждают существование устойчивых форм поведения у людей одной эпохи, одного объединения, одного уровня культуры, представляющих сочетание индивидных, личностных форм поведения с групповыми, социокультурными. Каждая общность воспроизводит в своих членах качества личности и особенности их выражения, соответствующие её образу жизнедеятельности. П.Д. Тищенко отмечает, что вся телесность человека «втягивается» в культурный контекст, превращаясь в универсальный язык культуры. Окультуривание телесности – это процесс превращения телесности человека в универсальную позицию социума, которая имеет знаково-орудийную форму. Объективизация индивида в собственном теле превращает его в своеобразный текст, сгусток социальной памяти [206].

В каждой культуре, по нашему мнению, существуют определенные нормы, поведенческие установки, ценностные ориентации, некие стандарты культурной деятельности, которые регулируют поведение людей и свидетельствуют об их принадлежности к конкретным социальным и культурным группам, выражая при этом их представление о должном и желательном.

Общеизвестно, что нормы и правила существования человека в группе транслировались с помощью обрядов и праздников. У данного способа передачи законов и правил были две стороны. Одна из них касалась передачи жестко регламентированных стандартов поведения, предполагавших сложные манипулирования телом. В частности, к подобным манипуляциям можно отнести обряды инициаций, похорон, вступления в брак и проч. Именно эти периоды существования человека отмечались и татуированием, подчеркивающим принадлежность к определенной группе, возрасту, полу, статусу человека в сообществе. В строго определенном возрасте при прохождении инициации юношам наносили неизгладимые знаки, тот самый «священный текст», который делал их полноправными членами мужского

братства охотников и воинов, а также говорил посторонним об их принадлежности к определенной племенной группе [85].

В свою очередь праздники, многие из которых часто завершали ритуальные отправления, носили несколько иной характер. В них осуществлялось раскрепощение индивидуума, демонстрация эмоций, освобождение от сдерживающих и ограничивающих человека этнокультурных механизмов, расслабление и одновременно неистовство в проявлении чувств [18]. Такие моменты позволяли человеку проявить свою индивидуальность. При этом и в татуировках допускалась изобразительная свобода, можно было разукрасить свое тело соответственно собственному представлению о том, что именно следует подчеркнуть: свою красоту, силу, мужество, ловкость и т.д. Каждый представитель группы усиливал свою самопрезентацию помимо использования официальной татуировки ещё и индивидуальной символикой.

Основываясь на большом количестве фактов, демонстрирующих наличие множества довольно сложных татуировок у вождей, старейшин, шаманов, можно утверждать, что довольно быстро татуировка, не теряя утилитарное, практическое значение, приобрела характер подчеркивания статуса её владельца.

Вместе с тем следует отметить, что пространство жизнедеятельности первобытного человека мифологизировано. Так, Клод Леви-Стросс, объясняя происхождение мифов, рассматривал их как своеобразные инструменты освоения окружающего мира, помогавшие людям в общении, анализе и классифицировании [73]. Именно в ритуалах в рамках освоения мифологической картины мира человек начинает выделять себя из окружающей природы, а татуировка становится показателем осознания сообществом своего отличия от природной среды, а также и осознания своего отличия от другого сообщества.

Одной из функций мифа является защита человека, предоставление ему границ познаваемого Космоса (в рамках мифа) посреди непознанного Хаоса. Второй его функцией можно обозначить функцию развития, вызова,

испытания, проявляющихся в требованиях, предоставляемых мифом человеку, чтобы тот осознавал себя не животным или стихийным существом, а человеком.

Здесь татуировку можно рассматривать как индивидуальный миф (в случае её осознанного выбора индивидуумом) или как «отблеск», след коллективного мифа (если речь идет об исключительно субкультурно-модном варианте изображения). Татуировка своеобразно оформляет границы тела и образ личности, равно как и предоставляет площадку для прорыва образов коллективного бессознательного, является печатью индивидуальных испытаний или же жертвенником для отображения чужих образов [163].

Для русской культуры также характерно мифологическое мировоззрение, которое обнаруживается в символической характеристике татуировок. Русский исследователь символа в культуре Ю.М. Лотман говорит о том, что использующиеся в татуировках основные незамысловатые фигуры, состоящие из изображений круга, крестов, параллельных линий, треугольников и т.д., и моно-цвета влияют на появление магических ритуальных знаков. Мировоззрение как отображение идей и взглядов, отношение людей к миру, к окружающей природе находит отклик в символах, которые служат как сохранению, так и изменению общественных отношений. Психология человека, принадлежащего к определенному культурному периоду, находит отражение в символах. Например, на протяжении многих веков меч является символом доблести, силы, храбрости воина, однако в действительности он не более чем предмет, который имел чисто утилитарное назначение [81]. Необходимо учесть, что сфера культуры полна символических значений, поэтому в своих проявлениях меч как часть культуры может быть одновременно и предметом, и символом, а может быть только символом – когда для парадов изготавливается специальное оружие, исключающее практическое применение, фактически ставшее его изображением (иконическим знаком).

В целом символика татуировок имеет двойственное значение, с одной стороны, она определенным образом влияет на окружающих и, с другой – в

наибольшей степени психологически воздействует на самого носителя. Это обусловлено необходимостью приобретения самоидентичности. В монографии «Исторический субъект в поисках своего Я» А.В. Шабага, представляя этот процесс, подразделяет его на три периода. К первому он относит процесс, когда общество, идентифицируя индивида, задает ему вопрос: «Ты чей?». Во второй период определяется принадлежность к сообществу, под покровительством которого индивид находится «Под чьей защитой ты находишься?». В третьем периоде, который, по мнению автора, распространяется и на наше время, начинают преобладать взаимоотношения «С чем ты себя соотносишь?» [141, с. 33].

Можно предположить, что желание, а может быть, и необходимость соотносить себя с кем-нибудь или с чем-нибудь существовали с момента выделения человеком себя из животного мира. И те явления, факты или ситуации, с которыми он сталкивался, побуждали его зафиксировать это на своем теле с помощью знаков и рисунков, демонстрирующих принадлежность к соответствующей группе. Подтверждением этому может служить охотничья маскировка, демонстрирующая для формирующегося коллектива силу воздействия этого преображения. Удачливому охотнику воспроизведение на теле рисунка льва, тигра, буйвола и проч. давало возможность соотнести себя с этим зверем, что не только повышало его авторитет среди соплеменников, но и удивительным образом придавало силы и уверенность самому носителю этих рисунков [60].

Этому способствовало ещё и то обстоятельство, что для периода, о котором идет речь, характерно очеловечивание окружающей природы. Л.Я. Штернберг отмечал, что человек и духов именует людьми: «лесные» люди, «горные» люди, «небесные» люди. При этом татуировки могли подчеркивать принадлежность человека к тому или иному представителю «людей-духов» [146].

Современный исторический этап характеризуется индустриальной культурой со все повышающемся темпом жизни, при котором, с одной

стороны, массовая информатизация дает возможность удовлетворения витальных потребностей, однако, с другой – все сложнее удовлетворять потребности общения, принадлежности. В архаических сообществах личностная коммуникация и эмоциональность восполнялась в коллективных праздниках, ритуалах, действах, где через непосредственное общение происходила психотерапевтическая компенсация, что и являлось способом объединения людей, преодоления одиночества, давало ощущение сопричастности и принадлежности к группе.

Изложенное выше позволяет считать, что татуировка – не пассивное изображение, это активный символ, своеобразный индикатор характеристик носителя, его скрытых личностных особенностей. Необходимо отметить, что в исторической протяженности человеческой культуры знак претерпевает различные изменения и не только отражает общекультурные человеческие достижения, но и трансформирует их в различные символы. Непрерывное преобразование предметного, природного и социального мира в контексте реальности образно-знаковых систем происходит в результате совершенствования человеческой культуры и человеческого духа. Что, в свою очередь, определяет пространство человеческой культуры и выступает средой обитания человека. Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности, с одной стороны, оказывает психологическое воздействие на других людей, с другой – является способом изменения собственной психики.

Следует отметить, что в современной российской культуре для преодоления дефицита общения, эмоционального отчуждения, приобретения чувства общности люди прибегают к созданию различных объединений. Такими объединениями для молодежи становятся субкультурные группировки разной направленности. Причем визуальным кодом принадлежности и символом соединения с теми, кто имеет сходные взгляды, установки, ценностные ориентиры, зачастую является татуировка.

1.4 Социокультурные характеристики современных молодежных субкультур

В связи с социально - экономическими условиями и культурно - историческими преобразованиями татуировка претерпела значимые изменения: как мотивов, символического содержания и техники нанесения рисунков, так и социального статуса её приверженцев, что не могло не повлиять на активность использования татуировки. Рассмотрим ряд положений и выводов, существующих в настоящее время по поводу представителей социума, которые активно использует татуировку как определенный маркер (исключая тюремную культуру) – молодежные субкультуры.

Значительное количество мнений о сущности и содержании понятия «молодежная субкультура» существует на данный момент в среде исследователей молодежи. Как правило, под субкультурой понимается частичная культурная подсистема «официальной» культуры, определяющая стиль её носителей. Другими словами, субкультура – это подкультура или культура в культуре.

Субкультура – это, прежде всего, отличие одной конкретной группы от большинства общества через систему норм, правил и ценностей. Это отличие может сложиться под влиянием ряда непреодолимых на конкретный период факторов (возраст, этническое происхождение, вероисповедание) и преодолимых, относящихся к социальному статусу или месту жительства. Принятие определенных ценностей субкультуры не означает полного отказа от национальной культуры, но демонстрирует признаки приверженности ценностям группового объединения.

Следует отметить, что единое определение понятия «субкультура» затрудненно из-за фундаментальности базисного понятия «культура», которое само имеет неограниченное количество определений в зависимости от

отправных точек зрения исследователей. До сих пор продолжается дискуссия по поводу определения понятия «субкультура».

– В термине «Субкультура» приставка «суб» акцентирует тот факт, что она является подсистемой базовой культуры. Субкультура не образуется сама по себе и не представляет собою единого суверенного целого. Она формируется на базе более общей системы, которая и определяет основу данной цивилизации и целостность данного социума (которую обозначаем общим понятием «культура»). Субкультура как часть культуры базируется на ее культурном коде (общим для большинства и обеспечивающим взаимопонимание этого большинства) и находится в постоянной коммуникации с нею. Эта связь может обновлять существующие формы культуры, восстанавливать традиции или же создавать противостояние и нести разрушения, что в общем закономерно, так как это один из необходимых элементов для самообразования и самосознания субкультуры. Субкультура определяется, прежде всего, по отношению к культуре (господствующей, общепринятой, материнской и т.п.), противопоставляя ей свои нормы и ценности, тогда это контркультура, либо черпая в ней обоснования этих норм [160].

Еще в одном из определений субкультуры подчеркивается, что субкультура – это культура различных социальных групп, существующих в рамках официальной культуры. Субкультура, не противоречащая традиционным ценностям социума носит название традиционалистская. В свою очередь субкультуры, противоречащие традиционной культуре, называются иновационно-авангардными [206]. В этих субкультурах устанавливаются свои ценности, нормы, обычаи и т.д. Представителей конкретных субкультур объединяет система ценностей, демонстрирующая их принадлежность к данной социальной группе [262].

Для обозначения социально-культурных установок, противостоящих фундаментальным принципам «базовой» культуры, чаще всего используется термин «контркультура», трактуемый как комплекс, набор или конфигурация

норм и ценностей группы, противоречащих нормам и ценностям, господствующим в обществе, отмечает Джон Йингер [55].

Можно согласиться с мнением В.А. Гришина о влиянии способов человеческой жизнедеятельности на существование субкультур. Функционирование субкультур характеризуется довольно устойчивой степенью нравственно-психологического отчуждения, выражающегося в отношениях к другим людям, к системе общепринятых социальных норм и духовных ценностей и обществу в целом, что проявляется во внешней (объектированной) и внутренней (субъектированной) предметности [170].

Следует отметить, что появление субкультур, различающихся по степени устойчивости и распространенности, происходит в разных секторах социокультурного пространства.

Частным случаем проявления субкультур являются молодёжные субкультуры. Эпитет «молодёжная» свидетельствует о включении в группу представителей определенной возрастной категории. В данном случае этот признак является определяющим, так как именно возраст определяет ценностные предпочтения, установки, поведение членов группы и, как следствие, отношение их к базовой культуре.

Согласно Закону Приморского края от 30 апреля 2009 г. N 423–КЗ «О молодежной политике в Приморском крае» (с изменениями от 12 октября 2009 г.): молодежь - это социально-демографическая группа в возрастных границах от 14 до 30 лет [1].

В общем составе населения страны доля молодежи составляет примерно пятую часть, что достаточно существенно [133]. Для понимания рассматриваемой возрастной категории важными являются труды Э. Эриксона. В работе «Идентичность: юность и кризис» он отмечал, что молодежь во все времена – это не только шумные и заметные люди, но и тихие страдальцы, становящиеся объектом внимания психиатров [152, с. 35]. При этом Э. Эриксон говорит о том, что в данном возрасте у молодежи наблюдается кризис идентичности, молодые люди во всем стремятся быть не такими, какими их

хочет видеть общество, им доставляет удовольствие демонстрировать необычность своей внешности, своей идентичности, не основанной на конформизме или притязаниях родителей. Надо отметить, что взгляды Э. Эриксона, наряду с отечественными психологами Л.С. Выготский (1998) и Д.Б. Эльконин (1999), иллюстрируют, что один из психосоциальных кризисов личности приходится на исследуемую нами возрастную категорию. Подросток еще не выбрал своё место между положительным полюсом идентификации «Я» и полюсом «путаницы ролей» [152, с. 35].

Характерными особенностями молодежных субкультур являются стремление к обособленности, отстраненности, часто демонстративной, эпатажной, от культурных ценностей старших поколений и национальных традиций. При этом в массовом сознании молодежи восприятие представителей взрослого поколения часто имеет негативный характер. В результате носителями культуры становятся молодежные объединения со специфическим языком, поведением, ценностными идеалами, модой, предпочитаемыми направлениями искусства (С.И. Левикова, В.А. Луков).

Современная молодежь обладает еще одной особенностью – преобладанием стремления к потреблению, а не к творческой деятельности. Данную особенность следует рассматривать как чрезвычайно негативную для культуры, поскольку приобщение человека к культурным ценностям происходит лишь в активной культуротворческой деятельности.

Специфические проявления молодежного сознания представлены авангардностью, устремленностью в будущее, часто экстремальностью. Эти черты могут сочетаться с отсутствием интереса к приобретению серьезного фундамента исторических и культурных традиций своего этноса.

Появление молодежных субкультур и их существование может быть обусловлено потребностью молодых людей, испытывающих кризис идентичности, справиться с ним, успешно социализироваться и при этом активно заявить о себе. Это формирует у старшего поколения представление, что молодым «присущ дух противоречивости, что для них нет авторитетов», они отвергают

традиционные культурные ценности. На самом деле, молодежь зачастую стремится вырваться за ограничительные рамки социальных правил, законов и нормативных предписаний, ей присущи максимализм, отрицание авторитетов, категоричность суждений, неприятие советов старших. Для молодых людей характерно сопротивление необходимости подчиняться существующим социокультурным моделям, они категорично воспринимают все нормативно-регламентирующее.

Вместе с тем, именно молодежи присущи активность, динамизм, открытость миру, повышенная эмоциональность, оптимизм, романтические устремления и идеализация всего нового. В связи с этими особенностями молодые люди предпочитают конфликтовать с теми, кто не разделяет их взгляды на жизнь и позиции, а также их ценностные предпочтения.

Каждый человек стремится к обретению ясности и определенности своего существования, к расширению пределов своей компетентности, обретению чувства целостности и тождественности своей личности. Именно эти стремления оказывают влияние на процессы образования и развития субкультур. Каждая субкультура формирует набор правил и требований к своим приверженцам.

Формирование самоидентичности, преодоление кризиса идентичности подросткового возраста, может проявляться в стремлении молодежи объединиться с себе подобными, чтобы приобрести коллективную силу, преодолеть личностную неуверенность, чувство тревожности и ощущение нестабильности. Выбор символики телесной атрибутики в этом случае обусловливается необходимостью идентификации с представителями группового сообщества.

Исходя из этого, выдвинутое положение об активном использовании татуировки современной молодежью, обусловленной поисками устойчивой идентичности за счет соединения с себе подобными и формированием в связи с этим различного рода социокультурных объединений (субкультур) является актуальным и обоснованным.

Следует отметить, что изучение молодежных субкультур в СССР имело свои особенности. В мире наиболее активно этой проблемой стали заниматься с 60-х годов XX столетия. Первые публикации относительно молодежной культуры появились ещё в 30-е годы XX столетия, однако, как отмечает Т.Б. Щепанская, активное появление субкультур связано с протестными движениями молодежи Запада конца 1950–1960-х годов [149, с. 27].

Что же касается России, то до конца 1980-х годов не возникало необходимости в анализе молодежных субкультур, так как считалось что они не являются значимой областью молодежных исследований. Нередко они воспринимались как социальная патология (стиляги, хиппи и т.д.), на борьбу с которой направлялись представители государственных структур. Информация об этих субкультурах если и собиралась, хранилась только в закрытых учреждениях, в свободном доступе не находилась, а разработка данной темы без специального разрешения не велась.

А.А. Брешин, отмечает, что в российской культуре молодежные современные субкультуры имеют специфические черты: с одной стороны, зависимость от западной молодежной моды и желаний преобразовать повседневную рутину с помощью различных внешних проявлений, с другой – от влияний криминальной среды. Чаще всего субкультуры возникают в моменты, когда сообщество по каким-либо причинам не может или не желает оставаться в установленных базовой культурой нормах и правилах. Включенность в субкультуры помогает той части молодежи, которая по каким-либо причинам не может быть полностью принята базовой культурой, в социализации. Для человека важно приобретение чувства защищенности, которое дает принадлежность к группе, Почувствовав защиту и удовлетворение части основных потребностей, молодой человек начинает работу по преодолению отторжения и организации своего паттерна поведения по отношению как к социуму, так и к самому себе [230, с. 121].

Признаками наличия и сформированности субкультуры является совокупность таких данных у представителей субкультурного объединения, как

система знаний и представлений ее членов об окружающем мире, ценностях, стиле и образе жизни, потребностях и склонностях. Любой человек, формируя представления об окружающей действительности, создает определенный образ социокультурного пространства и нахождения себя в нем. Причем именно с учетом созданного образа происходит ориентация индивидуума в жизненном пространстве. Сходные установки и ценностные ориентации способствуют объединению молодежи в сообщества.

Рассматривая на примере молодежных субкультур культурные ценности их представителей, можно сделать вывод, что любое молодежное объединение определяет ценности, которых в дальнейшем должны придерживаться все представители данного сообщества. А.О. Райхштат отмечает, что конечно же, данные ценности отличаются в той или иной мере от ценностей «господствующей», основной культуры, от того типа социально-культурной формации, на базе которой рождается неформальное молодежное объединение. Это можно рассматривать как соотношение целого и частного, как традиционного и особенного, длящегося в течение всего периода существования определенной молодежной субкультуры, пока ценности, которые взаимодействуют с ценностями основной культуры, не станут разделять все представители этих субкультур (или по крайней мере, большинство) [237].

Подтверждение выводов мы находим в исследованиях Т.Б. Щепанской, подчеркивающей, что субкультуры не способны к автономному самовоспроизводству и используют коды внешней культуры, из которой заимствуют символы, несколько трансформируя или перекодируя их [148, с. 28].

Вместе с тем, обращают на себя внимание некоторые особенности существования молодежных субкультур в общем контексте современной российской культуры. Развитие массовой информатизации и появление возможности быстрого тиражирования произведений искусства стали базой для формирования массовой культуры, одним из признаков которой является ориентация на массового потребителя и получение постоянной прибыли. В этой

связи А.О. Райхштат ставит вопрос, является ли неформальная группа альтернативой этому движению, так как с момента появления она находится вне рамок массовой культуры. Все попытки общества насильно привлечь на свою сторону членов молодежной субкультуры кончаются неудачей, за редким исключением, она рассыпается как отдельная единица (субкультура) и прекращает своё существование [237, с. 25–26]. Возможно, именно с этим связаны неудачи современной российской власти создать молодежные движения, которые бы поддерживали государственную идеологию. По своей сути субкультуры – это закрытые от внешнего мира системы.

Таким образом, возникает противоречие между неформальной группой и господствующей культурой: с одной стороны, имеется желание быть свободными от уз базовой культуры общества, с другой – желание привлечь к себе внимание окружающих, что, в конечном счете, приводит к объединению эпатажных, эскапистских и протестных форм субкультуры. Эти объединенные формы предоставляют молодежи возможность включиться в сообщество, где удовлетворяются потребности вовлеченности в культуру, защищенности.

В основе молодежной субкультуры лежит особый способ отношения с миром, в котором они живут. Молодежная субкультура – это и особый образ жизни, разделяемый, в основном, живущими им непосредственно, или же сочувствующими ему. Молодежные субкультуры можно рассматривать как формы «самовыражения молодых». Ведь именно молодежь чаще всего стремится к изменению окружающего мира, своей жизни, стремится освободиться от бытующих в культуре стереотипов, отказаться от социальных требований и нормативных канонов [52].

В.А. Луков подчеркивал, что субкультуры, свойственные Западу, среди молодежи современной России представлены в меньшей степени. Он отметил, что российские субкультуры вначале перенимали идеологические принципы и внешнюю атрибутику представителей субкультур Запада. При этом В. А. Луков выявляет три фактора, способствующие этому, которые мы разделяем.

Главный фактор – это социальная и экономическая неустойчивость

российского общества. Достаточно большое число молодых людей испытывают трудности на уровне физического выживания, что значительно отодвигает удовлетворение других потребностей, которые можно удовлетворить в неформальных сообществах. Следующий фактор – особенности социальной жизни в современном российском обществе. Желание достичь быстрого успеха и материального достатка приводит молодежь к криминальным группировкам.

Последний фактор определяется тем, что утеряны нормативно ценностные основания, необходимые для поддержания социальной солидарности и обеспечения требуемой социокультурной идентичности. Вместе с тем, современные молодежные субкультуры во многих странах мира, в том числе и в России, формировались в процессе отчуждения молодежи не только от многих культурных форм и стереотипных представлений о нравственно-нормативном, но и от самого образа жизни более старших возрастных слоёв [82].

Для того, чтобы рассмотреть сущностные характеристики молодежных субкультур, необходима определенная их классификация, однако В.А. Луков считает, что достаточно сложно это сделать, так как имеется многообразие несводимых в систему признаков. С точки зрения методологии практически невозможно создать единую классификацию субкультур.

Вместе с тем существует несколько подходов к группировке субкультурных объединений. В отечественной науке все субкультуры подразделяют на три основные: асоциальные, антисоциальные, просоциальные:

– первые не несут угрозы обществу, хотя и стоят в стороне от социальных проблем. Чаще всего они осуществляют рекреационные функции. К ним можно отнести «готов», «реперов», «рокеров».

– вторые проявляют агрессивность в социуме с твердым стремлением утвердить себя за счет других, им присуща нравственная «глухота». Примером являются «скинхеды».

– третья группа, так называемые социально-положительные, приносит обществу пользу. Чаще всего эти объединения помогают социуму решать

социальные проблемы. Например, «Зеленые» занимаются защитой памятников архитектуры, реставрацией храмов, решают различного рода экологические проблемы.

Однако существует и другая типология неформальных молодежных объединений, в частности выделяются группы:

– музыкальные: «рокеры», «рэйверы», «битломаны», «металлисты», «рол- линги», «стиляги», «панки», «хип–хоп», «рэп» и проч.;

– интеллектуальные: «толкиенисты», «русичи», «археологи», «реконструкторы», «русские индейцы» и проч.;

– философско-мистические: «хиппи», «пушкинисты» и проч.;

– спортивные и околоспортивные: «роллеры», «сноубордисты», «стритрейсеры», «байкеры», «футбольные фанаты» и проч.;

– компьютерные: «хакеры», «администраторы», «геймеры» и проч.,

– политические: «скинхеды», «пацифисты», «Наши» [190].

Данная классификация субкультур достаточно условна, но имеет определенное значение для нашего исследования, поскольку анализ субкультур на основе интересов, предпочтений и жизненных установок показал их глубинные различия. Так, музыкальные группы отличаются разнообразием по своим музыкальным пристрастиям. Одна из самых известных субкультур, представители которой объединены общим увлечением прослушиванием музыки в стиле рок: «хард-рок» – «металлисты».

В свою очередь, основой объединения рейверов является поклонение определенным музыкантам – кумирам, ночной образ жизни, оторванность от природы, индустриальность музыкальных ритмов, являющихся альтернативой рок-музыке. Обращает на себя внимание то, что в период перестроечных преобразований в России молодежь практически выпала из идеологического и духовного влияния государства. Предоставленность самой себе привела к тому, что основой ряда объединений послужили образцы западных субкультур (хиппи, металлисты). Однако они не имели выраженного протестного характера. Это было проявление стремления молодежи обрести устойчивость в

быстро изменяющемся обществе и культуре путем объединения в группы, для поддержания друг друга.

К такого рода объединениям можно отнести ряд субкультур танцевального направления. Среди них – объединение «брейкеров», представители которого стремятся демонстрировать особый вид танцевальных движений. Break-dance – вид танца, соединяющий в себе разнообразные спортивно-акробатические элементы, сменяющие друг друга.

В.А. Луков относит «брейк-данс» и «рэп» (ритмическая скороговорка) к такому явлению, как «хип-хоп культура», стимулом для развития которой послужило появление виниловых пластинок, музыкальной техники, позволяющей проигрывать музыку на улицах, в местах скопления молодежи. Брейк-данс соединяет в себе элементы акробатики, афро-бразильской борьбы, а «рэп» как проявление городской уличной культуры демонстрирует особенности молодежной «дворовой» жизни и быт «музыкантов-лабухов», преимущественно афро-американцев [190]. Особенно активное увлечение брейком и его распространение в молодежной среде российского общества проявляется в 1990-х годах. Возникают новые команды исполнителей, открываются первые школы брейк-данса, обучающие ему молодежь, появляются телевизионные передачи, содержащие сюжеты об этом танце. С 2001 года Россия впервые официально участвует в международном чемпионате по «брейк-дансу». Необходимо отметить тот факт, что «рэп» в нашей стране с 2000 годов стал более популярен благодаря средствам массовой информации.

Рассмотрим ряд субкультурных групп, которые условно обозначены как имеющие интеллектуальные основы для объединения. В.А. Луков характеризуя объединения, возникшие на основе интеллектуальных интересов молодежи, обозначает их как «романтическую компенсацию повседневной рутины» [189, с. 84]. Это объединение молодежи демонстрирует ее особенности и стремление к обновлению, поиску смысла жизни а также к приключениям и различного рода испытаниям себя в необычных условиях.

На первом месте в этом ряду находятся «диггеры» и «археологи». В

данные субкультурные группировки входит молодежь, объединенная интересом не только к экстремальным видам спорта, но и к нахождению ответов на интересующую их историческую информацию. Причем, ряд представителей этого сообщества отличают достаточно сформированные идеологические представления и поэтому они совмещают стремление к решению актуальных общественных проблем с проверкой своих волевых усилий в ситуациях экстремальности. Такими опасными ситуациями, способствующими преодолению чувства обыденности, для «диггеров» может быть пребывание в подземных ходах, различного рода подземельях. Эти группы малочисленны (до нескольких десятков человек) и не стремятся к расширению своего состава. У них отсутствует желание афишировать свою деятельность. Они изредка могут допускать в свою группу представителей средств массовой информации, с исполнительной властью сотрудничают обычно в ситуациях, когда в подземных коммуникациях находят что-либо опасное для жизни людей.

В некоторых деталях между собой различаются такие субкультурные группы, как «археологи», «русские», «русичи», «индейцы». Причем объединяющим их фактором являются исследовательские интересы, стремление к познанию истории региона. Они не увлекаются выражением визуальных особенностей своего внешнего образа в обыденной жизни, но стремятся продемонстрировать ее исторические проявления с помощью различного рода театральных представлений, например таких, как «Древняя Русь».

Несколько изолирована молодежная субкультура современной России – «толкиенисты». В основе их объединения – увлеченность образами книг Джона Рональда Роуэла Толкиена: «Хоббит», «Властелин колец» и «Сильмарилион». Именно сюжеты и образы этих книг положены в основу театрализованных представлений, разыгрываемых молодежью этого объединения. Члены этого сообщества создают различное экзотическое самодельное вооружение: в ход идут деревянные мечи, лыжные палки, клюшки, карнизы. Доспехи для боев

делаются из картона, дерева, металла, при этом используется самый разнообразный подручный материал: кастрюльки, крышки и проч. Молодежь в этом объединении идентифицировала себя с героями книг Толкиена. Наркотики в этом объединении принимать не принято, но эта молодежь очень много курит.

Проблема общения является одной из актуальных как для общества в целом, так и для молодежи, в частности. Ролевые игры, используемые толкиенистами, являются значимым способом подготовки к более эффективному общению молодежи. Тем более, что мужскому сообществу исторически присуще стремление к сопротивлению, к борьбе. Объединение на почве сходных интересов может способствовать приобретению стратегий сотрудничества и компромисса в дальнейшем взаимодействии, а также уходу молодежи от социальной реальности в мир фантазийный и воображаемый. Можно высказать предположение, что в это объединение включается та часть молодежи, которая не вполне готова к борьбе и противопоставлению своих взглядов и ценностных установок базовой культуре, стремится к уходу от проблем. Потеря четкой грани между реальностью и вымыслом в игровых ситуациях «толкиенистов» может служить способом компенсации аномии и приобретения новых идеалов. Мифологизм данного неформального объединения основан на стремлении к более яркому и интересному, чем в реальности, миру.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в приведенной выше классификации, ни в проанализированной нами научной литературе, не уделяется внимания таким группам, как «готы» и «эмо», которые по причинам своего возникновения во многом совпадают с другими объединениями, созданными на основе музыкальных и интеллектуальных предпочтений молодежи.

Внешний вид готов и их атрибутика представлены черного цвета одеждой, изображением летучих мышей на теле, использованием вампирских зубов и всего того, что имеет отношение к эстетике смерти. В дальнейшем к

визуальной атрибутике стали добавляться различные мистические символы, причем без каких-либо попыток соединить их между собой и осмыслить. В связи с этим представителей данной субкультуры рассматривают как не имеющих установившейся идеологии, склонных к различного рода поведенческим девиациям и неопределенности во взглядах, хотя сами они расценивают своё движение как протест против массовой культуры, безвкусицы (С. И. Левикова, В.А. Луков, Кравчек Д.И).

Их движение отличает увлеченность множеством стилей и направлений искусства периода декаданса, символизма, готического средневековья, а также фиксация на мистических фильмах. Приверженцам этой субкультуры присущи стремление к мистике, мрачной романтике и эстетике разрушения.

Субкультура Emo (сокращение от emotion (эмоциональный) впервые обозначила себя в 80-е годы XX столетия на Западе. Визг, плач, стоны, шепот, срывающийся на крик – особенности музыкального стиля, предпочитаемого молодежью, входящей в это объединение. Кроме того, предпочитаемая музыка представлена темами о несчастной любви, несправедливости и жестокости окружающего мира. Принципом в общении представителей «эмо» является свободное выражение эмоций. В связи с этим эмоциональная выразительность проявляется не только вербально, но и визуально. Причем приверженцы к «эмо» выделяются из основной массы ярким (подробно описано в третьем параграфе первой главы) внешним видом. Для молодежи, входящей в эту субкультуру, характерны часто меняющееся настроение и смешение гендерных ролей как в эмоциональных проявлениях, так и во внешнем виде. Они ищут сторонников и мечтают о счастливой любви.

На основе спортивных увлечений молодежи, выделяют самую большую группировку – футбольных болельщиков. Это объединение отличает ситуативность, участников этого временного объединения не затрагивает образ жизни друг друга. Их общение на почве поклонения конкретной футбольной команде и переживаний в случае ее проигрыша способствует их объединению, при этом складывается агрессивная группировка. У представителей данного

объединения значительно повышается внушаемость и заражаемость, но снижается критичность. Это приводит к проявлению буйного и разрушительного поведения фанатов. У молодых болельщиков есть возможность освободиться от воздействия таких социально-контрольных инстанций, как родители, школа, институты, и выплеснуть свою агрессию на тех, кто им противостоит в поклонении их футбольной команды. Футбольные фанаты – сложное по организации сообщество, в котором внутри приверженцев одной футбольной команды выделяется ряд групп. Зафиксированы попытки межгруппового взаимодействия между сообществами футбольных фанатов, например, заключаются договоры о «ненападении» друг на друга. В задачу данной работы не входит подробный анализ сущности, подобных групп, и подгрупп.

Группа, объединяющая молодежь, увлекающуюся мотоциклами, также неоднородна, хотя их объединение и имеет единое название – «байкеры». Часть представителей этого объединения имеет возможность купить дорогие мотоциклы, но при этом их отличает техническая неграмотность.

Другое направление байкерской субкультуры, распространяющееся в современной России, отличается технической грамотностью. Основой их объединения является ремонт и переделка мотоциклов. Возможность демонстрировать окружающим технику, сделанную своими руками, а также передвижение на ней, причем достаточно часто эпатажное, дающее источник самоутверждения.

Вместе с тем, байкерские субкультуры начали постепенно участвовать в социально-политических процессах государства (например, автопробег в поддержку присоединения Крыма к России).

Следует отметить, что активно функционируют молодежные субкультуры, объединяющиеся в группы под условным названием «философские», сплачиваемые интересом к философии. Представителям этой группы присуще желание понять, осмыслить самих себя и своё место в окружающем мире. Среди представителей таких объединений выделяются

«хиппи». Их визуальные характеристики проявляются, чаще всего, в неряшливой одежде и длинных непричёсанных волосах. Визуально их можно определить по специфической атрибутике: джинсы, вышитые цветочным принтом рубашки, амулеты, браслеты (фенечки), растянутые майки с надписями «мир во всем мире». Музыкальным символом поклонения для представителей «хиппи» является песня «Земляничные поляны навсегда» английской группы «Битлз». В ситуации культурного ограничения, по мнению «хиппи», каждый человек должен быть свободен, прежде всего внутренне. Они стремятся жить свободной жизнью, избегая культурных условностей и социальных норм. Однако следует отметить, что, стремясь к полной свободе, они уклоняются от жизненных реалий и социальных обязанностей, используют различные медитативные приемы, мистицизм и наркотики как средства, способствующие «открытию самого себя».

Поколение «хиппи», называет себя «системой» («системные» ребята, «пиплз», «пиплы»). Т.Б. Щепанская отмечает, что «системные» не имеют чёткой структуры, однако занимают твердую позицию по отношению к войне, любви к ближнему, проявляют терпимость и пацифизм [148].

В современной культуре существует деление «хиппи» на «старую волну» и «пионеров», которые имеют различия. Основное отличие в том, что «старички» придерживаются идеи социальной пассивности и невмешательства в общественные дела; новому же поколению присуща достаточно активная социокультурная деятельность (участие в антивоенных митингах).

Самая молодая субкультура, и, возможно, одна из самых многочисленных, связана с пристрастием современной молодежи к компьютерным играм. Эту малоизученную группу объединяют под общим названием «геймеры» – от английского gamer – игрок. Так называют людей, увлекающихся компьютерными играми в ущерб возложенным на них социокультурным и профессиональным функциям, а также людей, патологически фиксированных на увлеченности компьютерными играми, что приводит к изменениям в восприятии реальности. Несомненно, эта

социокультурная проблема требует отдельного рассмотрения, так как молодежь, особенно увлеченная агрессивными играми, в дальнейшем может демонстрировать жестокость и неуправляемость поведения как в отношении к ближайшему окружению, так и в обществе. Эта субкультура зародилась вместе с массовым появлением компьютерных игр, а позже и Интернета, что позволило молодежи активно общаться в сети. Вместе с тем, компьютерные сетевые технологии обеспечивают возможность современной молодежи, особенно ее представителям интровертированного психосоциального типа, общаться, причем зачастую, и с иностранными сверстниками. При этом они ощущают себя активно вовлеченными в жизнь. Визуально «геймер» почти ничем не отличается от обычного человека, и узнать его можно лишь по сленгу, понимаемому только при знании английского языка.

Политические неформальные организации представлены объединениями молодёжи, имеющей активную политическую позицию, участвующей в митингах и других общественных мероприятиях, осуществляющей агитационную деятельность. Основными среди них являются «пацифисты», «нацисты» (или «скинхэды»), «панки» и др. К «пацифистам» относят тех, кто борется против войны мирными средствами, путем убеждений и мирных демонстраций.

К представителям экстремистского течения, выступающим против политики и общественных устоев относятся «панки». По возрасту это преимущественно подростки. В качестве лидеров в таких объединениях обычно выступают лица мужского пола. Они, стремясь привлечь к себе внимание, как правило, проявляют эпатажность, вычурность и скандальность в поведении. Во внешней атрибутике они используют шокирующие окружающих предметы. Это могут быть цепи, булавки, лезвия бритв и проч. «Панки» пропагандируют «протестность против существующих отношений в обществе». Представители этого течения личным примером бескорыстных отношений стремятся утверждать этику будущего. Они много говорят о добре, терпимости, трудолюбии. Однако эти принципы, как правило, остаются декларативными

заявлениями. «Панков» отличают низкая работоспособность, социальный паразитизм, поверхностность суждений при весьма высоком самомнении, особенно в отношении своих творческих способностей. Борясь с бюрократизмом, они стремятся к самоутверждению в среде приверженцев этой субкультуры, отрицая общепринятое, демонстрируя экстремизм.

События, происходящие на Украине, подтверждают существование в современной культуре организаций фашистского толка, – неофашистов, «скинхэдов», или «скинов». Это закрытые молодежные объединения с четко выстроенной системой иерархических отношений. Во главе таких объединений стоит, чаще всего, взрослый человек, проповедующий идеологию культа сильной личности, опираясь на идеи национал-социализма, антисемитизма, расизма и шовинизма. В этих группировках существуют «низший» и «высший» эшелоны. К высшему относятся так называемые «продвинутые «скины», имеющие хорошее образование. «Непродвинутые скины» представлены, в основном, юношами 16–19 лет, привлеченными в группировку полувоенной спортивной дисциплиной и стремлением к проявлению власти и силы.

Иначе обстоят дела с «продвинутыми скинхэдами», которых также называют «правыми». Это «скинхэдовская элита»: это начитанные, образованные и люди от 22 до 30 лет, которым присуща фиксация на идее чистоты русской нации.

Их внешняя атрибутика, начиная с 70-х годов прошлого столетия, осталась практически неизменной. Униформа «скинов» представлена джинсами на подтяжках, армейским ремнем с железной пряжкой, тяжелыми армейскими ботинками, черными и зелеными куртками, футболками с националистической символикой. Их отличает, чаще всего, бритая голова и татуированные свастикой лица и руки.

Завершить краткий обзор современных субкультурных объединений хотелось бы следующим суждением: переход индустриально развитых обществ, к постиндустриализму характеризуется активным образованием

молодежных субкультур. Неформальные молодежные объединения – это социальные общности, каждый представитель которых сам причисляет себя к ним, то есть идентифицирует себя с ними. В них молодежь консолидируется по ценностям, нормам, стилю, мировосприятию и т.п., отличающихся от базовой, материнской культуры собственного культурно-исторического типа [257].

Каждая эпоха создает свои формы, правила «игры» для «навязывания» человеку социальных ролей, востребованных обществом. Эти правила, законы и культурно-нормативные требования, принимаясь человеком, способствовали принятию соответствующих поведенческих ролей. Разрушение или же несформированность у молодого поколения ценностно-нравственных установок и культурной ориентировки в ситуации социокультурных преобразований всегда сказывается на их положении в социуме. Молодежь не успевает ассимилировать культурные каноны, и это проявляется в её агрессивном, девиантном поведении. В традиционных культурах существовал механизм, с помощью которого преодолевались эти проблемы. В настоящее время общество не может предложить подобного механизма. Формирование культуры, которая бы соответствовала новому миру, – процесс длительный и затруднённый поисками и тупиками. В современной российской культуре не только старшее поколение, но, прежде всего, молодежь предоставлены сами себе в попытках найти своё место в жизни. Резко меняются социокультурные роли, возрастает уровень конфликтности этих ролей с самостью личности, не способной себя реализовать в данных условиях. Это выражается в возрастающей агрессивности, неуверенности молодых людей в своем будущем, постоянном страхе, угнетённом состоянии.

Длительность переходных периодов, социокультурная нестабильность и определенная хаотичность воздействуют дестабилизирующе, прежде всего, на молодежь. Для преодоления дестабилизации и тревожности о будущем, обретения уверенности, активности молодежь создает различного рода объединения, что способствует формированию групповой идентичности. Подобного рода объединения помогают молодым людям с несформированной

идентичностью или же находящимся в ситуации ее кризиса справиться с основными социокультурными проблемами.

Таким образом, современные молодежные объединения отличаются разнообразием, особенностями социокультурных поведенческих и визуальных и нравственных проявлений, их временной неустойчивостью. Что же касается социокультурных кодов визуальности, то им присуща относительная устойчивость особенностей в каждом субкультурном объединении.

1.5 Визуальные факторы репрезентации представителей молодежных субкультур и роль татуировки

Одной из характеристик неформальных молодежных субкультур является их доступность – недоступность. Чаще всего субкультуры представляют собой систему закрыто-открытого типа, так как они закрыты для представителей старшего поколения и открыты для молодого поколения. Однако для представителей даже молодого поколения данные объединения являются не в полне открытыми. В соответствующие неформальные молодежные объединения допускаются лишь молодые люди, полностью принимающие и разделяющие ценностные установки, стиль жизни, нормы, мировосприятие представителей данной субкультуры, а также принимающие внешние атрибуты принадлежности к ней (прическа, одежда, жаргон, манеры и т.п.). Значимые принципы, идеи и установки соответствующей молодежной субкультуры получают внешнее выражение в обязательной для её членов символике и атрибутике. Посредством принятых в группе визуальных знаков молодые люди узнают «своих», отличают «чужих». Эти знаки и символы демонстрируют принадлежность к соответствующей группе, служат сигналом ее сплоченности, а также позволяют молодым людям отстаивать свои позиции и взгляды в социокультурной среде, имея поддержку всех членов группы.

Несмотря на наличие достаточного количества научных исследований субкультур, анализ их внешней атрибутики описан лишь в отдельных работах,

но при этом практически нет исследований, посвященных молодежи города Владивостока, визуальной специфике ее в субкультурных объединениях и, особенно, проявлений в татуировках.

В предисловии к монографии Т.Б. Щепанской «Система: тексты и традиции субкультуры» К.В. Чистов подчеркивал важность изучения символики молодежных сообществ, играющей существенную роль в процессе их самоорганизации и имеющей для культурологии и этнографии особый интерес [148, с.11].

Человеческое тело, его форма, двигательные особенности, отражают с помощью визуальных параметров не только культурную среду, которая способствует развитию, этнических, национальных и социокультурных характеристик, но психологическое содержание личности. Под влиянием стрессогенных факторов все элементы индивидуальности человека становятся уязвимыми, порождают установку на развитие того стиля телесного поведения и его визуальных проявлений, в котором человек находит возможность воплотить свои представления, ценности и мировоззрение, а также адаптироваться в социуме.

Стрессогенные факторы существовали во все времена, во всех сообществах, чаще всего выражаясь в особенностях взаимодействия «отцов и детей», в проблеме взаимоотношений старшего поколения и молодежи [174]. Данные взаимоотношения уходят корнями в обычай отделения девочек и мальчиков в племенном обществе на период инициации, превращая, тем самым, эти группы в субкультуры с требуемым поведением и закрытые от остального сообщества.

В социокультурном пространстве молодежным субкультурам практически всегда присуще стремление закрепить важные для них мировоззренческие смыслы в экспрессивной форме, возможно, не понятной основной массе людей, но вызывающей у них интерес. В результате единения вокруг какой-либо идеи, идеала, ценности молодежь, объединяясь в группы, достаточно часто проявляет склонность к созданию новой субкультурной

реальности. Она по-своему осмысливает эстетические установки мировосприятия, принимая сложившиеся в культуре представления и мировоззренческие смыслы, такие, как красота, художественный вкус, эстетический идеал; наполняет их новым содержанием. Молодежь стремится изменить пространство, в котором существует, эстетизировать его с позиции собственных представлений о прекрасном. Следует отметить, что в молодежных субкультурах нередко можно обнаружить стирание четкой грани между реальностью и игрой, что проявляется в театрализации, артизации, «карнавальности», импровизационности молодежной жизни. Игра для молодых людей вполне понятное действие, поэтому в группе игры становятся способом самовыражения индивидуальности. Драматургия является неотъемлемой частью деятельности молодежных групп. При этом в качестве материала для сценария могут выступать близкие по духу членам конкретной группы источники информации, в виде текстов песен, фильмов, религиозных текстов и т.д.

Для молодежи важно самостоятельно получить и расшифровать информацию из внешнего мира о том, что для него опасно. Этот мир часто ему не понятен, его пугает, поэтому артизация как форма эстетической игры в жизнедеятельности выражается в демонстративно эпатажной манере поведения, в определенном визуальном стиле, проявляющемся не только в особенностях поведенческих ролей, но и специфических пристрастиях в одежде, прическах, аксессуарах и т.д. Для молодежи язык игры понятен больше, чем текстовое послание, поэтому в молодежной среде, как ни в какой другой, практически стираются национальные и идеологические границы, в связи с чем молодежная культура практически не знает национальных барьеров.

Н.А. Хренов отмечает, что любая деятельность может одновременно выступать и игрой: «бывает, что игра трансформируется в серьезную деятельность или, наоборот, последняя – в игру» [211, с. 166]. Игра требует театрализации, что предполагает визуальное оформление в виде костюмов и

другой атрибутики, в связи с чем неотъемлемые правила и неизменные аспекты существования субкультуры поддерживаются членами сообщества, придавая каждой субкультуре специфичность.

Знаки внешнего облика и поведения человека могут демонстрировать стиль жизни личности, ее предпочтения и ценностные установки. Прежде всего отметим, что в аспекте данного исследования визуальный канал передачи информации входит в область категории «невербальное общение». Исследователи телесности В.Н. Панферов, Дж. Ниренберг, Г.Е. Крейдлин, В.А. Круткин, Е.А. Петрова и др. определяют визуальность как внешний образ, включающий (заключающий в себе) физический облик, социокультурное оформление внешности и экспрессивно-импрессивные движения. Эти элементы составляют единый «визуальный текст общения», способствуя возможностям интерпретации и понимания индивидуума в межличностном общении.

Поддерживая мысль Е.А. Петровой о необходимости изучения визуальных знаков внешнего облика человека, необходимо отметить следующие позиции:

– они являются инструментом для эффективного невербального общения, реализующим аффективно-коммуникативную, регуляторно-коммуникативную и информационно-коммуникативную функции;

– становятся главными источниками визуальной информации о человеке, индикаторами его личности.

Значение отдельных визуальных знаков расшифровывается взаимосвязано.

Информационным источником при общении чаще всего выступает тело в с его кинетическими сигналами, знаками «габитуса» или «костюма», являющимися психосемиотической определяющей в визуальном тексте общения. Визуальные средства невербального общения, репрезентируясь в функции индикации социально-психологических характеристик человека, становятся инструментом самоподачи своего образа в общении (Е.А. Петрова)

[105].

Знаки внешнего облика человека функционируют в общении опосредованными активностью субъекта, выбирающего из порожденных полем культуры знаки, отвечающие его собственным представлениям, соответствующие условиям общения и целям деятельности. В этом плане все визуальные проявления человека вольно или невольно способствуют процессу его самоутверждения.

С помощью трех визуально-коммуникативных систем: габитуса (физический облик, анатомические особенности лица, других частей тела, конституция и пр.); костюма (социокультурное оформление внешности: одежда, обувь, украшения, другие аксессуары, прическа и проч.); кинесики (любые значащие движения: мимика, жестикуляция, походка, позы) информация, передаваемая о человеке и от человека, воспринимается и передается визуальными знаками [66].

В данном разделе рассматриваются функции знаковых элементов внешнего облика человека, проявляющихся в общении представителей ряда субкультурных молодежных объединений. Можно сказать, что именно визуальные информационные аспекты являются главными «опознавательными элементами» в среде приверженцев. С помощью этих знаков, имеющих определенную символическую нагрузку, представители соответствующей субкультуры идентифицируют себя с группой и находят в базовой культуре себе подобных.

Обратимся к анализу достаточно известной в культуре группе, под названием «скины». Эта субкультура довольно условна, так как к ней относят разветвленную сеть субкультур со сходной идеологией и выраженной политической направленностью. Представителям данных субкультур присущ агрессивный образ, проявляющийся в предпочтении обшарпанных джинсов с подогнутым низом, подтяжек поверх рубашки, «пилотной» куртки, ботинок военного образца, имеющих утяжеленный носок, высокую шнуровку и стальные вставки на обуви и одежде, используемые при необходимости в

драках.

Одежда политически ангажированных представителей субкультуры имеет функциональный характер: «сапоги соответствующего размера, облегающие джинсы и рубашка создают удобство при драках, бритый череп предусматривает невозможность вцепиться в волосы во время борьбы. «Скины» особенно озабочены тем, чтобы создать исключительно крепкую, иерархически структурированную мужскую группу, в которой невозможно проявление слабости человеческих чувств. Особенно это заметно в отношении подруг, которые редко принимают участие в жизни группы. В самом начале развития этого движения имелись «скины» женского пола, отличающиеся в своем внешнем виде, жестах и поведении особой воинственностью. «Женщины-скины» в настоящее время являются единичными представителями этого движения. Отношения между полами имеют чрезвычайно агрессивный и переменчивый характер, в связи с тем, что «мужчины-скины» ориентированы исключительно на случайные контакты с представительницами слабого пола, и, как правило, они непродолжительны, даже если возникают дружественные или любовные отношения. В близких отношениях мужчины сохраняют доминирующие позиции, не позволяя женщинам вмешиваться в их «общественную» деятельность.

Предпочитаемая ими символика дает возможность определения если не политических убеждений, то хотя бы политических симпатий. Политическая разнонаправленность подчеркивается цветом одежды и используемой символикой. Источником униформы «скинхедов», взятой из самых истоков движения, явилась внешняя атрибутика лондонских портовых рабочих. Это были тяжелые ботинки, камуфляжные штаны и футболки. Классический образ «скина» может быть представлен черным «бомбером» (широкая тяжелая куртка), синими либо черными джинсами со штанинами, заправленными в черные ботинки – «берцы» (см. Приложение А, рисунок 2). Естественной является выбритая до блеска голова. Идеал обуви для «скина» – это так называемые «гриндера» (ботинки Grinders). Однако стоят они недешево,

поэтому в основном представители этой группировки ограничиваются военной обувью. Шнурки несут важную сигнальную информацию для посвященных. По цвету шнурков можно определить принадлежность к той или иной подгруппе движения. Например, белые шнурки носят те, кто убил или участвовал в убийстве «нерусского» человека, красные – представители «анти-фы», коричневые – «неонацисты» [257]. Ярким проявлением во внешнем виде является наличие бритой головы с татуировкой.

Татуировки обычно наносят на различные закрытые части тела, поскольку по символам татуировок легко обнаружить сторонника этого движения. Тематика татуировок у «скинхедов» в основном однообразна – это могут быть политические ультраправые лозунги, свастики, немецкий или кельтский кресты, изображения самих «скинов» в различных позах, надписи типа «Skinhead», «White Power», «Working class», «National Front» и т.п. Кроме того, используется пирсинг, с прокалыванием ушей и носа.

Символика татуировок представителей этой субкультуры заимствована из ряда источников: Третий Рейх, имперский Рим, кельтская мифология. Татуировка скрещенные молотки являются символом данной субкультуры. У некоторых групп, придерживающихся неофашистской ориентации, популярны имперские орлы, свастика, руны – «ODAL» и «ISS» [257]. Однако, главным символом «скинов» как в России, так и на Западе, является кельтский крест.

За подобные татуировки «скинхеды» часто подвергаются преследованию и насилию со стороны правоохранительных органов, так как они прямо свидетельствуют об их нацистских убеждениях. В связи с этим представители данного сообщества предпочитают наносить менее очевидные изображения вроде языческих богов, оружия, зверей и т.п. Также они используют в татуировках буквенные изображения, например, «88», «14/88», «18». При этом цифра обозначает порядковый номер буквы в латинском алфавите, так 88 символизирует слова Heil Hitler, а 18 – Adolf Hitler. В свою очередь цифра 14 не является буквенным шифром, и обозначает 14 слов из девиза «Белой Борьбы», сформулированного одним из идеологов движения скинхедов –

Дэвидом Лейном, пожизненно приговоренным к пребыванию в закрытой американской тюрьме: «we must secure the existence of our people and a future for white children» («Мы должны сохранить существование нашего народа и будущее для Белых детей)» [257].

«Национал-большевики» также имеют полувоенную униформу черного цвета, однако свастика у них заменена на пролетарский символ «серп и молот», а главный их партийный символ – граната-«лимонка» (см. Приложение А, рисунок 1). В.Н. Никитин, со ссылкой на зарубежных исследователей, отмечает, что «скины» любой политической направленности «являют собой пример оживления архетипических символов насилия и маскулинности» [97, с. 105]. Это ярко выражено в их визуальных образах.

Менее агрессивна, по сравнению со «скинхедами», субкультура «панков». Эта группа молодежи достаточно распространена, имеет в своих рядах несколько разнонаправленных группировок, при этом визуально мало отличающихся друг от друга [62]. «Панки» своим внешним видом показывают антисоциальные, шокирующие общество взгляды на социум. Их костюм демонстрирует противостояние через нежелание даже умываться, поэтому одежда рваная и зачастую грязная, собранная отовсюду понемногу, у окружающих вызывающая отвращение или удивление.

Аксессуарами в костюме служат различные металлические цепи, кольца, заклёпки, молнии, кожаные ремни. Все это используется в сочетании с вызывающим макияжем, пирсингом и знаменитыми прическами «ирокез» у представителей обоих полов. Популярен черный цвет (не надо за ним следить, меньше пачкается), желательно чтобы была кожа (см. Приложение Б, рисунок 1-2). «Панки-девушки» часто дополняют свой образ кожаными куртками, разнообразными майками, короткой мини-юбкой и колготками в сеточку. Массивные ботинки «Doctor Martins» иногда заменяют остроносыми сапогами на шпильках. Стилистика их образа, как отмечает А.И. Затулий, отвечает их состоянию души, объясняемому лозунгом: «Нет будущего». Панк-мода стала униформой для анархистов и бунтарей самого разного толка [48, с. 64-65].

С.В. Косарецкая обосновывала, что для дизайнеров, творчество которых «запрограммировано» на скандальность, стиль «панк», эпатирующий внешним видом (кожаный пиджак на голое тело, брезентовая роба на рубашке с жабо, множество больших булавок на джинсах, рубашках, свитерах и т.п.), является средством для выражения бунта против социальных норм и правил [64, с.116-118].

Основной особенностью стиля «панков» является выраженная экспрессия их внешнего вида, подчеркнутая эмоциональная напряженность, которая определена противостоянием «панков» в отношении общественных устоев. Противопоставление эстетических идеалов приверженцев данной субкультуры социокультурным нормам, явная конфронтация общественным устоям, выраженные с помощью особенностей костюма, жестов и вербальных форм взаимодействия, позволяют считать их образ откровенным бунтом против общества и его культуры (см. Приложение Б, рисунок 1-2).

Что же касается образа «байкеров», то он включает в себя кожаные куртки и брюки преимущественно черного цвета с обилием металлических украшений, мотоциклетные шлемы перчатки и грубую обувь с тяжелой, массивной подошвой [53, с.125-129]. Мотоциклисты подростки (16 –18 лет) называющие себя «рокерами» придерживаются образа взрослых «байкеров», вместо шлема они используют «бандану».

Основным для особенностей костюма в субкультуре «байкеров» является его функциональное назначение, а также демонстрация с его помощью социально-психологической принадлежности к конкретной молодежной группе. Байкерская субкультура в наши дни проявляет социальную активность, а не только интерес к гонкам на мотоциклах. Байкерские клубы (в частности, московский мотоклуб «Ночные волки») начали проводить фестивали, слеты, разнообразные конкурсы. Одним из таких конкурсов является конкурс байкерской одежды «Белая Амфора» [262].

Татуировкам байкеров свойственны разнообразие и экспрессивность. Из материалов западных изданий (EASYRiders), русского («ДикТАТУра»),

интернет изданий и интервью с байкерами становится ясно, что байкерский стиль в татуировках соединяет в себе множество таких стилей, как «трайбл», «традишион», «реализм». В символике татуировок часто фигурируют изображения двигателя, черепа, смерти с косой и, конечно же, самого байка. Байкеры наносят на тело изображения крыльев как символа свободы, языки пламени, как символ движения вверх т.д. [263].

Одну из самых ярких, выразительных и заметных субкультур современности представляют «готы». Современный готический образ довольно разнообразен, в связи с чем его сложно описать. Особенности этого образа сложились на основе представлений о средневековом искусстве задолго до того, как субкультура обрела свои устойчивые рамки и стилистические закономерности. Приверженцы данной субкультуры свой образ основывают на устрашающих фильмах и характеризуют свое мировоззрение как «романтично-депрессивный взгляд на жизнь», что проявляется в их стремлении к артистичности и самовыражению. Одежда, используемая «готом», зависит от личностных предпочтений индивидуума. Но, в основном, «готы» предпочитают черный цвет как в одежде, так и в макияже (ногти, волосы, губы, глаза), выбеливают лицо, чтобы подчеркнуть контраст. Они носят корсеты, которые могут быть одного из двух видов: один близок по конструкции к корсетам прошлых времен и изготавливается из дорогих тканей – бархата или парчи различных расцветок. Другой вид создается из таких современных материалов, как латекс, винил, кожа черного цвета. Так называемые «кибер-готы» носят корсеты, изготовленные из флюоресцирующего пластика. Платья и юбки у представителей этой субкультуры зачастую создаются по мотивам исторических костюмов, в них присутствует много кружевных вставок, двойных юбок. Изготавливаются эти наряды из бархата, шелка, парчи, шифона и имеют разнообразную цветовую гамму, хотя чаще все же используются черный, бордовый, фиолетовый цвета (см. Приложение В, рисунок 1-2). Иногда платья, как и корсеты второго вида, могут быть сшиты из латекса или винила, могут быть оторочены

искусственным мехом, перьями, кольцами, пряжками, цепочками. Юбки носят и лица мужского пола. Кофты у «готов» стилизованы под старину или же им присущ современный дизайн. Распространенный вид одежды «готов» кофты - сетки черного цвета, которые носят представители обоих полов. Иногда они используют «меховые» кофты из искусственного меха с длинным ворсом, преимущественно черного цвета [254].

Существуют разновидности внешнего стиля в субкультуре «готов», однако их объединяет общая стилистика образа. Так, подавляющее количество приверженцев этой субкультуры бреет голову по кругу, оставляя волосы сзади до затылка. Прическа ранней принадлежности к этой субкультуре (времен 80-х годов прошлого столетия) отличалась от современной и выражалась стоящими беспорядочным торчком волосами или же длинными волосами, собранными в хвост на макушке; иногда выбривали виски, оставляя пучки волос. «Готы» обычно активно в своем образе используют шокирующую окружение атрибутику: обильная косметика, демонстрирующая «вампиров», «чертей», «ведьм», «колдунов». Такой образ, как правило, используется в процессе посещения клубов.

Основные символы татуировок готов – это звезда или египетский крест «анх». Звезда символизирует знание, стремление дойти до всех поставленных ими целей, несмотря на необходимость преодолевать общественное противостояние и его принципы. Кельтский крест, в свою очередь, является символом бессмертия, жизни, вечности, но и символизирует ключ, открывающий «врата смерти» [222]. Эти символы изображаются у «готов» обычно на предплечье или же между лопатками (см. Приложение В, рисунок 1-4).

Представителей субкультуры «эмо» часто сравнивают с «готами», что вызывает у «эмо» протест. Несмотря на сходную символику этих двух субкультур (романтизация смерти, депрессивность, предпочтение черного цвета в одежде), общие проявления («готик-рок» и «эмо-рок» возникли из «панк-рока»), однако между представителями этих субкультур существует много отличий. Так,

«эмо» не используют в татуировках ни кладбищенскую символику, ни стилистику барокко или готики [65, с. 111-167].

Выражение эмоций с помощью своего визуального образа – это главное правило для «эмо». Представителям этой субкультуры присущи склонность к самовыражению, противостояние несправедливости, чувственность, инфантильность, акцентуация на внутренних переживаниях, интровертность. Их можно определить по яркому внешнему виду. Обычно это худые, высокие подростки, с черными прямыми волосами. В прическе присутствует «рваная» челка, закрывающая часть лица, торчащие во все стороны волосы на затылке. У девушек в прическе могут быть детские хвостики, яркие заколки. Их лица обычно бледны, ярким пятном на этом фоне выглядят подведенные черным цветом глаза. Одежда представлена узкими джинсами с дырками и заплатами, проклепанным ремнем розового цвета с изображением героев мультфильмов. На футболках изображаются герои детских американских мультфильмов (это могут быть Микки-Маус или Губка Боб), а на майках черного цвета – названия «эмо-групп» и разорванных сердец и перекрещенных пистолетов. Что символизирует сочетание сердечности индивидуума, с необходимостью защиты. Девушек можно увидеть как в длинных, так и в коротких платьях, как правило, черного цвета. В прическе используются ободочки с бантиком (см. Приложение Г, рисунок 1-2).

Преобладание черного цвета в образе «эмо» обусловлено склонностью их носителя к депрессивным состояниям. Яркие же цвета в одежде отдельных «эмо» отражают радостные моменты в их жизни, вызов мрачности и отрицание связи их образа с образом «готов». Предпочитаемая ими обувь – кеды типа «конверс», скейтерские кеды, «флипы» – тапочки из ткани в ромбик, «вэнсы» – обувь с узором в шашечку, «слипы» – обувь, похожая на тапочки, но с такой подошвой, как у кед. Усиливают их визуальный образ следующие атрибуты: почтовая сумка, покрытая заплатками или различными значками, носимая через плечо. Значки могут быть также прикреплены к одежде, обуви; очки в широкой яркой или черной оправе; яркие разноцветные (обычно силиконовые) браслеты

на руках. Также у молодежи этой группы популярны «снэпы» или «панк-атрибутика» (напульсники с шипами); крупные бусы ярких цветов; мягкие игрушки в виде мишек. Игрушки в их образе выполняют функцию защитного талисмана, с ними практически не расстаются, берут с собой на прогулки, на занятия, с ними спят ночью [62].

Предпочтение определенного стиля в одежде является одним из способов социокультурной интеграции молодежи. Как полагает А.С. Запесоцкий, костюм является «экспериментальным полигоном для выработки и апробации новых ценностей» [47], демонстрирующим две преобладающие концепции.

Первая концепция: желание выделяться в рамках социума, (а самый легкий способ самоутвердиться и заявить о себе – визуальные характеристики: костюм, прическа и т.д.). К такому типу костюма можно отнести одежды «байкеров», «хиппи», «скейтбордистов», «брэйкеров» и т.д. Часто визуальные проявления представителей неформальных групп демонстрируют их нереализованнные творческие способности и попытки через внешний образ их реализовать.

– Вторая концепция – желание демонстрировать экстремистскую направленность и акцентировать внимание на знаках отчуждения от общечеловеческих культурных ценностей. В костюме этого типа выражается трансформации общественного сознания в сторону криминализации общественной жизни, обращения массового искусства к темам секса, насилия [48].

Присутствие черной цветовой гаммы во внешнем образе представителей данных субкультур несет разную смысловую нагрузку, так например, черный цвет для «скинов», не только знак протеста, но и выражение агрессивности, для «панков» – средство для избегания необходимости ухода за собой (мне все равно), для «байкеров» – удобство использования и «брутальность», проявление мужественности; для представителей готической субкультуры – это тайна, загадка, для «эмо» – возможность ощутить и показать романично-депрессивное настроение.

Резкое расслоение молодежи (богатые – бедные, городские – сельские, коренные мигранты, «наши» – чужие, элита – плебс, счастливчики – отверженные, лидеры – аутсайдеры и т.д.) приводит к возникновению разнообразных молодежных групп, культивирующих насилие. Мировоззренческая, нормативная и поведенческая системы таких объединений определяют появление особого костюма – опознания «своего» с явно выраженными элементами насилия, экстремизма и соответствующего ему стиля поведения. К костюму этого типа относятся одежды «панков», «сатанистов» и др.

Сошлемся на энциклопедию гуманитарных наук, где в статье В.А. Лукова, посвященной молодежным субкультурам, отмечается, что молодежная одежда отличается яркостью, ослаблением половой дифференциации, полифункциональностью, создание определенного образа сопровождается оголением тех или иных частей тела, эротической провокацией. Представители различных молодежных субкультур, в отличие от остальной молодежи, через особые черты в составе предметов одежды и обуви, их конфигурацию, цветовую гамму, фурнитуру и т.д. придают одежде знаковый, символический смысл [190, с. 209].

С помощью характерных причесок и макияжа можно легко определить, к какой субкультуре принадлежит их представитель. Общая характеристика украшательств, как знаков, демонстрирующих приверженность молодежи к конкретным субкультурам, сложна, так как происходит стратификация молодежи по признакам богатства – престижа – власти. Но в молодежной среде в последнее время заметна распространенность яркой бижутерии, украшательство, ориентированное на архаическую культуру (украшения с проколом носа, губ, практика пирсинга). Активизация в молодежной среде в последние годы различных видов татуировок на теле имеет в своей основе такое же происхождение, но одновременно выражает современные тенденции в культуре телесности, связанные с молодежными инновациями.

Татуировки описанных молодежных групп представляют собой достаточно сложное социокультурное явление, имеющее множество функций,

как сложившихся исторически, так и возникших в современной культуре. Причем необходимо отметить недостаточность исследований данного культурного феномена в контексте использования татуировки современной молодежью вообще и приверженцами ряда субкультурных объединений, в частности. Вместе с тем, уже существующие и проанализированные описания и другие доступные источники и материалы, собранные автором, а также проведенное эмпирическое исследование позволяют сделать некоторые обобщения и заключения.

Прежде всего, следует подчеркнуть обилие и разнообразие сюжетов татуировок внутри каждой из перечисленных выше субкультур. Характерной особенностью «ношения» идеографического знака (татуировки) в рассмотренных группах молодежи, в основном, является отсутствие каких-либо строгих правил в отношении преимуществ определенной части тела для размещения татуировок. Однако прослеживается определенная взаимосвязь в разграничении представителей молодежных субкультур по отношению к демонстрации феминности (гипотелесности) / маскулинности (гипертелесности), отмеченные Щепанской Т.Б. [150]. Кроме того, можно констатировать стилистическую направленность и подчинение сюжетов и символики татуировок идейным лозунгам конкретных группировок, их ценностным ориентациям и смысложизненным установкам.

Так, для «скинов» всех направлений характерна эклектика символики в тату-изображениях (см. Приложение А, рисунок 1-5). Помимо хорошо известной символики третьего рейха в их татуировках присутствуют символы кельтской мифологии, в частности, кельтский крест. Кроме того, в татуировках часто используются изображения имперских орлов, свастики. Достаточно часто у них можно встретить сюжеты с черепом, костями, вытатуированные слова. Например, на торцевой части кулака на одной из рук «skin», а на другой «head». При этом текст может располагаться вдоль всей руки. Чаще всего они татуируют плечи, часть спины или груди. В целом же вся стилистика, сюжеты татуировок явно подчеркивают связь носителя рисунков с общей

идеологической направленностью группы. Следует отметить наличие зачастую достаточно сдержанной агрессивности в рисунках «скинхедов», хотя их внешняя деятельность, как известно, достаточно агрессивна. Таким образом, татуировки представителей данной субкультуры подчеркивают не только принадлежность к данному движению, но и личностные мотивы в выборе сюжетов.

Анализ рисунков татуировок панков демонстрирует внутреннюю агрессию членов данной группы, что усиливается пирсингом в ушах, носах, прическами «ирокез», цепями, кольцами, заклепками и т.д. в визуальном образе представителей данной субкультуры. Как уже было сказано при описании одежды, вся символика визуальности «панков» направлена на шокирование окружающих и эмоционально окрашенное желание отделиться от общей массы.

Татуировки байкеров сосредоточиваются на совершенно иных рисунках и сюжетах. Чаще всего это железные детали: гаечные ключи, шестерёнки, цепи; часто логотипы мотоциклов, звезды, американские флаги, финишные флажки. Встречаются изображения черепов, велосипедов. Из часто встречаемых сюжетов, можно отметить людей на мотоциклах, глаза с крыльями. Есть сюжет, который представляет человека на мотоцикле, уезжающего с кладбища. Анализ татуировок байкеров, тоже представленных разными подгруппами (тех, кто может приобрести дорогой мотоцикл, и тех, для кого цель создать свой собственный, непохожий на других, мотоцикл), позволяет прийти к выводу, что данная субкультура замкнута на себе, занята своими делами и внутренними проблемами, социально себя активно не проявляет. Лишь в случае защиты своих приверженцев представители этой субкультуры вступают в конфликт с социальной средой. Наиболее яркая, стилистически и символически разнообразная и сюжетно многоликая татуировка у «готической» и «эмо» субкультур.

Готическая эстетика татуировок обширна по выбору символов, смешивает в себе христианскую, кельтскую, египетскую оккультную символику. Это, прежде всего, обосновано смешением стилей и религий,

которые готы привлекают как основу для изображения татуировок. Основным готическим символом является египетский крест «анх» – символ вечной жизни [38]. Считается, что татуировка готической субкультуры возникла на базе вампирской эстетики. Вампиры – вечно живущие, и отсюда данный крест. Кроме того, употребляются и другие символы, например, «Глаз Ра». Христианская символика используется реже, по большей части в виде изображения распятий, кельтская же представлена использованием кельтских крестов и орнаментов. Достаточно широко применяют оккультную символику – пентаграммы (как обычные, так и перевернутые), перевернутые кресты, восьмиконечные звезды. Кроме этого, сюжеты их тату заполнены изображениями различных символов смерти, таких как гробы, черепа, и т.д. Могут использоваться эзотерические символы, некоторые животные.

Особенностью данной субкультуры является использование для нанесения тату любой части тела, включая лоб, скулы, виски. Кроме того, татуировками покрываются достаточно большие участки тела. Так, один из рисунков представляет собой разорванную грудь, в центре которой располагается паук. Сюжет разорванной кожи часто повторяется в разных вариантах. В изображениях много ящериц, пауков, драконов, волков. Часто встречаются черепа в различной стилизации. Также татуировку данной подгруппы отличает стилизация всех рисунков, иероглифов под готику. Их татуировки нельзя спутать с другими, настолько тщательно представители данной субкультуры соблюдают выбранную стилистическую установку.

Таким образом, сюжеты татуировки в сочетании с описанным выше костюмом «готов» представляют в социуме довольно «экзотическое существо». Представители этой субкультуры имеют довольно точное представление о том, как они должны себя вести, достаточно полный разработанный сценарий, идеологию своих действий и поступков.

Совсем иная картина предстает перед нами при анализе татуировок субкультуры «эмо», которым свойственно проявление эмоциональных всплесков, наличие слезливости, грусти и страдания. Вся сюжетная эстетика их

татуировок ориентирована на героев любимых мультфильмов. Татуировки демонстрируют окружающим символику молодежи с затянувшимся детством, непонятой социумом. Об этом свидетельствуют рисунки разорванных сердец, сердца на перекрещенных костях, мишки с тесаками в лапах. Изображения сердец с крылышками могут находиться на крестце, на бедрах. Характерны изображения ангелов или, например, крыла ангела на всей спине. Часто встречаются изображения мишек, звезд, порой черных на розовом фоне. Встречаются и черепа с костями, скрещенные пистолеты. Вариантов татуировок у приверженцев данной субкультуры существует достаточно много, но уже из описанных сюжетов можно заключить, что представители субкультуры «эмо» замкнуты внутри собственных переживаний, их не интересует реакция окружающих. По сути своей они индивидуалисты и не представляют достаточно сплоченной группы.

Завершая анализ татуировок наиболее распространенных субкультур, можно отметить следующее:

– символика в субкультуре имеет важное функциональное значение, требует самого пристального анализа, так как содержит информационный код, демонстрирующий неблагополучие в молодежной среде;

– по символике татуировок можно однозначно определить политические пристрастия её носителей и культурную доминанту среды, к которой они принадлежат;

– агрессивная символика татуировок почти всегда свидетельствует о склонности представителей того или иного молодежного объединения к насильственным действиям. Агрессивная татуировка связана с культом силы и доминирования. Анализируя татуировки представителей политически ангажированных молодежных объединений, можно отметить ярко выраженный армейский стиль демонстрирующий соответствующую приверженность молодежи, особенно мужского пола к архетипу бойца, воина. Архетип бойца привлекателен для молодежи, которой имманентно присуща агрессивность;

– радикально-эстетические субкультуры сюжетами и рисунками татуировок демонстрируют внутренние искания и неудовлетворенность существованием в обществе. Татуировка в этом случае – попытка добавить себе качеств, придающих ее носителям уверенности. Скорее всего, здесь большую роль играет феномен внушения и социально-психологического «заражения» через вытатуированный рисунок, образ которого несет для человека магический смысл: орел – знак гордости, независимости и благородства; бабочка – духовности; дракон – силы, тайны, мудрости и т.д. [38, с. 189];

– молодежная культура – это преходящая стадия становления личности, меняющая свое значение по мере адаптации к миру взрослых;

– основная тенденция современных субкультур – это омоложение её участников. Если раньше это могли быть взрослые люди, то сегодня в различных субкультурных группах начинают принимать участие школьники. Причем заметна тенденция, когда школьники среднего возраста стремятся подражать своим старшим товарищам. Они копируют внешние признаки: стиль одежды, манеру разговаривать и т.д., не улавливая глубинные функции татуировки и мировоззрение представителей субкультур. Нанесение татуировки становится просто модным, приобретая в современной культуре эстетические функции.

Несомненно, что молодежные объединения несут следующие функции:

– адаптируют молодежь к миру взрослых, освобождая её от семьи и давая возможность определиться в выборе и формах самовыражения, формах досуга, расширении сферы общения;

– выделяют молодых людей из общей культуры, что подчеркивается одеждой, речью (жаргоном, сленгом), манерами, образом и стилем жизни. В результате при конфликтных ситуациях молодежные группы могут стать основой для организации оппозиций, протестных проявлений против норм, ценностей, базовой культуры общества. С другой стороны, объединение молодежи в субкультуры позволяет той части молодежи, которая испытывает

выраженный кризис идентичности и не способна самостоятельно с ним справиться, приобщиться к групповой идентичности и в результате приобрести силу и защиту.

Характерной чертой современной жизни является выбор молодежью знаков и символов для самоотождествления. В зависимости от социокультурной среды, географического расположения, принадлежности к определенному объединению, степень инновационности молодежи в определении и выборе своих знаковых «меток» существенно различается. Тогда как в традиционных культурах знаки и символы молодежи предписаны установленными обычаями, нормами и правилами и проч.

Проведенное нами исследование продемонстрировало особенности влияния городской среды на жизнедеятельность молодежи и позволило выявить факторы, способствующиееё объединению в субкультуры.

ГЛАВА 2

ТАТУИРОВКА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕЛЕСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА)

2.1 Влияние городской среды на жизнедеятельность молодежи и формирование субкультурных объединений

Исследование жизнедеятельности современной молодежи в контексте ее стремления к объединению в группы с теми, кто разделяет сходные ценности и имеет подобную картину мира, тесно связано с проблемами организации городской среды, в частности, ее природными данными, экологией, социально-экономическими показателями развития региона, состоянием психологической и жилищно-коммунальной сфер, а также духовно-нравственными характеристиками современного общества.

В связи с чем особенно актуальным представляется обращение, с одной стороны, к анализу культурной ситуации в городе и влиянию городской среды на жизнедеятельность молодежи, а с другой – к исследованию предпочтений современной молодежи в культурно-досуговой деятельности, призванной приобщать человека к культуре через творчество, активный отдых, общение, развлечения.

Каждый город имеет свою историю, накладывающую отпечаток на содержание жизнедеятельности, судьбу его жителей, формы досуга, избираемые населением, их ценностные предпочтения и установки.

Городская среда – это не только природные ландшафты, но и состояние её естественно-природных и «рукотворных» составляющих, это совокупность внутриквартирной и искусственной среды вне квартир (предприятий, учреждений, улиц, дорог, транспорта), культурных ландшафтов (парков, садов), а также социально-психологической и социально-экономической среды. Э.А.

Орлова, характеризуя городскую среду в аспекте влияния на социокультурную ситуацию, выделяет в ней производственные процессы, физическую и экологическую характеристики, информационное поле, а также составляющие и особенности социокультурной структуры [100].

Сфера досуга – важнейшая область повседневности человека, в которой за годы политических и экономических преобразований в России произошли существенные изменения, обусловленные изменением предпочтений, прежде всего, молодежи.

Городское пространство, по мнению В.Л. Глазычева, город и горожанин формируют друг друга и изменяются при этом: это происходит естественно, от эпохи к эпохе, у каждой свой стиль, своя мода, свои взаимоотношения в городском сообществе [37]. При этом среда и человек не должны разрушать друг друга, должны быть чуткими, восприимчивыми, в режиме диалога производить формы, благоприятные для человека. Следует организовывать среду обитания так, чтобы в ней чувствовали себя комфортно представители самых разных социокультурных типов, возрастных категорий, различных наций и субкультурных объединений.

Индивид должен ощущать городское пространство своим, буквально продолжением самого себя. Только тогда будут позитивные результаты взаимодействия и взаимовлияния, серьезные стимулы у жителей города к тому, чтобы этих результатов добиваться. Создание устойчивых признаков места обитания облегчает адаптацию человека в искусственной среде и становится для него одним из факторов психологического комфорта.

Причем формирование духовных аспектов в жизнедеятельности современной молодежи должно основываться на понятии «психологическое здоровье», являющимся научным эквивалентом здоровья духовного. Проблема психологического здоровья – это вопрос о норме и патологии в духовном развитии человека. В ситуации экономических, политических и социокультурных перестроечных трансформаций проблемы формирования духовно-нравственного образа современной молодежи были смещены на

второй план. В результате молодежь формировала ценностные ориентиры и жизненные установки, не всегда опираясь на имеющиеся в обществе культурные и духовные ценности, а основываясь на вырабатываемых групповым объединением ориентациях и нормах.

В современном обществе все более острой становится проблема выживания и воспроизводства в городской среде человека, здорового физически, психически, нравственно. С одной стороны, люди, живущие в городе, имеют широкий спектр возможностей для самореализации, а с другой, – многие из них испытывают чувство неопределенности, вызванное необходимостью адаптации к изменениям ценностей, норм, культурных образцов в условиях общественных трансформаций. При этом не каждый человек может быстро и адекватно реагировать на все изменения из-за устойчивости ранее сформированных ценностных ориентаций и установок. В этих условиях городская молодежь стремится отыскать в окружающей среде способы освоения новой системы ценностей, включить её в свою повседневность, организовать свою жизнедеятельность в изменяющихся обстоятельствах. Реакция жителей современных городов на социокультурные преобразования определяется их поведенческой и личностной ориентацией на стереотипность или инновации.

Теоретические подходы к исследованию российских городов, процессов, происходящих в них, политических, экономических и других факторов городской среды, городской культуры стали формироваться в XX– XXI вв. Так, Э.А. Орлова в своих работах рассматривает городскую культуру в контексте взаимодействия и взаимовлияния человека и городской среды. Т.М. Дридзе исследовала проблему выживания в городе и воспроизводство физически, психически и нравственно здорового человека. Теоретические аспекты городского образа жизни, качества городской среды разрабатываются в исследованиях И.С. Турова, В.Л. Глазычева, К. Линча и других.

Социокультурную ситуацию города определяют особенности производственных процессов, темпы роста его пространства,

однородность/неоднородность структуры, интенсивность информационных потоков и другие факторы. При этом в больших городах, как правило, накоплен значительный культурный потенциал, но в XX – начале XXI века стали особенно заметны признаки экологического кризиса, связанного с жизнедеятельностью человека: чрезвычайная загрязненность, уничтожение природных богатств, замена природного ландшафта на искусственный и проч. Современные исследования позволяют констатировать, что человек и город находятся в сложных взаимоотношениях, при всей привлекательности городского образа жизни он пока далек от идеала: скученность, безликость городской среды, распространение массовой культуры, рост количества неблагополучных семей, агрессивное поведение молодежи и др. Все заметнее в городах проявляется нетолерантное взаимоотношение различных этнических групп, отчуждение, одиночество людей. В результате воздействия всех негативных факторов городского пространства деформируется личностное пространство человека, не учитываются его этические и другие потребности, изменяется эмоциональный фон жизненного мировосприятия горожан в сторону преобладания отрицательных эмоций и агрессивности. Проблемой является и особенность городского общения, проявляющаяся в формальной избыточности, с одной стороны, и недостаточности личностного эмоционального, духовного общения – с другой.

Если говорить о городе Владивостоке, то, находясь на крайних рубежах России, он имеет уникальную историю развития, отразившуюся на судьбе города и его населении. Рождение и первые шаги становления города представляют собой особый этап в его развитии. Это время, когда наряду с решением рациональных вопросов пространственного развития активно формировалась мифология и культура городской среды на основе ряда признаков окружающего ландшафта – «дух места».

Культурная среда города Владивостока определяется тем, что он строился как военный форпост России на Дальнем Востоке, имел сложную историю формирования городского населения, обустройства городского

пространства, его бытовой среды. Первоначально основной задачей было превращение Владивостока в ведущую базу Российского морского флота на Дальнем Востоке России. Большая удаленность от экономически развитых районов страны, отсутствие дорог и других способов связи обусловили особый состав населения, которое состояло из военных, купцов, нижних чинов, крестьян и каторжников. «О духовной жизни говорить нечего – её почти не было. «Пьянство, картеж и сплетня – вот три кита, на которых держалось тогдашнее местное, даже «высшее общество», – констатировал первый «летописец» Владивостока Н.П. Матвеев [31, с. 26].

Развитие городской инфраструктуры тормозилось так как правительством не сразу было принято решение о том, что именно город Владивосток будет основным местом дислокации военно-морской базы. Офицерский состав не был заинтересован в развитии социальной и культурной составляющей городской среды, так как не рассчитывал надолго оставаться на Дальнем Востоке. Существующее положение не изменилось и после решения отдать приоритет в создании военно-морской базы г. Владивостоку. Так как вся экономическая составляющая была направлена на обслуживание морского флота, то действия представителей морского и военного ведомств объективно стали препятствием в дальнейшем культурном развитии города. Долгое время основной целью существования города Владивостока была именно практическая его целесообразность для государства.

С этого времени осталось достаточно много проблем, влияющих отрицательно на образ города. Городские власти мало занимались обустройством благоприятной среды для проживания населения, направляя все усилия на создание ведущей базы Российского флота. Город до 1992 г. был закрытым и фактически выпал из поля зрения государственных чиновников теми своими аспектами, которые касались обустройства комфортной среды для проживания человека. Вместе с тем достаточный объем культурного пространства всегда был необходим человеку для обмена идеями, ценностными установками, мировосприятием, что особенно актуально для молодежи,

нуждающейся в адаптации к изменяющимся обстоятельствам. В связи с этим важной составляющей любого города является культурная индустрия. В индустрию развлечений, кроме концертных залов, кинотеатров, входят парки, аттракционы, ночные клубы, интернет-кафе, аквапарки, картодромы и проч. Сюда могут быть отнесены и предприятия, организующие спортивно-зрелищные мероприятия, а также занятия физической культурой [15].

К сожалению, часто российские города, в том числе и г. Владивосток, теряют существующие и не создают новые креативные пространства. В последние десять лет развитие города происходило за счет инвестиций в основном в коммерческую недвижимость. В результате самые лучшие территории заняты под офисы и крупные торговые центры. Лишь с началом подготовки к Саммиту АТЭС социокультурная ситуация в городе стала изменяться: в городе построен Театр оперы и балета, современный спортивный комплекс, проводится озеленение, оборудуются базы отдыха, зоопарк, открываются интернет-кафе, картодромы и проч., обеспечивая возможность проведения молодежного досуга. Широкий выбор высших учебных заведений способствует приобретению молодежью различных специальностей, получению перспективной, высокооплачиваемой работы, что дает возможность быстрой социализации. Однако современные культурные изменения, экономические и политические модернизационные процессы и многие другие факторы обусловливают трудности социализации и адаптации молодежи в городской среде, приводят к более высокой степени автономности молодежи, снижению уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью, положением в обществе. Все это способствует свободе в проявлении молодежью эпатажного, девиантного поведения, конфликтности, и включенность её в различные субкультурные объединения.

Пребывание в социальной среде предполагает, что человек так или иначе принимает её нормы и вырабатывает своё отношение к её требованиям, и если нет возможности и необходимости активно поддерживать сложившиеся социокультурные нормы и ценности, то появляется потребность определять и

генерировать собственную позицию, близкую и понятную для данного социального контекста. В результате у молодежи возникает потребность в объединении с себе подобными.

Важным фактором формирования и развития молодежных субкультур в г. Владивостоке является его расположение на «границе» с таким странами, как Китай, Япония, Корея, вследствие чего состояние «пограничья» определяет и напрямую связанные с ним особенности межкультурного взаимодействия, и специфику возникающих молодежных субкультур. На границе происходят биполярные процессы – «смыкание миров и их разграничение», отсюда возникновение субкультур, для которых пограничье является источником социокультурной информации в их развитии и семиотической зоной, в рамках влияния которой они формируются. Примером может служить субкультура «аниме», сформированная в г. Владивостоке.

Следует отметить, что научных работ, направленных на исследование особенностей молодежных субкультур города Владивостока нет. Сравнительный материал также представлен небольшим числом публикаций. Одним из фундаментальных исследований особенностей городских субкультур является работа Т.Б. Щепанской о молодежных субкультурах Москвы и Ленинграда.

Е.А. Омельченко опубликовала краткую характеристику субкультур города Ульяновска. В этой работе подчеркивается факт несовпадения содержания субкультур ни по идеологии, ни по визуализации, ни по активности с такими же группами в малых городах 3-х регионов России [194]. А.Ю. Буянова, анализируя молодежные объединения города, отмечает, что экономическое, политическое, социальное и культурное положение города влияет на формирование и деятельность молодежных сообществ [166, с. 36].

В исследованиях субкультур Хабаровского края О.В. Чибисовой отмечается факт малой изученности молодежных субкультур различных краев и областей России в целом и их роли в региональной культуре, в частности [243]. Что же касается исследования Приморского края и г. Владивостока, то

имеется лишь попытка анализа адаптационных процессов в молодежной среде Н.А. Свиридовым [203].

Отсутствие исследований молодежных субкультур г. Владивостока, формирующихся в пространстве приграничья, явилось основанием для нашего анализа, основанного на ряде выявленных факторов:

– личностного самочувствия. Оценивается удовлетворенность молодежи деятельностью в данный период времени, своим положением в обществе, жизненной ситуацией;

– профессионального развития. При этом рассматриваются возможности для трудоустройства молодежи, ее образования и саморазвития; развития предпринимательства;

– безопасности. Этот фактор предполагает определение наличия-отсутствия безопасности в городском пространстве;

– организации досуга. Оценивается широта выбора при проведении досуга, доступность необходимых услуг;

– жизнеобеспечения. Определяется удовлетворенность молодежи эффективностью системы здравоохранения, наличием социальных программ, влияющих на ее самочувствие.

Опрос проводился среди 2000 представителей молодого поколения (студенты, школьники, молодые люди от 14 до 30 лет) г. Владивостока (см. Приложение Д, Таблица 1). Анализ результатов опроса показал, что 33% респондентов в городе Владивостоке неудовлетворены в настоящее время своей жизненной ситуацией, 27% опрошенных имеют сложности с трудоустройством. 16% респондентов определили, что город небезопасен для проживания, что накладывает отпечаток на общее самочувствие молодых людей. Не удовлетворены уровнем организации досуга в городе, широтой выбора услуг и их доступности 14% опрошенных. Лишь, 10% молодых людей в городе отмечают, что такие социальные факторы, как система здравоохранения и обеспеченность социальными программами, по их мнению, удовлетворительны.

Кроме того, нами было проведено исследование, направленное на анализ досуговых предпочтений современной молодежи г. Владивостока, для этого опрошено 200 респондентов женского и мужского пола. Исследование проводилось среди молодых людей 18 – 22 лет, большинство из которых являются студентами Владивостокского Государственного Университета Экономики и Сервиса. Предпочитаемыми оказались активные виды проведения досуга, среди которых посещение дискотек, картинга, боулинга, рафтинга, велопрогулок, походы, рыбалку, охоту и др. выбрали 68% респондентов, а 32% отдали предпочтение пассивным видам досуга. 36% предпочли индивидуальные формы досуговой деятельности, например, интернет и др., однако 64% опрошенных отметили, что находят внутреннее удовлетворение при участии в групповой культурно-досуговой деятельности (см. Приложение Д, Таблица 2, рисунок 1-2). Опрос показал, что подавляющее большинство респондентов предпочитают проводить время с друзьями, что косвенно подтверждает тенденцию молодежи к объединению в группы по интересам и созданию различного рода субкультурных сообществ, помогающих адаптироваться к жизненным проблемам и преодолеть различного рода трудности.

Таким образом, анализ проблем молодежи в культурном пространстве г. Владивостока показал, что молодые люди чувствуют неудовлетворенность возможностью личностного самовыражения и своим положением в социокультурном пространстве современного города. По нашему мнению, именно это является одной из причин формирования молодежных субкультур, способствующих обретению молодежью групповой идентичности, появлению уверенности, повышению самооценки и, как следствие, адаптации в социокультурном пространстве города.

2. 2 Визуальные социокультурные характеристики субкультурных объединений г. Владивостока

Культурно-стилевые особенности социокультурных групп выявляются при наблюдении за различными слоями молодежи. Именно в результате склонности к подражательству, причем часто довольно поверхностному, поиска своего собственного взрослеющего «облика», преодоления психологической нестабильности и неуравновешенности, свойственных этому возрастному периоду, среди молодежи выделяются группы, которые следуют определенным культурным и поведенческим образцам. Молодежь создает те идеальные для себя социокоды – образцы, на которые ориентируется в той или иной степени значительное число лиц этой возрастной категории. Причем степень приближения или удаления от подобных стилевых образцов имеет широкий разброс, что выражается в наличии тех или иных признаков в речи, одежде, поведении, в потреблении «продуктов» массовой культуры в области искусства и прочих. Группы, в которых «кристаллизуются» в концентрированном виде те или иные культурно-поведенческие особенности, и стали предметом нашего исследования. В рамках данной работы мы исследуем неформальные объединения молодежи, характеризующиеся хорошо разработанной системой собственной символики (самоназванием, имиджем и т.д.), но не включенные в «официальные», «формальные» структуры». Это идеоцентрические группы, которые объединяются на основе общей деятельности, музыкальных предпочтений, знаковой символики и проч.

Население г. Владивостока в 2010 году составляло 592 тысячи человек. Доля людей в возрасте от 14 до 30 лет (то есть тех, кого считают молодежью) насчитывает примерно 27% (160 тысяч человек) [139]. В действительности количество молодых людей на улицах г. Владивостока значительно больше, так как каждое утро из пригородов в столицу Приморья на работу или учебу

приезжает большое количество молодежи. Кроме того, не учитываются те, кто живет в г. Владивостоке без прописки, а многие из таких мигрантов также молоды. В связи с тем, что предметом данного исследования является татуировка, используемая представителями современной городской молодежи как социокультурный код, была поставлены задача анализа наличия молодежных субкультур г. Владивостока. При этом учитывалась классификация субкультур, предложенная В.А. Луковым (2002), С.И Левиковой (2004), хотя нас интересовала не классификация субкультур как таковая, а молодежные объединения г. Владивостока и роль татуировки в их выражении.

Для реализации поставленных задач был исспользован ряд методов и методик, содержащий анализ истории субкультур, особенности внешнего стиля, ценностей, потребностей, склонностей, специфики коммуникации. Исспользовалась анкета-опросник, ряд психологических методик, в частности цветовой тест М. Люшера и тест ценностных ориентаций М. Рокича. Анализ содержит пять этапов.

Первый этап включает анализ мифологии субкультуры, её историю появления; второй направлен на получение общих сведений об анализируемой субкультуре, в том числе степени её открытости, отношения её представителей к внешнему миру и группе; третий – выделяет и описывает характерную для данной субкультуры визуальную символику. Четвертый этап направлен на определение идеологии представителей группы, выявление её ценностных установок. Пятый выявляет способы творческого выражения представителей субкультур.

Было роздано 2000 анкет (см. Приложение Е), из них действительными после заполнения респондентами оказались 1915, респонденты – молодежь города от 14 до 30 лет. Респондентам было предложено обозначить субкультуры, которые, по их мнению, присутствуют в культурной среде г. Владивостока по следующим критериям:

– на основании признака музыкальных пристрастий;

– признака социальной активности (политических) взглядов;

– способа проведения свободного времени;

– увлечения различными видами спорта;

– на основании принадлежности субкультурным объединениям асоциальной направленности, криминального поведения (см. Приложение К, рисунок 1).

В результате опроса установлено, что группа, сформированная на основе музыкальных пристрастий, составляет 43%. Второе по массовости объединение сформировано по признаку совместного проведения свободного времени 20%, где наиболее популярными группами являются «байкеры» – 44% и «экстремалы» – 16%, «реконструкторы» – 15%, «аниме» – 14% и «хакеры» – 11% (см. Приложение К, рисунок 2).

Также отмечены многочисленные субкультуры, отобранные по критерию социальной активности, – 17%. В свою очередь, наиболее известными среди групп, выявленных по признаку социальной активности, являются пропартийные молодежные политические объединения: «Наши» – 36%; «Единая Россия – Молодая Гвардия» – 30%; «Анархисты» – 16%, «Российский союз молодежи» – 14%; «Неформалы» – 4% (см. Приложение К, рисунок 3).

По принадлежности к какому-либо спортивному объединению выявлены 15%, среди них: «футбольные фанаты» – 37%; «скейтеры» – 22%; «роллеры» – 17%; «паркурщики» – 7%. Оставшиеся 17% практически поровну (4 – 4,5%) поделили между собой такие субкультуры, как «стритрейсеры», «спортсмены», «экстремалы», «сноубордисты» (см. Приложение К, рисунок 4).

Анализ молодежных субкультур по признаку антисоциальной направленности показал, что среди агрессивно настроенных, криминализированных представителей самое известное объединение «гопники» считают 63% респондентов; 25% респондентов указали на субкультуру «панков» как антисоциальную, 12% отметили наличие в городе «сатанистов» (см. Приложение К, рисунок 5).

В результате проведенного анализа установлено, что в г. Владивостоке, несмотря на его удаленность от Запада, присутствуют основные российские

субкультуры, такие как: «панки», «байкеры», «эмо», «готы», «реперы», «хиппи», «металлисты», «скинхэды», «аниме», «рейверы» и проч.

Вместе с тем, судя по данным опроса, лишь 12,5% респондентов из 1915 человек, опрошенных нами, причисляют себя к той или иной субкультуре.

На вопрос о способах получения информации о городских субкультурах, молодежью г. Владивостока были получены следующие ответы: 42% респондентов отметили получение информации с помощью интернета, 36% – СМИ, по 11% указали, что из общения в молодежной среде и из журналов и газет (см. Приложение К, рисунок 6).

Результаты проведенного анализа, позволили нам сделать выводы о наличии субкультур в пространстве г. Владивостока, их неоднородности, разобщенности и относительной малочисленности молодежи, принадлежащей к субкультурным объединениям. Установлено, что субкультуры рассматриваются их приверженцами как наиболее приемлемый способ межличностного общения и взаимодействия.

Как указывалось ранее, г. Владивосток долгое время был закрытым, а с момента его открытия, с появлением доступа ко всем информационным потокам стали возникать тенденции к формированию объединений в молодежной среде, получивших распространение как за рубежом, так и в Европейской части России. В целом, в городском пространстве Владивостока обнаруживаются сообщества самых разных стилей и жизненных предпочтений, хотя многие из них не насчитывают и двадцати членов. Однако определенная стабильность этих объединений подтверждается наличием конкретных мест их сбора в пределах городского пространства. Например, панки проводят фестивали – «Панк революция» в клубах «Паллада» и «BSB», в концертном зале «Undegraund» г. Владивостока, на которых могут присутствовать и представители других объединений. Самое крупное мероприятие – Open Air проводится в разных местах, но обязательно на открытом пространстве, у моря. В то же время необходимо отметить, что представители молодежных субкультур Владивостока достаточно активны и

популярны среди неформальной среды Дальневосточного региона. Так, владивостокский рок зарекомендовал себя как состоявшийся и самобытный, его сравнивают с ленинградской и московской рок-культурой. Кроме того, в городе давно существуют и развиваются молодежные субкультуры разной направленности («металлисты», «скинхеды», «панки», «скейтеры», «байкеры», «готы» и «аниме»), появившиеся раньше на 5–7 лет в других городах Дальневосточного региона, в том числе в г. Хабаровске.

Однако эти группы в основном малочисленны, среди них есть как полностью сформировавшиеся, так и находящиеся на стадии становления. Большинство из этих объединений открыты, их контингент подвижен и свободен в своем выборе. Некоторые объединения не составляют хотя бы минимальной структурной группы («золотая молодежь», «гламур», «паркуристы», «неформалы», «граффити» и пр.), включая в себя небольшое количество приверженцев. О других не удалось получить сведений для полноценного анализа в силу их закрытости («сатанисты», «скинхеды», «молодогвардейцы», «гопники»). Сведения о татуировках представителей этих групп были получены косвенным путем. Также за рамками нашего исследования остались все группы, которые так или иначе связаны с преступной деятельностью.

Нами был проанализирован ряд групп, представляющих субкультурные объединения нашего города: «хиппи», «реперы», «рейверы», «металлисты», «готы», «эмо», «аниме», «байкеры». Возраст большинства членов этих групп составляет от 16 до 25 лет, что подтверждает вывод других исследователей (С.И. Левикова, В.Л. Луков, С.А. Свиридов) о том, что именно этот возрастной период характерен для склонности к объединению в данные молодежные субкультуры. В этот период взрослеющий человек вступает в юность и молодость, заканчивает школу, начинает жить самостоятельной, хотя не всегда полной (у большинства еще сохраняется та или иная степень зависимости от родителей) жизнью. Это время занято поиском и пробой своего «Я», реализацией жизненных планов и разнообразных интересов. Анализ данных

групп позволяет сделать вывод, что основным проявлением взаимодействия в среде молодежи являются досуговые функции и функции общения. В своей среде каждый чувствует себя на равных, в отличие от мира взрослых. Как известно из других исследований (С.И. Левикова, В.А. Луков, С.А. Свиридов), эти группы чаще всего не исчезают внезапно. Они «взрослеют» и «стареют» вместе с составляющими их индивидами, их сменяют новые участники.

Исследование указанных групп проводилось по разным критериям. Одним из них был уровень образования у представителей этих групп. Анализ показал, что наиболее образованными оказались «хиппи». Представители этой субкультуры имеют, в основном, среднее или высшее образование. Возраст членов этой группы от 16 до 25 лет, т.е. это более взрослая и «серьезная» по сравнению с другими рассматриваемыми ниже группами. Представители же остальных двух групп имеют возраст от 14 до 18 лет, что подчеркивает факт подросткового периода с соответствующими психологическими установками и их поведенческими проявлениями.

«Хиппи» характеризуются достаточно развитыми по сравнению с представителями других исследуемых групп духовными интересами и потребностями: это не объединение подростков, а группы молодых людей с достаточно выраженной самостоятельностью и сформированными предпочтениями жизненных ценностей. Их характеризует целенаправленный интерес к образованию (они способны изучить избранную специальность), а также к различным сферам человеческого знания, не связанным с их будущей или настоящей профессиональной деятельностью. Что касается их предпочтений в сфере искусства, то они более всего увлекаются такими направлениями молодежной музыкальной культуры, как «рок» и «металл» (40 и 30% соответственно). Вместе с тем, мировосприятие представителей субкультуры «хиппи» (отличает их от других групп), характеризуется угнетенностью, чувством отчужденности и враждебности к окружающему их миру, который «во зле лежит», отсутствием надежд на возможную счастливую

и психологически спокойную жизнь. В этих установках они настойчиво убеждают окружающих. Это обстоятельство можно объяснить тем, что, как показали исследования в рамках курсового проектирования студентов ВГУЭС, 75% «хиппи» регулярно употребляют наркотики, а 25% – нерегулярно. Обычно, как говорят молодые люди, после наркотиков мрачная окружающая действительность отходит как бы в сторону и сознание наполняется «ощущением прекрасного».

Как показали исследования, субкультура «хиппи» представлена в основном мужским полом (80%) и лишь 20% – женским. 75% из них уже имеют среднее образование, причем многие являются студентами вузов, 15% имеют высшее образование, а 10% – еще учатся в школе. Ответы на вопрос о месте жительства молодежи данной группы показали, что с родителями проживает всего 12,5% молодых людей. По окончании средней школы и вуза они стремятся жить самостоятельно – 87,5%. Но основной причиной стремления к самостоятельности молодые люди указывают родительское непонимание их, а также то, что они сами перестали понимать своих родителей.

Что касается визуальных факторов, то внешний вид «хиппи» достаточно радикально изменился в настоящее время. Современные «хиппи» предпочитают одежду, которая подчеркивает их индивидуальность. Сейчас уже не встретишь «хиппи» в овчинном тулупе или кафтане, остались в прошлом куртки из тяжелого бархата, индийские торбы с бахромой и т.д. Владивостокских «хиппи» можно увидеть в разных местах города, но наиболее оживленное место их встреч рядом с памятником на центральной площади г. Владивостока. Отличительной чертой их внешности являются длинные волосы, обвитые голубой лентой, широкие «несоразмерные» джинсы, самокрашенные майки. Кроме того, особой деталью их стиля являются «фенечки» – браслеты ручной работы из бисера, ниток или колец (см. Приложение Ж, рисунок 1-2).

В свою очередь, «хип-хоп» субкультура, распространившаяся в России довольно быстро и активно, почти сразу проникнув на сценическую площадку, получила большую аудиторию приверженцев. Этот факт способствовал

активному образованию репперских субкультур. Возрастной состав владивостокских реперов от 14 до 18 лет (90%), и только 10% старше 19 лет. Основа возникновения и существования данной общности коренится в приверженности к такой разновидности молодежной популярной музыки, как «реп» и «хип-хоп».

Эти направления в сфере музыкальной массовой культуры и объединяют молодежь в данные субкультуры. Опрос показал, что свободное время они стараются проводить вне дома, со своими друзьями, поклонниками данного музыкального течения. Общение с близкими, например с родителями, им неинтересно. Образовательный уровень и степень духовных запросов и интересов у представителей данной группы гораздо ниже в сравнении с «хиппи». Кроме школьных занятий, эти подростки почти не интересуются другими областями знаний, а у некоторых (25%) совсем нет интереса к знаниям в сфере духовной культуры. Они считают, что принадлежность к той или иной неформальной группе и принятие ее ценностных ориентиров и есть способ добиться чего-то в жизни. Это выразилось в их ответах: «реп» – это путь к успеху, и не надо никаких знаний». В отличие от «хиппи» «реперы» гораздо реже употребляют наркотики, предпочитая им спиртные напитки.

Резко различаются «реперы» от «хиппи» и по мировосприятию. Большинство «реперов» (75%) на вопросы о наличии проблем в своей жизни дают отрицательные ответы, позитивно оценивают свое положение и ничего не хотели бы менять. У этого большинства уже есть и определенные планы на будущее. У них нет критического отношения к окружающей жизни, которое характерно для «хиппи». Поскольку большинство приверженцев данного субкультурного течения находятся еще в подростковом и юношеском возрасте, они в основном живут в родительской семье (80%). Отделившиеся (20%) от родителей указывают причину – гражданский брак.

Что касается визуальных характеристик, то представителям данной субкультуры присуща приверженность к свободной одежде спортивного стиля: свободные длинные и широкие, висящие на бедрах джинсы, объемные

толстовки, кроссовки «шузы» и кепка-бейсболка с длинным изогнутым козырьком (см. Приложение 3, рисунок1).

Субкультура «рейверов» достаточно подробно охарактеризована в первой главе. Рассмотрим особенности владивостокского варианта представителей этого объединения. «Рейв-культура» сегодня в г. Владивостоке представлена в основном женским полом, можно даже сказать, что это вариант женского субкультурного течения, источником жизненных ориентиров которого стал этот музыкальный стиль в поп-музыке. Интервью с представителями данного направления показало, что их увлекает не только рейв, но и такие музыкальные направления массовой молодежной музыкальной поп-музыки, как «хаус», «эйсидмьюзик» и др. Духовные потребности у них не очень высоки: на выполнение школьных заданий, чтение литературы они тратят менее 3-х часов в день. «Рейверы» осторожны в отношении наркотиков: 51% редко их употребляют, 29 % – чаще, в основном это растительные наркотики. Лишь 20% представителей этой субкультуры предпочитают поднимать себе настроение с помощью алкоголя.

Культура «рейверов» это, скорее, культура элитных клубов. Члены этой субкультуры проводят свои встречи в ночных клубах. Если в г. Москве есть специальные «рейв клубы», то в г. Владивостоке они отсутствуют. Посещение ночных клубов – дорогое удовольствие, поэтому доступно не всем. Интервьюирование 25 представителей данного движения, показали, что членами этой субкультуры становится молодежь в возрасте от 14 до 18 лет и чьи родители достаточно состоятельны. На вопрос «Есть ли у них какие-либо планы на будущее» большинство опрошенных затруднились сказать что-либо определенное. Практически все опрошенные, кроме одного, проживают с родителями, которые их содержат материально.

Их визуальные предпочтения связаны с клубной обстановкой. Узкие блестящие брюки, обтягивающие майки, ботинки на высокой платформе, выкрашенные в разные цвета волосы. Ночные клубы служат местом постоянных их встреч, а ночной образ жизни является характерной чертой

«рейверов». Существование «рейверов» напоминает скорее игру, где сценическая площадка–клуб с декорациями, световыми эффектами и музыкой. Никаких идеологических предпочтений ни в музыке, ни в социальной жизни исследование не выявило.

Наиболее структурированной является субкультура «металлистов», у представителей которой есть сформированные ценности, идеология, приоритеты и предпочтения. Опрос и интервьюирование показали, что представители данной субкультуры не могли определить её количественный состав, поскольку появление в группе и уход из неё не ритуализированы и зависит только от личного желания. Возраст членов группы от 17 до 35 лет. Интересно отметить тот факт, что имеющаяся литература по поводу возраста и социального состояния членов субкультуры имеют некоторые разночтения. Одни источники отмечают, что в основном в среде данной субкультуры преобладают учащиеся специальных профессиональных технических училищ, а также школьники и разнорабочие. Другие подчеркивают, что в состав группы входят в основном подростки-школьники и учащиеся профессиональных технических училищ, студенты и аспиранты (Заярная, 1991).

В свою очередь, во Владивостоке субкультура «металлистов» представлена значительным количеством разновозрастных участников (от 15 до 27 лет). Большая возрастная градация накладывает отпечаток и на восприятие своей группы, а также на образ жизни. В связи с чем можно примерно разделить эту многочисленную, разновозрастную группу на две подгруппы: до 20 лет (первая группа) и после двадцати лет (вторая), отличающиеся не только возрастом, внешними проявлениями, но и отношением к музыке.

Отличительными характеристиками первой группы является обособленность от остального общества и культуры в определенный жизненный период. Часто именно в этот период подросток воспринимает внешний мир как агрессивно настроенный по отношению к нему, как жесткий, давящий своей нормативной структурой, «ломающий» человека. Отличительной чертой данной группы является музыка, отражающая конфликт

с обществом и дающая смысл жизни, для них важны русскоязычные тексты, которые сравнивают на уровне текстов (в основном «металл» и «поп»).

Это открытая система как для новых членов (новичкам нужно прийти на «тусовку»), так и в коммуникациях с другими субкультурами. Однако представители данной группы достаточно жестко смотрят за соблюдением своих поведенческих традиций: необходимо слушать определенную музыку, соблюдать внешние визуальные атрибуты и, главное, разделять нормативно-ценностные и поведенческие установки.

Жесткая иерархия внутри данной группы отсутствует, но существует градация: «тусовщики» просто общаются внутри группы, а «музыканты» – исполнители, значительно выше по иерархии и предпочтительней. Для данной группы большую роль играет соблюдение внешних атрибутов. Представителей этого объединения, по признанию участников, «встречают по внешнему виду», характерными знаками которого являются: черная одежда с большим количеством металлических украшений агрессивной направленности (в виде серег, носимых в левом ухе, кольца и перстни с изображением оккультных символов и знаков и т. д.), черные брюки (джинсы), носимые с ботинками с высокой шнуровкой и кожаные куртки с косой молнией – «косухи», «косовороты».

Представителям второй группы (старше 20 лет) присуще стремление к обособлению от общества и поиску своей индивидуальности. Отношение данной группы к обществу довольно флегматичное: «Мы спокойны, пока нас не трогуют». Для них социум не угроза, а место, в котором необходимо адаптироваться, желательно не нанеся большого урона ни себе, ни обществу.

Члены этой группы выделяют различные течения «металла». «Металл» выступает для них символом отторжения от базовой культуры, что проявляется в предпочтении зарубежной музыки. Внутренняя дифференциация членов группы зависит от множества стилей.

Отличительной особенностью данного объединения является отношение к лидерству и статусу его членов. Существуют представители, которые уже

давно включены в группу, многие их знают, они имеют определенный статус, однако лидерство очень ситуативно. В данной группе отношения построены на личных связях, что накладывает отпечаток на постояннство и зависимость от других членов.

Обе эти группы взаимодействуют редко, стараются несталкиваться друг с другом. Кроме того, представители данной группы утверждают, что учитывается срок нахождения в данной субкультуре, что её структура размытая, неопределенная и динамичная. Внешний вид представителей для этой группы не является основной характеристикой для самоопределения.

Субкультурное сообщество «готов» представляет собой мало структурированную группу молодежи. Представители этой субкультуры являются активными участниками рок фестивалей. В г. Владивостоке есть «Дарк готик», проект под названием «ДеграDANCE» – это группа, играющая «дарквейв», состав группы представлен «готами». В социальной сети «В контакте» они оповещают о новых выступлениях и новых песнях. Группа «Готика» в г. Владивостоке является вторичной по отношению как к западным аналогам, насчитывающим четыре периода существования, так и к российским вариантам. Молодые люди хотят подчеркнуть, что их изысканный, утонченный, устремленный ввысь внешний вид гармонично сочетается с мрачным, таинственным, «леденящим кровь» холодом – от меланхолически грустного до депрессивного, и в то же время они очень красивы, внутренним содержанием и состоянием, для которого характерна близость к природе. Вместе с тем «готы» игнорируют окружающую действительность и живут, по их мнению, только эмоциями. На деле вся их эмоциональность сводится к пристрастию к «темному», мрачному восприятию мира, к фетишизации смерти.

В г. Владивостоке репутация «готов» невысока, отношение к ним среди молодежи не отличается толерантностью; их считают или бесталанными, психически нездоровыми, неадекватными («придурками»), или относят к секс меньшинствам, группам девиантного поведения.

Анализ результатов опроса и неструктурированного интервью показал,

что движение «готов» нестабильное, разобщенное, его участники воспринимают друг друга на уровне «тусовки», не интересуются историей создания данной субкультуры в городе. Предпочитаемый в музыке стиль является основным критерием для определения себя членом данной группы. Факторы, повлиявшие на вступление в эту неформальную общность, ограничиваются понятиями свободы личности и наличием специфического мироощущения. Считается, что от географического местоположения не зависит отношение к движению и сущности данного объединения. Однако большая часть владивостокских представителей этой субкультуры ничего не знают об архитектурном стиле «готика». Достаточно сложным является определение иерархичности в группе владивостокских готов. Никто из представителей этого объединения не смог сказать, кто у них лидер. Объединение представлено «готами» и «херками». Так называемые «чистые готы» не уважают «херков», считая, что последние просто используют внешние атрибуты готической культуры, не зная ничего о самой культуре. Во Владивостоке большая часть «готов» относится именно к «херкам», так как они преимущественно увлекаются внешними проявлениями «готик-культуры» и не уделяют должного внимания к знанию её истории, традициям и т.д.

Основными внешними характеристиками представителей этой группы следует считать: предпочтение одежды черного цвета, длинные волосы темной гаммы, макияж преимущественно черных цветов, включая губы и ногти, однако основной акцент сделан на высветление кожи лица. В качестве украшений используются серебряные металлические аксессуары, а самыми востребованными среди них являются ошейники, которые могут быть из различных материалов и любого вида.

Им присуще мировоззрение, характеризуещееся увлеченностью «темным», «вампирским» миром и депрессивностью. Основное место их встреч и общения – кладбища и концертные площадки. Идеологические установки сводятся к свободе личности, к соблюдению «готических идеалов», к увлечению творчеством. Музыка занимает главенствующее положение в

предпочтениях представителей этой субкультуры. По их мнению, готическая музыка – это отдельный «пласт» в истории музыкальных направлений, при этом большая часть группы предпочитает «готический металл», «готический рок», «deth метал», «J–рок» и проч.

Необходимо выделить группу представителей так называемой «романтической готики», стремящихся к традиционным готическим идеям. Кроме них в объединении выделяются «кибер-готы», идентифицирующие себя с человеком-вампиром. Девушки «готессы» ассоциируют себя с образом ведьмы или вампирши. В одежде девушек преобладающая цветовая гамма черная, но могут встречаться белые, красные, фиолетовые цвета. Причем проявления у юношей и девушек отличаются. Если девушки чаще внешне погружены в свои мысли, замкнуты, меланхоличны, то для юношей характерна повышенная эмоциональность и протестное поведение, выраженное в нарочито наигранном поведении – поза героя. Девушки строго следят за созданием образа хрупкой, стройной, меланхоличной героини. Хотя принадлежность к готической субкультуре предполагает ношение определенной одежды, а это обычно дорогое приобретение, то в повседневной одежде индивидуальный стиль выражен различной цветовой гаммой (черный, белый, красный цвет).

Субкультура «эмо-кидов» считается «самой молодой» и, пожалуй, наиболее массовой на сегодня в России «около музыкальной субкультурой» (Козлов, 2009). Эта группа молодежи, придерживающаяся «эмо-идеологии», достаточно сформировавшаяся, многочисленная, но имеющая ряд направлений внутри неё. Молодежь «эмо» предпочитает особый стиль, который выделяет их среди других субкультур. Они носят черный цвет в сочетании с розовым или другим ярким цветом. Классическая одежда представителей «эмо» – это одежда в черно-розовой гамме, узоры которой обычно двухцветные. Различные повязки на запястьях, пояса с железными бляшками, перчатки без пальцевой части, рюкзак с закрепленными на нем различными значками символизируют принадлежность к «эмо». Среди представителей «эмо» можно увидеть парней в узких джинсах с множеством металлических заклепок на них. Одежда,

предпочитаемая представителями «эмо» – рваные джинсы, ремень с заклепками, майки с детскими рисунками, либо черные с названиями «эмо-групп», пиджаки с множеством значков, олимпийки, длинные полосатые шарфы, полосатые гетры. Браслеты на руках с черепами, на ногах разноцветные браслеты, на шее – крупные бусы в несколько рядов. Некоторые носят огромные очки. Девушки носят в волосах детские заколки. Главный акцент в макияже делается на глаза. Губы – под цвет кожи и темный макияж глаз. Макияж распространен как у девушек, так и у юношей. У тех и других собычно темные волосы с челкой, закрывающей половину лица. Ногти у представителей «эмо» покрыты черным лаком, причем у юношей он часто облезший.

Анализируя эту субкультуру, можно отметить, «эмо-киды» характеризуются крайне просто – открытым выражением чувств и эмоций и депрессивно-пессимистическим взглядом на жизнь. «Эмо-группировки» г. Владивостока соответствуют общим идеологическим представлениям этого движения в других регионах РФ и зарубежом.

Довольно колоритна по визуальным характеристикам самая молодая субкультура города – «аниме». «Аниме-культура» уходит корнями в подражание героям японских анимационных фильмов. Приверженцами этой субкультуры являются, в основном, подростки 12–17 лет. Их интересы и ценности замкнуты на увлеченности анимационными фильмами (о культуре и истории Японии). Члены группы общаются между собой на определенном «сленге», используя японские слова и фразы. Анализ материалов, полученных в результате опросов и интервью, позволил формировать следующую классификацию этой достаточно неструктурированной группы: «новички» – только вступающие на путь поклонения японским мультфильмам; «интересующиеся» – увлекаются аниме-культурой давно, имеют коллекции «аниме», «манги», клипов, посещают «аниме-мероприятия», состоят в группе определенное время, знают несколько японских слов, некоторые факты о Японии. Они могут увлекаться «аниме», интересоваться языком, историей

Японии, стремятся к её посещению. Группа «отаку» – те, кто достаточно серьезно предпочитает культуру «аниме». Представители этой части субкультуры читают специальные издания об «аниме», посещают соответствующие страницы в интернете; коллекционируют фигурки любимых персонажей; участвуют в «аниме»-фестивалях, «косплее» и других мероприятиях; занимаются каким-либо творчеством (рисование, проза, стихи); тратят много денег на «аниме» и все, что связано с этим увлечением; обладают обширными знаниями в области истории развития «аниме», могут дать исчерпывающую консультацию новичку по разным вопросам, касающимся «аниме» и «манга»; интересуются историей и культурой Японии (степень увлечения может быть различной, от простого прочтения статей, увлечения японской кухней и т.п. до серьезного изучения языка, истории страны и поездок в Японию).

Данную субкультуру объединяют так называемые косплей-фестивали, в переводе с английского – «костюмированная игра». Возник современный косплей в стране, создавшей знаменитые японские комиксы и мультфильмы «аниме» и «манга», в связи с чем основными персонажами косплея являются герои данных мультфильмов, а также видеоигры, «токусацу» или исторические фильмы о самураях. Отождествляя себя с каким-то персонажем, участники косплея не только называются его именем, носят аналогичную одежду, употребляют аналогичные речевые обороты, но и стараются вжиться в роль, иногда перенося паттерны поведения своего героя в обычную жизнь. Готовятся к косплею задолго и тщательно, часто делают своими руками костюмы, но те, кому позволяют доходы, могут заказать их в ателье или купить готовый. В Японии поставлено довольно широко бизнес-производство костюмов и аксессуаров для косплея.

Употребление термина «косплей» стало актуальным не только среди участников русского «аниме-сообщества», но его активно стали употреблять также представители других субкультур. Сущностной основой для обозначения приверженности к «костюмированной игре» является внешний

вид («ролевиков» и «исторических реконструкторов») вне зависимости от их отношения к японской культуре. В российском косплее сложилась практика полевых игровых действий, которая практически отсутствует на родине косплея в Японии, где участники сосредоточивают все свои усилия на качестве костюма. Причиной является то, что во Владивостоке «косплей» стал игровым действием персонажей, тогда как, для увлекающихся косплеем японских представителей важна просто демонстрация костюма.

Свой внешний облик представители «аниме» г. Владивостока также оформляют в соответствии с внешним видом любимых героев фильма. Это могут быть брелоки, подвески, изображения «аниме» персонажа, сумки, футболки с соответствующей символикой, прически, которые могут меняться со сменой приоритетов и выбором персонажей.

Самой структурированной и закрытой является субкультура «байкеров». Они практически не идут на контакт, имеют свою идеологию и своё особое мироощущение. В г. Владивостоке довольно широко распространена эта субкультура, в ней активно участвуют более тысячи человек, официально существует около 15 мотоклубов – отметил руководитель байкерского клуба г. Владивостока «Русские Самураи» Валерий Володарский (Well). В ходе интервью с Валерием удалось выяснить следующее: субкультура начала своё развитие с 90-х годов XX столетия. Всех, так или иначе причисляющих себя к этой субкультуре, объединяет, в основном, любовь к мотоциклам. Они собираются в более или менее крупные группы, придумывают различные названия и цвета оформления техники. Ярко выраженных групп «байкеров» в городе две: «Железные тигры» и «Русские самураи». Обе группы объединены в одноименные клубы, зарегистрированные официально как общественные движения. Оба эти объединения имеют аббревиатуру МС-мотоклуб. Остальные МСС-мотообъединения. У клубов сложная система принятия новых членов: «ханграунд» – кандидат в кандидаты, «проспект» – «чистый» кандидат; «мемберс» – статус полноправного члена клуба. Срок проверки три года. Байкерский клуб – закрытая структура со своей идеологией, кодексом

поведения, флагом, гимном и принятыми цветами в оформлении одежды и мотоциклов. Не каждый желающий может попасть даже в статус «ханграунд». Приобщение к субкультуре – дорогое мероприятие. С одной стороны, это ограничивает группы в размерах, а с другой – влияет на возраст участников, обусловленный возможностью иметь хороший мотоцикл и специальную экипировку. Чаще всего, представители этоо объединения это уже работающие и довольно состоятельные люди. Самым закрытым и строго структурированным является клуб «Железные тигры». Это команда единомышленников, связанных не только любовью к мотоциклам, но и крепкой дружбой. Увлечение мотоциклом – это практически образ жизни. На мероприятия, организованные клубом, приходит вся семья «байкера». По типу профессий члены клуба делятся на две группы: одни занимаются ремонтом, торговлей мото-техникой и работают в фирме «ВладМото», другие работают в государственных учреждениях. Они не преследуют каких-либо целей, направленных вовне, не претендуют на социальную активность. Их незыблемые ценности: мотоцикл, пиво, дорога, рок. Клуб имеет свои филиалы в городах Приморского края. Занимается благотворительностью, курируя детские дома, в некоторых мероприятиях выступая спонсорами, принимает участие в «игрушечном пробеге» – ежегодном международном мероприятии празднования Дня защиты детей.

Совершенно по-другому организовано объединение «Русские самураи». Это открытое движение, включающее в себя доверенных лиц. Байкеры всех возрастов разного стиля вождения и мастерства, с любыми проблемами, с «техническими» и «человеческими», в любое время здесь находят помощь и понимание. Дружба, равенство, взаимовыручка, страсть к технике, дух свободы и честь – основы, накрепко сплотившие «Самураев». Основная цель движения – объединение многочисленных мото-клубов Дальневосточного региона для достижения общих целей, соответствующих принципам движения «RS». В названии клуба слово «Самурай», члены его трактуют следующим образом: «сам у своего развития; сам строй свой рай». Установки группы состоит в том,

что каждый должен надеяться на свои силы и в то же время знает, что на помощь всегда придет команда единомышленников. Это объединение более открыто и более, чем «тигры», социально ориентировано. Они участвуют практически во всех мероприятиях, проводимых мотоциклистами. Члены клуба жестко подчиняются кодексу, разработанному клубом, в котором чётко определены правила существования и поведения в рамках этой субкультуры.

Существует ряд совместных мероприятий для всех байкеров – открытие и закрытие сезонов, фестивали с конкурсами, носящими специфический характер. Данная субкультура носит выраженный «маскулиный» характер. Девушки лишены права вступления в клуб, могут поддерживать движение, являясь «суппортом», и тогда могут носить цвета и нашивки клуба хотя в городе существует женское мото-сообщество Steel cats WMCC, во главе которого стоит Frenki – Татьяна Зудина. Главный и основной элемент стиля принадлежности к байкерам – это мотоцикл. Владельцы постоянно вносят в него изменения, как в технические усовершенствования, так и в его внешние характеристики. Внешний вид владивостокских байкеров стереотипен: на голове бандана, представляющая собой головной платок темных тонов, который носится определенным образом, завязанным на затылке; также это может быть черная вязаная шапочка; из верхней одежды предпочтительна «косуха» – кожаная куртка с замком наискосок, мотокуртка, на неё часто надевается джинсовая или кожаная жилетка с символикой мотоклуба; кожаные штаны. Внешний облик был бы неполным без упоминания длинных волос, бороды и усов, а также очков, но редко кого из байкеров увидишь в шлемах, если же они есть, то имеют самые причудливые формы: от металлических касок времен второй мировой войны до рогатых шлемов.

Еще одним важным элементом визуальных характеристик образа байкеров является татуировка, имеющая определенный символический смысл. Байкеры считают, что рисунок с изображением смерти «отпугнет» саму смерть, так как верят, что, «увидев рисунок себя самой, смерть решит, что уже бывала здесь и пройдет мимо».

Таким образом, в г. Владивостоке в разной степени выраженности присутствуют большинство субкультурных групп, известных и в других городах России.

В связи с тем, что субкультуры – преимущественно порождение городской культуры, функционирующей в полиэтнической и мультирелигиозной социальной среде мегаполисов, где приватность и анонимность индивида чреваты переживанием одиночества, возрастная дифференциация культуры отчетливо прослеживается в процессе социализации и освоении подрастающим поколением широкого круга социальных ролей, а также в выборе образцов для подражания. Ценностно-смысловая ориентация подростка зависит от многих факторов, среди которых определенное место занимают мотивационные установки родителей, а также характер отношения с родителями. Если эти отношения носят позитивный характер, в большинстве случаев подросток присваивает жизненные ценности и нормы родителей. В случае сложных взаимоотношений с родителями подростки предпочитают ценности представителей группвого объединения.

Учитывая, что в процессе исследования молодежи г. Владивостока, имеющей на своем теле татуировки, нами из 800-та респондентов, выявлено 136 человек, включенных в различные субкультурные объединения, то было решено провести дополнительный анализ, направленный на выявление особенностей идентичности у представителей ряда групп таких как: «эмо», «готы», «металлисты», «аниме». Для анализа использовался цветовой тест М. Люшера.

Следует отметить, что поиск личностью своей социокультурной идентичности – процесс не простой и неоднозначный. Часто подростки и молодежь с трудом усваивают и личностно принимают образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, обретают чувство адекватности во владении собственным «Я». Причем именно подростковый возраст является ключевым для обретения чувства самоидентичности. При благоприятном разрешении кризиса этого возраста формируется чувство

тождественности самому себе, при неблагоприятном – спутанная идентичность. При этом для обретения идентичности важным становится включенность молодежи в объединения с другими, имеющими сходные интересы, ценностные установки и представления. В ситуации культурных кризисов, социальных, экономических, политических трансформаций наиболее подверженной личностному кризису становится молодежь с неустойчивой, несформированной идентичностью. Именно эти представители молодежи стремятся быть не такими, какими их хотят видеть в обществе, им доставляет удовольствие нервировать взрослое окружение своей внешностью, демонстрировать идентичность, отличную от требований и притязаний родителей. Молодежь, отрицая моральные принципы своих родителей, разрабатывает собственные этические принципы, ценности и предпочитаемую картину мира.

Одним из способов демонстрации вызова окружению является объединение молодежи в субкультуры и нанесение татуировок, содержащих зачастую агрессивную символику и показывающих принадлежность молодого человека к соответствующей группе.

Для определения эмоциональных компонентов отношений молодого человека к значимым для него людям (отец, мать, предпочитаемая группа) было проведено исследование с помощью восьмицветного теста отношений. Выбраны по тридцать представителей следующих субкультур: «металлисты», «готы», «эмо-киды» и «аниме», г. Владивостока. С помощью цветового теста М. Люшера в модификации А.М. Эткинда и Е.Ф. Бажина мы определили, с кем себя соотносят представители данных объединений. Основным положением данного теста являются ассоциативное отношение к цвету (ЦТО). Он базируется на предположении о том, что через невербальные компоненты, в частности, через выбор цвета можно показать отношение к значимым другим и к самому себе, выражающееся в цветовых ассоциациях.

С помощью набора цветовых стимулов М. Люшера (основные цвета спектра, два смешанных цвета (фиолетовый и коричневый) и два ахроматических цвета (черный и серый) тестируемым заданы вопросы об

отношении к «матери», «отцу» и «предпочитаемой группе».

Результаты тестирования показали следующее: из 30 представителей каждой из субкультур ассоциируют себя со своей группой: «аниме» – 82%, «эмо» – 75%, «готы» – 71%, «металлисты» – 68%. С отцом ассоциируют себя «металлисты» – 20, 9%, «готы» – 15,5%, «эмо» – 5%, «аниме» – 3%. Ассоциации с матерью у представителей субкультур распределились следующим образом: «готы» – 13,5%, «металлисты» – 11,1%, «эмо» –20%, «аниме» – 15% (Таблица 1).

Таким образом было установлено, что практически во всех указанных группах от 68% до 82% респондентов идентифицировали себя с группой.

Таблица 1 – Показатели идентичности представителей ряда субкультур (на основе методики ЦТО)

группа	отец	мать	Своя группа
«аниме»	3%	15%	82%
«эмо»	5%	20%	75%
«готы»	15,5%	13,5%	71%
«металлисты»	20,9%	11,1%	68%

Данные исследования показывают, что большинство представителей субкультур ассоциируют себя с группой. Представители эмоциональных групп в большой степени ассоциируют себя с матерью. Анализ результатов тестирования показал, что приверженцы «рока» («металлисты», «готы») ассоциируют себя с отцом в большей степени, чем с матерью.

Ценностно-нормативный аспект культуры раскрывается в её формирующим воздействии на человека. Жизненные цели, ориентирующие смыслы, взгляды, духовные потребности членов этноса, нации, общества и любой входящей в него социальной группы формируются в процессе освоения культуры как исторически сложившейся системы ценностей. Вместе с тем, социальная дифференцированность культуры оказывает весьма значительное влияние на содержательную интерпретацию ценностей. Каждая группа в социальной структуре общества обладает специфичным именно для нее

инструментом социокультурной интерпретации ценностей культуры – групповым ценностным сознанием. В связи с этим исследование ценностных ориентаций, групповой идеологии, выражающих предпочтения представителей группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей, является необходимым для анализа субкультур.

Исследование проводилось среди представителей субкультур г. Владивостока: «байкеры», «готы», «эмо» – по 30 человек каждая группа (экспериментальная), также была сформирована контрольная группа (30 человек) из студентов вуза (ВГУЭС), которые не причисляют себя ни к какой субкультуре. Критерии выборки: возраст – 18–28 лет. Использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича [267].

Результаты исследования показали, что по показателям группового ранга наиболее значимыми для экспериментальной выборки («байкеров») являются ценности: «свобода», «здоровье», «уверенность в себе», «любовь», «наличие хороших и верных друзей», «ответственность», «независимость», «честность», «образованность», «самоконтроль», «жизнерадостность», а наименее значимые ценности: «удовольствие», «счастье других», «общественное признание», «творчество», «красота природы и искусства», «высокие запросы», «чуткость», «терпимость». Ценность «свобода», как наиболее значимую, отметили 86% представителей субкультуры байкеров, что в 4,33 раза больше показателя контрольной выборки, равного 20%. В то же время для контрольной выборки наиболее значимые ценности – «любовь», «семейная счастливая жизнь», «уверенность в себе», «материально обеспеченная жизнь», «интересная работа», «независимость», «смелость в отстаивании своего мнения», «ответственность», «честность», «жизнерадостность». Наименее значимые ценности: «творчество», «счастье других», «общественное признание», «красота природы и искусства», «высокие запросы», «широта взглядов», «чуткость».

Данные исследования по субкультуре «готы» показывают небольшие расхождения в ранжировании значимости по терминальным и

инструментальным ценностям. Так, для субкультуры «готов» наиболее значимыми являются следующие: «свобода», «творчество», «познание», «активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)». Наименее значимые ценности: «развитие», «счастье других», «красота природы и искусства», «общественное признание».

У членов группы «эмо» ценности распределились следующим образом: «любовь» на первое место поместили большинство членов группы, далее расположились: «красота природы и искусства», «творчество», «удовольствия», «терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения», «чуткость». В то же время необходимо отметить ценности, которые для всех представителей субкультур («байкеров», «готов», «эмо») являются особенно важными и значимыми: «честность», «свобода», «творчество» – для субкультур «готы», «эмо», а для членов субкультуры «байкеров» – это прежде всего «свобода».

Таким образом, в результате проведенного анализа установлено, что в г. Владивостоке, несмотря на его удаленность от центра России, присутствуют основные российские субкультуры. Проведенный анализ показал, что молодежные субкультуры в пространстве г. Владивостока малочисленны, разобщены и неоднородны.

2.3 Специфика знаково-символических проявлений татуировки молодежи г. Владивостока

Для анализа специфики знаково-символических проявлений татуировки, используемой представителями молодежи города Владивостока, был проведен опрос 1915 респондентов г. Владивостока, которые были опрошены по анкете, расположенной в Приложении Е. Кроме того были взяты для анализа 800 респондентов, имеюих татуировки, среди них выявлено 136 человек – представителей молодежных субкультур. Данные 800-т человек были представлены студентами ВГУЭС ряда специальностей и направлений

бакалавриата. Опрос проводился в 2008-2011 гг. среди студентов первых курсов по 220 человек ежегодно. Для анализа взяты анкеты тех респондентов, которые ответили на все вопросы анкеты. Анкета представлена в Приложении Е, также использовались наблюдение и интервьюирование.

Прежде чем приступить к анализу специфики знаково-символических проявлений татуировок, используемых молодежью г. Владивостока, была установлена востребованность тату-услуг в городе.

Нами был исследован рынок тату-услуг, показавший следующее: в современной молодежной среде г. Владивостока выявляется активизация в нанесении татуировок. Это подтверждается открытием многочисленных «тату-салонов», в которых практикуются разные виды и стили нанесения рисунков, сохранившихся с древних времен. В г. Владивостоке на потребление тату-услуг при посещении салонов в год тратится примерно 200 тыс. долл., и рынок этот продолжает расти [198, с.3]. С начала XXI в., по мнению маркетологов, Владивостокский рынок тату-услуг растет быстрыми темпами. «В целом легальный рынок тату-услуг в настоящее время составляет более 120 тыс. долл. в месяц. При этом конкуренции на рынке практически не чувствуется: «битвы» за клиента нет, хотя и профессиональными секретами мастера между собой не делятся», – рассказал в своём интервью старший мастер «Тату–плюс» Александр Шарави.

В результате проведения маркетингового исследования методами: наблюдения, анализа рекламных объявлений, изучения литературы, специализированной печати, интернет–ресурсов установлено, что в г. Владивостоке 68 тату-салонов и салонов красоты, различного класса и уровня обслуживания, оказывающих тату-услуги. В Приложении И, Таблицы1-2 приведены некоторые наиболее известные салоны всех районов города. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство салонов сосредоточено в центральных районах города: Фрунзенском, Ленинском и Советском. Несомненными лидерами предоставления тату-услуг являются такие салоны, как: «Тату–плюс», «Четыре сезона», «Персона Гранд», «Баунти». Данные

анкетирования показали, что 38% респондентов обращают внимание на качество услуги в сочетании с приемлемой ценой, 23% отметили значение для них прежде всего, высокого качества, цена для них роли не имеет. 12% респондентов подчеркнули необходимость невысокой стоимости при выборе салона тату-услуг (Приложение К, рисунок 7) .

По нашим данным, в последнее время выбор клиентов все больше склоняется в пользу легальных студий и салонов, хотя и у неофициальных мастеров достаточно заказов на услуги. На владивостокском рынке тату-услуг действуют около 70-ти мастеров татуирования, сотрудничающих с салонами красоты и парикмахерскими, и до десятка студий, предоставляющих клиентам кроме услуг татуирования услуги пирсинга, скарификации и перманентного макияжа.

Что касается клиентской аудитории, то, как ни странно, мужчин и женщин среди желающих украсить свое тело примерно равное количество. В основном это молодежь до 17 лет и от 18 до 30 лет, причем большинство опрашиваемых респондентов (40%) впервые сделали татуировку именно в этом возрасте от 18-21 лет, 37% молодых людей сделали татуировку в возрасте от 14-17 лет, в возрасте от 22-25 лет нанесли татуировку 15%; 26-30 лет только 5% и 3% после 31 года (см. Приложение К, рисунки 8-8а).

На вопрос о возможности повторного нанесении татуировки мнения респондентов разделились следующим образом: 50% ответили, что не знают, 43% утверждают, что будут наносить повторно татуировку, и только 7% сказали, что не будут этого делать (см. Приложение К, рисунок 9).

На вопрос о причине выбора стиля своего рисунка 23% респондентов отметили важность модности рисунка; 17% – сообщили о принадлежности к определенной субкультуре, 3% – о нанесении татуировки во время пребывания в армии. 50% респондентов, сделавших татуировку, отметили причины, не связанные с принадлежностью к субкультурам: указав, что это символ защиты или же память о любимом человеке или важном событии (Приложение К, рисунок 10).

40% респондентов подчеркнули, что знают символику татуировки от друзей и единомышленников; 26% – из литературных источников, 17% – от мастера, 17% респондентов признались, что не знают сиволического значения своей татуировки (см. Приложение К, рисунок 11).

Анализ символики татуировки (см. Приложение К, рисунок 13) у опрошенных показал, что респонденты, не относящие себя ни к одной из молодежных субкультур, предпочитают, преимущественно, японский и кельтский стили. Японский выбрали 50%. Он характеризуется специфической тематикой (карпы, драконы, самураи, иероглифы и т.д.). Для японской татуировки характерно использование всего пространства тела, кроме места по центру груди и живота. Руки она закрывает до локтей, не затрагивая кисти рук, на ногах внизу заканчивается бедрами. Основные правила нанесения, расположения, создания композиций не изменились до настоящего времени, однако в настоящее время преобладает тип «гаман», направленный на подчеркивание художественного образа достоинств владельца татуировки. Для японских мастеров тату важно при нанесении татуировки соблюдать асимметрию, заполнение мелкими рисунками основного мотива, обведение татуировки декоративным контуром. Для совпадения с гравюрами на дереве «укийо-е» мастера тату оттеняют кромки композиции. Знание расположения мышц на теле помогает создать стереоэффект, проявляющийся при движении человека.

До настоящего времени не изменилась тематика сюжета изоброжения японской татуировки, это флора, фауна, религиозные и мифологические мотивы. Так, символом настойчивости и решительности индивида является выбор для изображения хризантемы; пион – символ богатства и успеха в жизни; цветок сакуры в восточной философии символизирует быстротечность жизни, а лист клена несет в себе ассоциации страсти.

Самым известным сюжетом в японской татуировке можно назвать различные вариации изображения дракона, являющегося символом власти и силы, единства и борьбы противоположностей и соединяющего в себе две

взаимоуничтожающиеся стихии: огонь и воду, а также изображения карпа, символизирующего мужество и отвагу и тигра – символа бесстрашия [227, с. 234] (см. Приложение Л).

Кельтский стиль в татуировке предпочитают 10% опрошенных респондентов. Несмотря на огромное количество дошедших до нашего времени татуировок данной этнической группы, происхождение многих сюжетов и мотивов (что показало и наше исследование) представляет собой загадку. Кельтский стиль татуировки резко выделяются среди прочих стилей татуировок особыми элементами орнамента и неповторимыми природными («растительными» и «звериными») мотивами. Причем специфику кельтского стиля определить трудно, так как на протяжении долгого времени он видоизменялся и подвергался постоянной стилизации. Основой его служит использование растительных мотивов, сочетающих в себе различные цветочные переплетения: веточек, листочков и цветов. В дальнейшем в сюжеты татуировок стали добавлять головы животных (волк, медведь и т.д.), что тоже стало частью данного стиля. Для современного человека кельтский стиль чаще всего ассоциируется с «плетенкой» – особым узором переплетенных линий, несущих магический, сакральный смысл. «Плетенка» была очень популярна у европейских народов (см. Приложение М, рисунок 1-2).

Современный славянский этнический стиль, как и скифский, не применяется молодежью активно, так как находится в стадии формирования. Его основа – славянские ромбовидные узоры – знакомы по вышивке: кресты, точки. Сюда же относят зачастую и зарождающийся «российский стиль», включающий в себя ещё и мотивы народных сказок, былин, скифские мотивы. Этот стиль предпочитают 10% всех опрошенных (см. Приложение Н, рисунок 1).

«Кибернетический» стиль, иногда называемый биомеханикой, характеризуется совмещением в изображении живой плоти и механизмов, живого, естественного, с неживым, искусственным, а также с внеземными (фантастическими) существами либо их фрагментами. Этот стиль был создан в

конце XX века художником – фантастом Хансом Гигером. В г. Владивостоке этот стиль предпочитают 7% опрошенных. Также он включает в изображениях стилизованные орнаменты.

23% респондентов, носящих идеографические знаки на теле, не относят их к определенному стилю.

Статистика использования цвета в татуировке выглядит следующим образом: большинство из 800-та респондентов отдают предпочтение черному цвету – 78%, красный – 5%, зеленый используют 4%, синий – 4%, белый – 3 %, коричневый – 3%, фиолетовый – 2%, и наименьшее количество респондентов используют розовый – 1% (см. Приложение К, рисунок 15). Возможно, это связанно с тем, что каждый цвет определенным образом влияет на психофизиологическое состояние человека вызывает определенные ассоциации на уровне подсознания, что отражается в использовании конкретного цвета. Так, например, черный цвет обладает парадоксальными свойствами: с одной стороны, вызывает чувство закрытости, защищенности, символизирует отстраненность, в то же время демонстрирует стресс, тревожность, страх, В приложении О предложены основные психофизиологические характеристики цветов и вызываемые ими ассоциации [13, с. 177].

Поскольку тату – идеографический способ фиксации маркирования (наряду с пирсингом, скарификацией, росписью по телу), культура указывает наиболее значимые для неё места на теле: голова, руки, тело, гениталии. Результат опроса 800-та респондентов, имеющих татуировку, продемонстрировал следующие их место положение: на руке у 36%, на пояснице – 29%, на животе – 21%, на плече – 7%, на других частях тела (лодыжки, бедро, пальцы, в интимных местах) – 7%. На вопрос «Почему выбрано данное местоположение?» 36% ответили «чтобы было видно», «модно» – 29%, другая причина – 28% , «чтобы не было видно» – 7% (см. Приложение К, рисунок 16).

Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности, используемых представителями молодежных субкультур

г. Владивостока, анализировалась на представителях следующих субкультур: «готы», «эмо-киды», «байкеры», «аниме».

Субкультурное сообщество «готов» в г. Владивостоке, как отмечено выше, – активные участники рок фестивалей (ДеграDANCE). Символика татуировок у владивостокских «готов» представлена двумя основными проявлениями: готические татуировки в стиле фэнтази – драконы, феи и имеющими определенную цветовую гамму, иа также изображение готических тайных символов: кельтские кресты, египетский – «анх», коты, летучие мыши и т.д. (см. Приложение Р, рисунок 1-3). Готическая субкультура закрыта для взаимодействия. Сюжеты и рисунки татуировок у её представителей в г. Владивостоке отличаются от распространенных в целом в этой субкультуре: гробы, кресты, летучие мыши. Но по словам представителей этой субкультуры, владивостокские «готы» значительно чаще используют фантазийные изображения, чем представители этой субкультуры в европейской части страны. Кроме того, представителей владивостокской готической субкультуры встречаются так называемые тайные татуировки. Это рисунки связанные с белым колдовством, это изображения «Wicca», «Руны», «Таро», известные как рунические волшебные символы. Изображения «магических фигур» (пятиконечная звезда), «athame» (обоюдоострое лезвие, используемое для белого колдовства) и связанные с четырьмя первоэлементами (огонь, вода, земля, воздух), попадают под категорию «Wicca». Символика татуировок членов этой субкультуры отражает не столько личные интересы, сколько принадлежность к своей группе (см. Приложение Р, рисунок 1-6).

Группа «эмо-киды», как уже отмечалось, увлекается разноцветными татуировками. Это могут быть синие, желтые, красные и серые тона, но возможен черный цвет, с помощью которого наносятся значимые выражения, цитаты или стихи. Следует подчеркнуть, что владивостокские «эмо-киды» не очень увлекаются расписыванием больших площадей тела. Это скорее локальные рисунки, имеющие фантазийные предпочтения представителя данной субкультуры. Поскольку «эмо-киды» претендуют на демонстрацию

высокого интеллектуального потенциала, то их изображения всегда изящны и красивы, эмоционально окрашены. Группа «эмо-киды» представлена в городе молодежью, преимущественно носящей одежду черных цветов в сочетании с розовым (см. Приложение С, рисунок 1). Изображения татуировок связаны с личными переживаниями представителей этой субкультуры и могут выглядеть, например, как строчка из любимого стихотворения и проч.

К «байкерскому» стилю можно отнести любой вид татуировки, имеющийся на теле байкеров. Многое зависит от личных вкусов байкера. Анализ татуировок владивостокских байкеров показывает, что они часто используют стили трайбал, традишион, реализм. В их татуировках часто фигурируют изображения мотоциклетов «Харли Дэвидсоны». Присутствуют цвета клуба, его отличительные символы. Не менее популярным является изображение черепа с костями как защитного амулета. Известно, что байкеры попадают в автокатастрофы, для того, чтобы символически защититься, они изображают на теле этот символ смерти. У каждой группы есть обязательные элементы в их одежде, нашивках и нательных татуировках, и вместе с тем, несомненно, существует личностное отношение к выбору символов. Единственное, что их объединяет, это агрессивная направленность сюжетов и изображений, таких как: скорпионы, змеи, тигры, драконы, рыцари и черепа (см. Приложение Т, рисунок 1-3).

Наиболее тематически выражено содержание изображений татуировок представителей субкультуры «аниме». Сюжеты их и рисунков тесно связаны с персонажами фильмов, которые им больше всего импонируют. В этом они ни чем не отличаются от представителей субкультуры данной в других городах. Это может быть отдельный персонаж или сценка из мультфильма, изображения иероглифов и проч. (см. Приложение У).

Сравнение значений основных символов, используемых в татуировках молодежи и представителей молодежных субкультур г. Владивостока, представлена в таблице № 2.

Таблица № 2 - Значение наиболее распрастраненных символов у молодежи и представителей молодежных субкультур г. Владивостока

символ	Значение			
	готы	эмо	байкеры	Молодежь не, входящая в субкультуры
Крест	Анх (Anch) - ключ в потусторонний (загробный мир) мир, соединяющий два знака: крест - символ жизни и круг - символ вечности [221], [214].		Кельтский – синоним вечности и веры: духовного развития (представлении респондентов)	
Бабочка		В древности была символом души, и бессознательного влечения к свету. Психоаналитики считают бабочку символом возрождения [221]. В современное время – символ легкомыслия и бренности [214]. Красота и быстрое угасание (представление респондентов)		красиво, модно, легкость жизненного пути (представление респондентов)
Череп	размышление о смерти (представления респондентов)	бренность бытия (представления респондентов)	защита от смерти (представления респондентов)	
Колесо	первичный символ единства и бесконечности [214].		знак Абсолюта и бесконечности [214]. Движение, дорога (представления респондентов)	
Роза	Черная – смерть и скорбь (один из основных символов, представления респондентов)	Грусть от утраты любви. Страх перед будущим, перед неизвестностью (представления респондентов)		Красота, любовь (представления респондентов)
Орел			Свобода, отвага, гордость, освобождение, власть, сила (представления респондентов)	Свобода , сила (представления респондентов)

Продолжение таблицы № 2

Ворон	Одиночество, долгожительство и мудрость (представления респондентов)			
Волк			Символ познания через опыт (представления респондентов)	Сила, мудрость (представления респондентов)
Кошка	Символ обмана, хитрости, смерти (представления респондентов)			Красота, мягкость,женственность (представления респондентов)
Логотип			Harley-Davidson символ дороги (представления респондентов)	
Лезвие		Суицид, попытка суицида, освобождение (представления респондентов)		
Луна	Символ ночи, таинство, мистики (представления респондентов)			
Булавка	Оберег (представления респондентов)	Скован обещаниями (представления респондентов)		
Дракон	Благородство, мудрость, магия, загадочность (представления респондентов)		Сила (представления респондентов)	магия, загадочность, сила (представления респондентов)
Фея	На человеческую жизнь влияет только судьба, обладать черной магией (представления респондентов)	Красота, желание сберечь детское восприятие мира (представления респондентов)		
Цепь	Связь с черной магией, (представления респондентов)		Братство, честь (представления респондентов)	

Таким образом, при исследовании татуировки субкультурных

объединений г. Владивостока выяснено, что сопоставление мотивов местных представителей разных групп с молодежными татуировками в других регионах страны обнаруживает, во-первых, совпадение рисунков и сюжетов татуированных у всех групп. Они связаны с большей или меньшей агрессивностью группы, стремлением к противопоставлению по отношению к внешней среде. Это могут быть агрессивные сюжеты, вызывающие неприятие общества, воинственные надписи, смешение в изображении множества отдельных элементов, обусловленных смелостью и фантазией представителей субкультур, например, «панков», «реперов», «металлистов» и др. Кроме того, татуировка, являясь «визитной карточкой» носителя, может содержать знаки, подчеркивающие его уникальность или принадлежность к группе.

Во-вторых, проведенный среди молодежи опрос показал, что по используемой символике в изображениях татуировок приверженцев той или иной субкультуры в городе их определяют 74% респондентов. Кроме того, с помощью анкетирования были определены предпочитаемые современной молодежью функции татуировки, такие, как: самовыражения, общения, обретения уверенности, объединения со значимой группой молодежи, демонстрации вовне своих ценностных установок и проч. Для представителей молодежи, имеющих татуировки, но не причисляющих себя к определенной субкультуре, основной функцией татуировки является «эстетическая», а так же демонстрация модных тенденций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе впервые осуществлено исследование татуировки как формы репрезентации социокультурных кодов визуальности на примере молодежных субкультур г. Владивостока в сравнении с молодежью, не относящей себя к каким-либо объединениям. Обоснование социокультурных оснований татуировки, опирающиеся на обобщение и систематизацию культурно-исторического материала, и проведение прикладных социологических и психодиагностических исследований позволило подтвердить положения, выносимые на защиту.

Решение поставленных задач показало, что татуировка, сохраняя сложившиеся исторически функции: «социального письма» индивида обществу, «защитные», «магические», приобретает у современной молодежи ряд других функций: «эстетическую», «самовыражения», «демонстрации своих ценностных установок».

Современность заключила молодого человека в «ловушки» навязанных социокультурных стандартов и требований. В условиях коренных политических, экономических и вслед за ними культурных преобразований были поставлены под вопрос ценностные ориентиры молодежи, нарушены её сложившиеся ранее в культуре морально-нравственные устои. При этом тело человека выражает преодоление социального давления различными способами. То, что люди вкладывают в понятие «невыносимые» условия, «непереносимая» боль, «безграничное» удовольствие – все это является параметрами не столько индивидуальными, сколько санкционированными коллективным одобрением или неодобрением.

В работе показано, что одной из проблем молодежи является кризис идентичности и трудности в формировании самоидентичности, что приводит к её стремлению объединяться в различные группы, в том числе включаться в субкультурные объединения. Обретение идентичности зачастую становится поиском для молодых людей, но поиском бессознательным, без четкого

понимания, что и где следует искать. Этот процесс часто усугубляется тем обстоятельством, что значительная часть подростков имеет с детских лет неудовлетворенные социальные потребности, именно в субкультурах они ищут возможности их удовлетворить. Отсюда и появление татуировок у молодежи, объединенной в субкультуры, как символического знака принадлежности к данному сообществу, демонстрации коллективного мироощущения и ценностных установок группового объединения. Телесность при этом становится информационным кодом, а татуировка демонстрирует визуальные знаки, символические смыслы, скрытые за первичным изображением.

При этом каждый человек постоянно вынужден выбирать между двумя формами репрезентации себя посредством тела – для себя и для других. С помощью татуировки молодежь, входящая в субкультуры, демонстрирует принадлежность к групповому объединению, в котором она получает возможность успешно общаться, приобретает опыт группового взаимодействия и защиту от проблем, которые она не может разрешить индивидуально.

В результате проведенного исследования показано, что татуировки имеют определенную символику, присущую представителям каждой субкультуры. Установлено, что обращение к пластам культуры, способствующих процессам самоопределения личности, может вести к включенности молодых людей в конкретную субкультуру, удовлетворяя их потребность в повышении самооценки, приобретении специфического языка для коммуникации и предпочитаемых поведенческих ролей. Молодежные субкультуры можно рассматривать как формы «самовыражения и высказывания молодых». При этом татуировки являются визуальными знаками, посредством которых молодые люди узнают «своих», отличают «чужих».

В работе проанализированы основные молодежные субкультуры г. Владивостока, выявлена символика используемых её представителями татуировок.

Продемонстрирована специфика в формировании субкультур и татуировок, используемых молодежью г. Владивостока. Расположение города

Владивостока на «границе» с таким странами, как Китай, Япония, Корея, определяет состояние «пограничья», и напрямую связанные с ним межкультурные взаимодействия, обусловливает специфику формирования и развития молодежных субкультур. На границе происходят биполярные процессы – смыкание двух миров и их разграничение, отсюда возникновение субкультур, для которых пограничье является начальной стадией их развития и семиотической зоной, в рамках влияния которой они формируются, например субкультура «аниме».

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что татуировка может рассматриваться как одно из древнейших, универсальных знаковых средств человека, актуализированных и занимающих определенное место в современном молодежном сообществе как культурное явление, содержащее сакральный смысл. Татуировка – это активный символ, смыслопорождающий культурный феномен, способный не только продемонстрировать, но и сохранить в культурной памяти и транслировать в чувственно-воспринимаемой форме идеи, идеалы и ценности культуры.

Молодежь в ситуации переизбытка информации, культурных преобразований, изменения смысложизненных ориентиров прибегает к исторически испытанным кодам репрезентации своей самоидентичности. При этом символика татуировок выступает, с одной стороны как средство приверженности традициям, сохранения сакральных смыслов культуры, а с другой – как «социальное письмо» своему окружению, содержащее информационный код, выражающий проявление отношения молодежи к внешнему миру, самому себе, а также принадлежность к определенной субкультуре, проявлениям групповой идентичности.

В этой связи диссертационное исследование открывает перспективы для дальнейших культурологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Закон Приморского края от 30 апреля 2009 г. N 423–КЗ «О молодежной политике в Приморском крае» (с изменениями от 12 октября 2009 г.)

2. Постановление № 2701 от 19.09.2013 г. Администрации г. Владивостока «Об утверждении муниципальной программы «Молодежь – Владивостоку» на 2014–2018 годы».

3. Постановление № 3368 от 19.03.2014 г. Администрации г. Владивостока «О внесении изменений в постановление администрации города Владивостока от 19.09.2013 №2701 «Об утверждении муниципальной программы «Молодежь – Владивостоку» на 2014–2018 годы».

4. ГАХК, фото фонд 1, оп. 2, д. 6332 – Фото отчеты Юрия Алексеевича Федорова.

5. ГАХК Ф. р. 849, оп.1, д. 342 Краеведческие Записки. – Магаданское изд-во. – Вып. 4, – 1962. – 207 с.

6. ГАХК Ф.р. 849, оп.1, д. 343 – Краеведческие Записки. – Магаданское изд-во. – Вып. 5, – 1965. – 267 с.

7. ГАХК Ф.р. 1180, оп.1, д. 61 Каплан, Н.И. Народное декоративное прикладное искусство кр. Севера и Дальнего Востока / Н.И. Каплан. – М.: Просвещение, 1980. – 125 с., ил.

8. ГАХК Ф.р. 1938, оп.1, д. 80 – Народные мастера Приамурья. Каталог выставки. – М.: 1981. – 125 с., ил.

9. ГАХК Ф.р. 1983 оп.1, д. 97 – Краски земли Дерсу: фоторассказ об искусстве малых народов Приамурья. – Хабаровск.: кн. изд–во. – 1982. – 276 с., ил.

10. ГАХК. Ф.р. 537, оп. 1, д.43, л. 177. – Шнейдер, Е.Р. Искусство туземных племен ДВК / Е.Р. Шнейдер // Редакция Дальневосточной краевой энциклопедии г. Хабаровск.

Литература

11. Абдуллин, А.Р. Культура и символ / А.Р. Абдуллин. – Уфа: Гилем, 1997. – 158 с.

12. Аверинцев, С.С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра / С.С. Аверинцев.– М.: Наука, 1973.– 278 с.

13. Алиева, Н.З. Физика цвета и психология зрительного восприятия: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.З. Алиева. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. –208 с., с цв. ил.

14. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001.– 288 с.– (Мастера психологии).

15. Ахиезер, А.С. Город − фокус урбанизационного процесса / А.С. Ахиезер // Город как социокультурное явление исторического процесса.– М.: Наука, 1995.– С. 27.

16. Багдасаров, Р.В. Мистика огненного креста / Р.В. Багдасаров. – 3-е изд. доп. и испр.. – М.: Вече, 2005. – 400 с. – ил.

17. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Радуга. – 1989. – 335 с.

18. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 545 с.

19. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1979. – 412 с.

20. Белик, А.А. Историко-теоретические проблемы психологической антропологии / А.А. Белик. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. – 420 с.

21. Бернс, Р. Развитие Я концепции и воспитание / Р. Бернс. – М.: Прогресс, 1986. – 422 с.

22. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические / пер. с анг. Ч.И. Скоуфилда. – 5-е изд.. – ФРГ: Христианское издательство, 1990. – 1499 с. ил.

23. Бодалев, А.А. Психология общения: избр. психол. труды / А.А. Бодалев. – 2-е изд..– М.: МОДЭК; МПСИ, 2002. – 256 с.

24. Бордрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бордрийяр: пер. с фр. – М.: Рудомино, 1995. – 222 с.

25. Булатов, Н.А. Категории философии и категории культуры / Н.А. Булатов. – Киев: Наукова думка, 1983. – 344 с.

26. Быховская, И.М. «Homo somatikos»: аксиология человеческого тела / И.М. Быховская. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.

27. Гнатюк, В. Велесова книга со словарем /пер. и коменр. В. Гнатюк, Ю. Гнатюк. – 8-е изд. испр. и доп..– М.: Амрита, 2013.– 608 с. ил.

28. Васкевич, П.Г. Очерк быта японцев в Приамурском крае / П.Г Васкевич // Известия Восточного института. Владивосток. – 1905-1906 акад. год. – Т. 15. Вып. 1.– 25 с.

29. Венюков, М.И. Россия и Восток: Собрание географических и политических ст. / М.И. Венюков.– СПб: Тип. В. Безобразова и К°, 1877. – 297 с.

30. Виноградов, В.Н. Социальное проектирование становления и развития гражданского сообщества: создание стратегического плана района, города, региона / В.Н. Виноградов, О.В. Эрлих.– СПб.: Леонтьевский центр, 2000.– 120 с.

31. Владивосток. Штрихи к портрету / [авт. кол: Б. Августовский и др.]. – Владивосток. ДВ кн. изд-во., 1985. – 304 с.

32. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский.– Минск: Современное Слово, 1998. – 480 с.

33. Гадамер, Г. Актуальность прекрасного: сб.: пер. с нем. / Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 342 с.

34. Гацкова, Е. И. Молодежь и современность / Е.И. Гацкова.– М. Инфра-М, 2001.– 187 с.

35. Гельвальд, Ф. фон. Земля и ее народы : в 4 т. Т.IV Живописная Африка, Австралия с Океанией и Полярные страны : пер. с последнего нем. изд. / Ф. фон Гельвальд; под ред. Ф. Груздева. – СПб : Сойкин П.П., 1899.–253 с.

36. Генисаретский, О.И. Культурно–антропологическая перспектива / О.И. Генисаретский // Иное: хрестоматия нового российского самосознания / ред.-сост. С.Б. Чернышев – М.: Аргус, 1995. – С. 55–74.

37. Глазычев, В.Л. Город без границ / В.Л. Глазычев. – М.: Территория будущего, 2011.– 400 с.

38. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.: ил.

39. Гондатти, Н.Л. Оседлое население реки Анадырь / Н. Гондатти // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества. Т.IV. вт. IV.– Хабаровск, 1898. – 93 с.

40. Драч Г.В. Наука о культуре в эпоху постмодернизма / Г.В. Драч // Cogito: альманах истории идей. – Ростов н/Д.: Логос, 2007. – Вып. 2. С. 70, 75.

41. Дридзе, Т.М. Язык и социальная психология / Т.М. Дридзе.– Изд.2-е, доп. – М.: Либроком, 2009.– 240 с.

42. Дубягина, О.П. Культ Тату: криминальная и художественная татуировка / О.П. Дубягина, Ю.П. Дубягин, Г.Ф. Смирнов. – М.: Юриспруденция, 2003. – 240 с.

43. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана.– М.: Канон, 1995.– 352 с.– (История социологии в памятниках).

44. Егоров, Р. И. Дао татуировки / Р.И. Егоров. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 68 с.

45. Егоров, Р. И. Татуировка. ru / Р.И. Егоров. – М.: Профиздат, 2001. – 68 с.

46. Ельски, А. Татуировка / А. Ельски; пер. с пол. Д.А.Подберезского. – Минск: МЕТ, 1997. – 231 с.

47. Запесоцкий, А.С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции / А.С. Запесоцкий.– СПб.: ИГУП, 1996.–348 с.

48. Затулий, А.И. Костюм рубежа третьего тысячелетия: семиотика, ассоциации, психоанализ / А.И. Затулий. – Владивосток, Дальнаука, 2005.– 213 с.

49. Заярная, О. Г. Металлисты / О.Г. Заярная // По неписаным законам улицы: сб. – Ярославль: Юридическая лит., 1989 – С. 121–147.

50. Зинченко, В.П. Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 729 с.

51. Иванов, Ю.И. Магические и ритуальные татуировки (история, технология, дизайн) / Ю.И. Иванов, Е,З. Якуцевич. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. –224 с.

52. Ильин, В.И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. Социальная структурация повседневности общества потребления / В.И. Ильин. – СПб: Интерсоцис, 2007. – 388 с.

53. Ильинский, И.М. Образование, молодежь, человек : статьи, интервью, выступления / И.М. Ильинский. – Москва: Изд-во Моск. Гуманитар. ун-та, 2006. – 560 с.

54. История культуры Дальнего Востока России XVII-XX веков: учебное пособие / [И. Г. Стрюченко, Н. В. Кочешков, В. Я. Гирийчук и др.]. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1998. – 300 с.

55. Йингер, М. Социологический взгляд на религию: пер. с англ. / М. Йингер // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Наука, 1994.– С. 365-402.

56. Кандыба, В.Н. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока (1858-1938) / В.Н. Кандыба. – Владивосток: Изд–во ДВГУ, 1985.– 175 с.

57. Кант, И. Соч. в 6-ти т. / И. Кант. – Т.5. – М.: Мысль, 1966. – 564 с.

58. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс: пер. с анг. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. –608 с.

59. Кассирер, Э. Философия символических форм: в 3 тт. Том 1. Язык / Э. Кассирер: пер. с нем. С. А. Ромашко. – СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с.

60. Карабанова, С.Ф. От маски к имиджу: монография / С.Ф. Карабанова, Л.А. Мельникова.– Владивосток: Дальнаука, 2009.– 164 с.

61. Кваша, Г. С. Найди себя по знаку / Г.С. Кваша.– М.: Ценрополиграф, 2004. – 574 с.

62. Козлов, В. Реальная культура: от Альтернативы до Эмо / В. Козлов.– СПб: Амфора, 2009. – 352 с.

63. Кон, И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1984.– 212 с.

64. Косарецкая, С.В. О неформальных объединениях молодежи / С.В. Косарецкая, Н.Ю. Синягина. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 158 с.

65. Кравчек, Д.И. Кто такие эмо и готы. Как родителям понять, куда «вляпался» их ребенок / Д.И. Кравчек.– СПб.: Сова, 2010.– 223 с.

66. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: языки тела и естественные языки / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

67. Круткин, В.А. Онтология человеческой телесности (философские очерки) / В.А. Круткин. – Ижевск: Изд–во УГУ, 1993. – 130 с.

68. Кулагина, Н. В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания / Н. В. Кулагина. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 80 с.

69. Культурология: учебник / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – М: Проспект, 2011. – 528 с.

70. Леббок, Дж. Начало цивилизации. Первобытное состояние человека. Умственное и общественное состояние дикарей: пер. с англ. / Дж.

Леббок. – Репр. воспр. изд. 1896 г. кн. магазина М.М. Ледерле.– М.: Либроком, 2011.–384 с.

71. Левикова С.И. Неформальная молодежная субкультура / С.И. Левикова. – М.: Вузовская книга, 2010. – 615 с.

72. Левикова, С.И. Молодежная субкультура / С.И. Левикова. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 2004. – 608 с.

73. Леви-Стросс, К. Путь масок / К. Леви-Стросс; пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. – М.: Республика, 2000. – 399 с.– (Мыслители XX века).

74. Леви-Стросс, К. Структурная антропология: пер. с фр./ К. Леви–Стросс. – М.: Наука, 1985. –326 с.

75. Либин, А.В. Психологические особенности предпочтения человеком геометрических форм / А.В. Либин, В.В. Либин // Графические знаки: проблемы, исследования, разработки, стандартизации. – Киев, 1988, – С.32–36.

76. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер.с анг. В.Г. Глазычева, под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

77. Липперт, Ю. История культуры / Ю. Липперт: пер.с нем. А. Острогорского и П. Струве. – Л.: Прибой, 1925.– 264 с.

78. Лисовский, В.Т. Молодежь о себе, о своих сверстниках / В.Т. Лисовский, С.Н. Иконникова. – Л., 1969. – 287 с.

79. Ломаев, С. На свалке субкультур / С. Ломаев // Октябрь.– 2010.– №6.– С. 134-141.

80. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 962 с.

81. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб: Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.

82. Луков, В.А. Молодежные субкультурные феномены в России / В. А. Луков // Социологический сборник. Вып. 7 / Ин-т молодежи ; под общ. ред. В. А. Лукова. – М.: Социум, 2000. – С. 62–83.

83. Малиновский, Б. Научная теория культуры: пер. с англ. И.В. Утехина / Б. Малиновский. – М.: ОГИ, 2000. – 208 с.

84. Маргеттс, Б. Боди-арт: пер. с англ. / Б. Маргеттс. – М.: Из-во АСТ. 2000. – 65 с.

85. Медникова, М.Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник / М.Б. Медникова. – М.: Языки славянской культуры, 2007.– 216 с.

86. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 368 с.

87. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия : пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина// – М: «Ювента», «Наука», 1999. – 608 с.

88. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. / Р. Мертон. – М.: АСТ, 2006. – 880 с.

89. Миддендорф, А. Ф. Коренные жители Сибири: (с шестью таблицами) / А.Ф. Миддендорф // Путешествие на Север и Восток Сибири: в 2 ч. Ч.II: Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении – СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1878.– 750 с.

90. Миклухо-Маклай, Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. III. Часть 1. Статьи по антропологии и этнографии / Н. Миклухо-Маклай. – М.: Наука, 1993. – 559 с.

91. Михайлова, Л.И. Социология культуры: учеб. пособие / Л.И.Михайлова. – 4-е изд., доп. – М.: Дашков и К, 2008. – 396 с.

92. Молодежный экстремизм / под ред. А.А. Козлова.– СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1996.– 144 с.

93. Мухина, В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В.С. Мухина. – 6-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2000. – 456 с.

94. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев. – М.: МПСИ, 2011. – 400 с.

95. Никитин, В.Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд / В.Н. Никитин. – М.: Когито-Центр, 2006. – 320 с.

96. Никитин, В.Н. Психология телесного сознания / В.Н. Никитин. – М.: Алетейя, 1998. – 480 с.

97. Никитин, В.Н. Энциклопедия тела: психология, психотерапия, педагогика, театр, танец, спорт, менеджмент / В.Н. Никитин. – М.: Алетейя. 2000. – 624 с.

98. Ниренберг, Дж. Прочтите человека как открытую книгу: пер. с англ. / Дж. Ниренберг, Г. Калеро. – М.: Попурри, 2008. – 528 с.

99. Окладников, А.П. Далекое прошлое Приморья / А.П. Окладников. – Владивосток: Дальневосточное кн.изд-во, 1959. – 367 с.

100. Орлова, Э.А. Современная городская культура и человек / Э.А. Орлова; отв. ред. А. И. Арнольдов. – М.: Наука, 1987.– 192 с.

101. Павшук, Е.Б. Искусство боди-арта / Е.Б. Павшук. – М.: Астрель, 2002. – 125 с.

102. Панферов, В.Н. Внешность и личность / В.Н. Панферов // Социальная психология личности. – Л., Знание, 1974. – С.106-113.

103. Парсонс, Т.О структуре социального действия / Т. Парсонс; пер. с англ. под общ. ред. В.А. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

104. Петраш, Е.А. Синдром дефицита внимания и гиперактивности у детей / Е.А. Петраш, В. Никишина. – М.: Речь, 2012. – 192 с.

105. Петрова, Е.А. Знаки общения / Е.А. Петрова. – М.: ГНОМ и Д, 2001. –254 с.

106. Пилсудский, Б.О. Нужды и потребности сахалинских гиляков / Б.О. Пилсудский // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества Т.IV вт. IV.– Хабаровск, 1898.– 93 с.

107. Писаревская, Д.Б. Субкультура ролевых игр в современном обществе / Д.Б. Писаревская. – М.- Издательство ИЭА РАН, 2011. – 271 с.

108. Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров: сб. ст. / сост. К. В. Чистов. – М.: Звенья, 1998. – 208 с.

109. Провоторов, Г.В. Зоопсихология телесного сознания / Г.В. Провоторов. – М.: Дашков и К, 2004. – 267 с.

110. Психотехнологии в социальной работе: сб. ст. Вып.5. / Под ред. В.В. Козлова.– Ярославль: ЯрГУ, 2000. – 275 с.

111. Подорога, В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию: Материалы лекционных курсов 1992-1994 годов / В.А. Подорога. – М.: Изд-во «Ad Morginem», 1995. – 339 с., С. 12.

112. Ратцель, Ф. Народоведение: в 2 т. Т. 1 / Ф. Ратцель; пер. с нем. Д.А. Коропчевского. - СПб.: Просвещение, 1904.– 764 с.

113. Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика: пер. с фр. / П. Рикер // Московские лекции и интервью. – М.: Academia, 1995. – С. 3-18.

114. Рикёр, П. Существование и герменевтика // Феномен человека: антология: пер. с фр. / П. Рикер. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 307-329.

115. Розин, В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир / В.М. Розин. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 224 с.

116. Рубцов, Н.Н. Символ в искусстве и жизни / Н.Н. Рубцов. – М.: Наука, 1991. – 176 с.

117. Рычкова, Ю. В. Стильные тату от А до Я: Искусство удивлять, соблазнять, шокировать / Ю.В. Рычкова. – М.: РИПОЛ классик, 2005. –192 с.

118. Сайко, Э.В. Методологические аспекты стадиального подхода. К изучению цивилизации как явления всемирно-исторического процесса / Э.В. Сайко// Цивилизации. Вып. 2. – М.: Наука, 1993 – С. 107.

119. Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. Общие работы по социологии / Р. Салецл. – М.: Художественный журнал,1999. – 208 с.

120. Саркитов, Н.Д. Рок-музыка: Сущность, история, проблемы. (Краткий очерк социальной истории отечественной рок-музыки) / Н.Д. Саркитов, Ю.В. Божко. – М.: Знание. 1989. – 64 с.

121. Силюнас, В. Фабрика кошмаров (о фильмах насилия и жестокости) / В. Силюнас // Искусство и массы в современном буржуазном обществе: сб. ст.– 2-е изд., доп. / ред.-сост. Д. Житомирский. – М.: Сов. композитор, 1989. – С.4 – 68.

122. Смелзер, Н. Социология: пер. с англ. / Н. Смелзер; науч. ред. изд. на рус. яз. В.А. Ядов. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 688с.

123. Собчик, Л.Н. Метод цветовых выборов – модификация восьмицветового теста Люшера: практ. руководство / Л.Н. Собчик.– СПб.: Речь, 2007.– 128 с.

124. Современный городской фольклор: сб. науч. ст.– М.: РГГУ, 2003. – 736 с.

125. Спеваковский, А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе) / А.Б. Спеваковский. – М.: Наука, 1988.– 204 с.

126. Стил, В. Готика. Мрачный гламур / В. Стил, Дж. Парк; пер. с англ. К. Щербино. – М.: Новое лит. обозрение, 2011. – 192 с.

127. Сурина, М.О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре / М.О. Сурина. – 2-е изд., с изм. и доп. – М.; Ростов н/Д: МарТ, 2005. – 152 с.

128. Сушков, И.Р. Психология взаимоотношений / И.Р. Сушков. – М.: Акад. Проект, 1999. – 448 с.

129. Шульце, П. Философская антропология / П. Шульце. – Новосибирск: НГУ, 1996. – 55 с.

130. Флиер, А.Я. Культурология 20–11: автор. сб. эссе и ст. / А.Я. Флиер; Моск. культурол. о-во, Школа культур. моделирования. – М.: Согласие, 2011. –560 с.

131. Фуко М. Использование удовольствий: История сексуальности. Т. 2. СПб., 2004. – С. 16–17.

132. Франк, С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию / С.Л. Франк. – СПб.: Наука, 1995. – 655 с.

133. Харчев, А.Г. Современная семья и её проблемы: социально-демограф. исслед. / А. Г. Харчев, М. С. Мацковский. – М., 1997. – 564 с.

134. Холл, Г.С. Энергетическое мошенничество / Г.С. Холл; пер. с англ. В.Н. Павлова – М.: Прогресс, 1984. – 314 с.

135. Холодилова, Е.В. Экология культуры: наука и метафора времени / Е.В. Холодилова // Культура: традиция и современность: сб. науч. тр. – Хабаровск, 1997.– С.68-72.

136. Цивилизация: Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса: сб. ст. / [Э.В. Сайко, А.И. Неклесса, И.Г. Яковенко и др.]; отв.ред. Э.В. Сайко. – М. : Наука, 2003 . – 453 с.

137. Чебанюк, Т.А. Методы изучения культуры: учеб. пособие / Т.А. Чебанюк. – СПб.: Наука, 2010. – 350 с., С. 106.

138. Черняк, Е.Б. Невидимые империи: тайные общества старого и нового времени на Западе / Е.Б. Черняк. – М.: Мысль, 1987. – 271 с. 8 л. ил.

139. Численность населения Приморского края: стат. сборник / [редкол.: В. Ф. Шаповалов (пред.) и др.]; Федерал. служба гос. статистики по Прим. краю (Приморскстат). - Владивосток: Приморскстат, 2013. – 58 с.

140. Чупров, В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок ; РАН, Ин-т соц.-полит. исслед. – М., 2000. – 115 с.

141. Шабага, А.В. Исторический субъект в поисках своего Я / А.В. Шабага.– М.: Изд-во РУДН, 2009. – 524 с.

142. Шафранов-Куцев, Г.Ф. Социология. Курс лекций: учеб. пособие / Г.Ф. Шафранов-Куцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2012. – 368 с.

143. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1376 с.

144. Шренк, Л. Об инородцах Амурского края: в 3 т. Т.1: Части географическо-историческая и антропо-этнологическая / Л. Шренк. – СПб.: Изд. Имп. Академиии наук, 1883.– 372 с.

145. Штернберг, Л.Я. Гиляки / Л. Я. Штернберг.– М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1905. – 131 с.

146. Штернберг, Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Л.Я. Штернберг. – Л., 1936.– 592 с.

147. Щепанская, Т.Б. Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического наблюдения системы. 1986-1989: монография / Т.Б. Щепанская. – СПб, Наука, 1993.– 312 с.

148. Щепанская, Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т.Б. Щепанская. – М.: ОГИ, 2004.– 286 с.

149. Щепанская, Т.Б. Традиции городских субкультур / Т.Б. Щепанская // Современный городской фольклор: сб. ст.– М.: РГГУ, 2003. – С. 523–547.

150. Щепанская Т. Б. Молодежные сообщества / Т.Б. Щепанская // Современный городской фольклор. М.: РГГУ,2003. – С. 34–85.

151. Эльконин, Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин. – 2-е изд. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 360 с.

152. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: 1996. – 196 с.

153. Этинген, Л.Е. Мифологическая анатомия / Л.Е. Этинген. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2009. – 528 с.

154. Юнг, К.Г. Человек и его символы / К.Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, Д. Хендерсон и др.; под ред. К.Г. Юнга; пер. с англ. под ред. В. Зеленского. – СПб. Б.С.К., 1996. – 454 с.

155. Яньшин, П.В. Психосемантика цвета / П.В. Яньшин. – СПб.: Речь, 2006. –368 с.

156. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: сборник: пер. с нем. / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991.– 527 с. – (Мыслители XX в.).

Статьи из периодических изданий

157. Алимаева, О.И. Молодежные субкультуры: к вопросу о содержании феномена лидерства / О.И. Алимаева // Культура. Наука. Интеграция. – 2012. – № 2 (18). – С. 89 – 92.

158. Алипханова, Ф.Н. Факторы, формирующие молодежную субкультуру / Ф.Н. Алипханова // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 7. – С. 80 – 91.

159. Бабинцев, В.П. Самоорганизация и «атомизация» молодежи, как актуальные формы социокультурной рефлексии / В.П. Бабинцев, Е.В. Реутов // Социологические исследования. – 2010.– № 1.– С. 109 – 115.

160. Бакуменко, Д.А. Особенности субкультурного взаимодействия в процессах социальной коммуникации / Д.А. Бакуменко // Вопросы культурологии. – 2010.– № 12.– С.17–21.

161. Байков, Н.М. Дальневосточная молодёжь как объект наркоугрозы: социологическое измерение / Н.М. Байков // Социальные Технологии, Исследования (СОТИС). – № 2 (52), 2012. – С.20 – 28.

162. Баркова, А.Л. Толкиенисты. Архаическая субкультура в современном городе / А.Л. Баркова // Человек.– 2003.– №5.– С. 59–73.

163. Бедненко, Г. Б. Пространство мифа / Г.Б. Бедненко // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 37–44.

164. Бондаренко, И.В. Личностная обусловленность оформления внешности / И.В. Бондаренко // Вест. Том. гос. ун-та. – 2010.– № 332. – С.155–157.

165. Быховская, И.М. Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность / И.М. Быховская // Труды ученых ГЦОЛИФКа. Ежегодник. – М.: 1993, С. 58-68

166. Буянова, А.Ю. Неформальная молодежь Улан-Удэ: культурные противостояние / А.Ю. Буянова // Этнографическое обозрение.– 2009.– № 3.– С.36–51.

167. Воронова, Е.М. Понимание принципов телесности Р. Бартом и А.Ф. Лосевым / Е.М. Воронова // Эстетика в парадигмальном пространстве: перспективы нового века. Серия «Symposium», выпуск 16 / Материалы науч. конф. 10 октября 2001 г. – СПб.: 2001, С. 19-22.

168. Голод, С.И. Сексуальное поведение и субкультурная дифференциация полов / С.И. Голод // Социально-гуманитарные знания.– 1994.– № 4.– С.127–133.

169. Гринько, И. Знаки рыцарской верности и плебейского бунта / И. Гринько // Вокруг Света.– 2010.– № 10.– С. 78-95.

170. Гришин, В. А. Субкультура и ее проявления в молодежной среде. // Общественные, самодеятельные движения. – М., 1990.– С. 145-159.

171. Громов, Д.В. Изучение молодежных субкультур России: современное состояние и проблемы / Д.В. Громов // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 1. – С. 3-8.

172. Губанов, О.А. Художественный символ и симулякр: эстетические противостояние / О.А. Губанов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. – №3. – С.103–107.

173. Зильберглейт, Л.В. Метаморфозы этносов и парадигма эволюции / Л.В. Зильберглейт // Человек.– 2007.– № 1.– С. 16–31.

174. Зубок, Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска / Ю.А. Зубок // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 42–51.

175. Зубков, В.И. Девиантность молодежи как результат ее неадекватной социализации / В. И. Зубков // Социально-гуманитарные знания. − 2011. − № 3. − С. 156 −171.

176. Каган, М.С. Москва − Петербург − провинция: «двухстоличность» России − ее историческая судьба и уникальный шанс / М.С. Каган // Провинция. –1993. – № 1. – С. 16 – 27.

177. Касьянова, Е.В. Философский базис эскапизма и социального протеста молодежных субкультур / Е. В. Касьянова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2013. – № 1 (15). – С. 129 –135.

178. Карабанова, С.Ф. Фундаментальные основы визуальности / С.Ф. Карабанова, Н.А. Коноплева, Е.В. Ткаченко // Проблемы современной науки и образования. – 2013. – № 2 (16). – С. 188 – 196.

179. Катасонова, Е. В поисках самовыражения: японская молодежь в мире масс-культуры / Е. Катасонова // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 11. – С. 58–65.

180. Корженко, А.Л. Молодежная субкультура как альтернативная форма социализации личности в юношеском возрасте / А.Л. Корженко // Вопросы психологии. – 2010. – № 2. – С. 80 – 89.

181. Костюрина, Н.Ю. Динамика современной молодежной аксиологии (на примере Дальнего Востока России) / Н.Ю. Костюрина // Вопросы культурологии. – 2013. – № 9. – С. 33–39.

182. Косарецкая, С.В. О неформальных объединениях молодежи / С.В. Косарецкая // Дом культуры. – 2008. – № 6. – С. 62 – 67.

183. Кудряшов, М.А. Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 23–32.

184. Кумсков, С.В. Влияние спортивных и околоспортивных субкультур на молодежные сообщества / С.В. Кумсков, И.Н. Пушкарева // Теория и практика физической культуры. – 2010. – № 3. – С. 12 – 14.

185. Леви, Т.С. Курс «Психология телесности» в профессионально-личностной подготовке психологов / Т.С. Леви // Знание. Понимание. Умение 2004. – № 1. – С. 15.

186. Левикова, С.И. Готика как она есть, или о старой-новой молодежной субкультуре / С.И. Левикова // Философские науки. – 2006. – № 7. – С. 79-92, № 8. – С. 91-126, № 9. – С. 117-126.

187. Левикова, С.И. Две модели динамики ценностей культуры (на примере молодежной субкультуры) / С.И. Левикова // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 71–79.

188. Левченко, О. «Молодежь Владивостока» может сделать жизнь ярче [о создании нового обществ. об-ния] / О. Левченко // Известия. – 2006. – 15 июня. – С. 10.

189. Луков, В. А. Знаки и символы молодежи / В.А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. – С. 209 – 211.

190. Луков, В. А. Особенности молодежных субкультур в России / В.А. Луков // Социологические исследования. – 2002.– № 10. – С. 79 – 87.

191. Малахова, Е.В. Телесное в молодежной субкультуре: семантика и эстетика / Е.В. Малахова // Вестник Московского ун-та. Серия 7 Философия. – 2011.– № 1 (январь-февраль).– С. 74–88.

192. Музалевская, Ю. Мода как один из способов противостояния молодежных субкультур массовой культуре / Ю. Музалевская // Легпром бизнес-директор. –2006. – № 12. – С. 18–19.

193. Некрасова, Н.А. Феномен человеческой телесности / Н.А. Некрасова, А.А. Горяинов // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 1. – С. 21–23.

194. Омельченко, Е.А. Стиляги, гопники и другие: молодежь советская и постсоветская / Е.А. Омельченко // Неприкосновенный запас. – 2004.– № 4.– С. 36.

195. Понкин, И. Просто «безобидные» готы / И. Понкин // Социальная педагогика. – 2009. – № 3. – С. 111–119.

196. Привалова, В.М. Орнаментальная культура. Аналитический обзор символов и знаков геометрического орнамента в антропологической картине мира / В.М. Привалова // Известия Самарского научного центра РАН, Том 12. – 2010. – № 3 – С.255 – 263.

197. Римская, О. Н. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона / О.Н. Римская, В.Н. Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. –2010. – № 14. – С.70 –78.

198. Рыбаков, Б.А. Макрокосм в микрокосме народного искусства / Б.А. Рыбаков // Декоративное искусство. –1975. – № 3. – С.31–33.

199. Рынок услуг салонов красоты растет на 25% в год // Бизнес. – 2006. – 25 дек. – С. 3.

200. Скрипачева, Н.А. Особенности молодежного досуга в современном городе (на прмере Тольятти) / Н.А. Скрипачева // Дом культуры. – 2008. – № 10. – С. 6 – 8.

201. Салахетдинов, Э.Р. Молодежная субкультура: понятие, сущность, характеристика / Э.Р. Салахетдинов // Вопросы гуманитарных наук. – 2007. – № 6. – С. 270 – 273.

202. Сайко, Э.В. Ритмы, «образующие» человека и человек, образующий ритмы / Э.В. Сайко // Мир психологии.– 2002.– № 3.– С.3–13.

203. Свиридов, Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи. Дальневосточная ситуация / Н.А. Свиридов // Социологические исследования – 2002.– № 1.– С. 90 – 95.

204. Сильнова, Е.И. Экономический образ России и проблемы общества потребления / Е.И. Сильнова // Вопросы культурологии. – 2011.– № 5.– С. 12–17.

205. Сладкова, О.Б. Кризис идентичности в современно российском обществе / О.Б. Сладкова // Обсерватория культуры. – 2008.– №3.– С. 9–15.

206. Слюсаревский, Н.Н. Субкультура как объект исследования / Н.Н. Слюсаревский // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С.117–127.

207. Тищенко, П.Д. Дано мне тело…/ П.Д. Тищенко // Человек. – 1990. – № 3. – С. 47.

208. Сурвилайте, Д.В. Процессы социализации в среде молодежной субкультуры / Д.В. Сурвилайте // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2010. – № 3. – С. 74–81.

209. Томилов, Н.А. Проблемы этнографического изучения народной городской культуры / Н.А. Томилов // Гуманитарные науки в Сибири.– 1998.– № 3. – С. 103–106.

210. Туров, И.С. Городской образ жизни: теоретический аспект / И.С. Туров // Социологические исследования. – 1995.– № 1. – С. 131–134.

211. Хренов, Н.А. Культура. Игровые проявления личности в переходные эпохи истории культуры / Н.А. Хренов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 167–180.

212. Цветус-Сальхова, Т.Э. Тело и телесность в культурологических исследованиях / Т.Э. Цветус-Сальхова // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск: ГОУ ВПО Томский гос. ун-т. – 2011. – № 351. – С. 70.

213. Чибисова, О.В. Субкультура: подходы к определению понятия / О.В. Чибисова // Вопросы культурологии. – 2010. – № 5. – С. 16–20.

214. Ядов, В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социологический журнал.– 1994.– № 1. – С. 112–129.

Справочные издания

215. Андреева, В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М.: Локид; Миф, 2000. – 576 с.

216. Бауэр, В. Энциклопедия символов / В. Бауэр, И. Дюмотц, С. Головин; пер. с нем. Г. Гаева. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. – 504 с.

217. Бентли, П. Словарь мифов: пер. с анг. Ю. Бондарева / П. Бентли. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 432с.: ил.

218. Быховская, И.М. Телесность как социокультурный феномен / И.М. Быховская // Культурология. XX век: словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.

219. Виноградов, Г.О. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Г.О. Виноградов / [под ред. Д.Н. Ушакова]. – М.: ОГИЗ, «Советская Энциклопедия», 1935-1940.

220. Гуревич, П.С. Субкультура / П.С. Гуревич // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – СПб., 1998.– С. 236.

221. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ, 2006. – 699 с.

222. Керлот, Х.Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.

223. Менегетти, А. Словарь образов. Практическое руководство по имагогике / А. Менегетти; пер. с итал. и анг. общ. ред. Е.В. Романовой, Т.И. Сытько. – Л.: Экос и Ленинградская ассоциация онтопсихологии, 1991. – 112 с. ил..

224. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.

225. Субкультура // Социология молодежи: энциклопедический словарь / [отв. ред.: Ю.А. Зубок, В.И. Чупров]. – М.: Academia, 2008. – С 434.

226. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Сов. Энциклопедия, 1973. – 847 с., С. 728.

227. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли; пер. с англ. А. Помогайбо. – М.: Вече, 1997. – 512 с.

228. Шпрангер, Э. Философский словарь: основан Г. Шмидтом / пер. с нем. / [под ред. Г. Шишкоффа, общ. ред. В. А. Малинина]. – 22-е, новое, перераб. изд. – М: Республика, 2003. – С. 516.

Диссертации и авторефераты

229. Борзова, Т.А. Культурно–антропологические основания ценностных ориентаций молодежной субкультуры: на примере современной российской молодежной субкультуры: автореф. дис… канд. культурологии: 24.00.01 / Борзова Татьяна Александровна.– Владивосток, 2006.– 26 с.

230. Брешин, А.А. Субкультура современной российской молодежи: дис. …канд. социол. наук: 22.00.04 / Брешин Алексей Андреевич.– М., 2010.– 147 с.

231. Гольман, Е.А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологических исследований: автореф. дис. ... канд соц. наук: 22.00.01 / Гольман Евгения Андреевна. – М., 2015. – 30 с.

232. Горяинов, А.А. Феномен телесности в социокультурном пространстве: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Горяинов Александр Александрович. – Белгород, 2006. – 22 с.

233. Гришанин, Н.В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.01 / Гришанин Никита Владимирович. – СПб, 2007. – 22 с.

234. Жаров, Л.В. Человеческая телесность: философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Жаров Леонид Всеволодович. – Свердловск, 1988. – 34 с.

235. Маслов, Р.В. Телесность человека: онтологический и аксиологический аспекты: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.13 / Маслов Роман Владимирович. – Саратов, 2005. – 36 с

236. Никитин, В.Н. Человеческая телесность: онтогносеологический анализ: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.01 / Никитин Владимир Николаевич. – М.: 2007. – 36 с.

237. Райхштат, А.О. Молодежные субкультуры в российском обществе: теоретические подходы и современные практики: автореф. дис…. канд. соц. наук: 22.00.04 / Райхштат Артур Олегович. – Казань, 2006.– 26 с.

238. Родионов, С.В. Молодежные «электронные» субкультуры как социокультурный феномен: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.01 / Родионов Сергей Викторович. – Саратов, 2000. – 18 с.

239. Семенова, Т.В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности. автореф. дис…. д-ра псих. наук: 19.00.05 / Семенова Татьяна Вениаминовна. – Казань, 2007. – 45 с.

240. Тыхеева, Ю.Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанологии): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Тыхеева Юлия Цыреновна. – СПб, 2003. – 335 с.

241. Фролова, М.И. Формирование и реализация региональной молодежной политики в условиях трансформирующегося российского

общества (на материалах Приморского края): автореф. дис…. канд. соц. наук: 22.00.08 / Фролова Марина Инсафовна. – Владивосток, 2004. – 18 с.

242. Цой, М.И. Эволюция концептов телесности человека философско-антропологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Цой Марина Ильинична. – Тула, 2009. – 24 с.

243. Чибисова, О.В. Взаимодействие молодежных субкультур Хабаровского края: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Чибисова Ольга Владимировна. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. – 192 с.

244. Чикин, А.А. Проблема телесности в феноменологии: Э. Гуссерль и М. Мерло-Понти: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.03 / Чикин Александр Александрович. – Москва, 2014. – 28 с.

Зарубежная литература

245. Buhler C. The Course of Human Life: a Study of Goals in the Humanistic Perspective / C. Buhler & F. Massarik. – New York: Springer, 1968. – 350 p.

246. Rorty R. Moral Identity and Private Autonomy // Michel Foucault Philosopher: Essays translated from the French and German by T.J.Armstrong. N. Y.–L., 1992. P. 331

247. Shusterman R. Postmodernist Aestheticism: A New Moral Philosophy? // Theory, Culture & Society. 1988. Vol. 5. № 2–3. P. 346–347

248. Von Dintes MX. Tribal tattoo desisan (Amsterdam Tattoo Museum) – Amsterdam, Reprint Press Bw., 2000.

249. Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. – NY: Oxford University Press, 1976. – P. 76 – 82.

250. Zimmel G. The Metropolis and Mental Life / G. Simmel; ad. by D. Weinstein from K. Wolff. – New York: Free Press, 1950.– 424 p.

Электронные ресурсы

251. Бедненко, Г.Б. Символический смысл татуировки [Электронный ресурс] / Г. Бедненко: персональный сайт. – Режим доступа: http://pryahi.indeep.ru/mythology/research/tattoo. Дата обращения:08.08.2007.

252. В Приморье открылся сезон мотоциклистов [Электронный ресурс] / Российское информационное агентство «Новый Регион». – 2012. – Режим доступа: http://www.nr2.ru/fareast/385687.html. Дата обращения:12.05.2012.

253. Галерея художественной татуировки [Электронный ресурс] / Tattooage: тату-салон: официал. сайт. – Режим доступа: http://www.tattooage.ru/ Дата обращения:12.10.2008.

254. Готика как стиль [Электронный ресурс] / All stars goth: сайт о муз. субкультурах и муз. командах направлений рока – Режим доступа: http://black-night.ucoz.ru/publ/4-1-0-9.Дата обращения: 02.11.2010.

255. Кассирер, Э. Естественнонаучные понятия и понятия культуры [Электронный ресурс] / Э. Кассирер // Вопросы философии. –1995. – № 9. Научная библиотека диссертаций и авторефератов – Режим доступа: disserCat http://www.dissercat.com/content/fenomen-tsennostno-orientirovannoi-nauchnoi-yatelnosti#ixzz3qrdm17zR. Дата обращения:12.10.2014.

256. Заржицкая, О.А. Социально-психологический анализ телесности: возможности и перспективы [Электронный ресурс] / О.А. Заржицкая // Портал психологических изданий – PsyJournals.ru http://psyjournals.ru/psytel2009/issue/40803.shtml. – Режим доступа: psyjournals.ru/files/40803/psytel_conf_Zarzhyckaya.pdf. Дата обращения: 18.09.2010.

257. Мода африканских скинхедов начала 1970-х [Электронный ресурс] / Warnet.ws. – Режим доступа: http://warnet.ws/news/22384 фото скинов. Дата обращения: 15.09.2008.

258. Молодежные темы. Татуировка [Электронный ресурс] / Виртуальный Каменск: форум. – Режим доступа:

http://suncharion.narod.ru/Text2/skinheads/Part04.html. Дата обращения: 15.09.2008.

259. Немцева, А.В. Человек и его телесность: социально-философский аспект [Электронный ресурс] / А.В. Немцева // Вестник Оренбургского ун-та. – Электрон. журнал. – 2013. – № 7 (156). – Режим доступа: http://www.osu.ru/doc/1026/article/7172/lang/0. Дата обращения: 15.09.2013.

260. Сикирич, Е. Язык символов – язык вечности [Электронный ресурс] / Е. Сикирич // Новый Акрополь.– Электрон. журнал.– 1998.– № 2.– Режим доступа: http://www.newacropolis.ru/magazines/1_1998/Yazik_simvolov Дата обращения: 16.04.2008.

261. Стили татуировок [Электронный ресурс] / Художественное тату: персонал. сайт художника татуировок. – Режим доступа: http://hiscnik.fo.ru/home. Дата обращения: 06.07.2009.

262. Субкультуры [Электронный ресурс] / Любознайка: персональный сайт. – Режим доступа: http://tatyana68.ucoz.ru/search. Дата обращения: 10.08.2010.

263. Татуировки [Электронный ресурс] / Братский Форум. – Режим доступа: http://canyon.rga.ru/forum/archive/index.php/t-12983.html Mr.House. Дата обращения: 18.02.2009.

264. Татуировки [Электронный ресурс] / Мотофорум: обсуждение скутеров, мотоциклов, мопедов на MOTO.com.ua – Режим доступа: http://www.moto.com.ua/forum.php? Дата обращения: 10.12.2012.

265. Татуировки в субкультурах [Электронный ресурс] / Teawhisper ЖЖ – Режим доступа: http://teawhisper.livejournal.com/3097.html. Дата обращения: 10.12.2012.

266. Тупикова, С.В. «Телесность» в социологическом дискурсе: общенаучные и социокультурные детерминанты теоретизирования [Электронный ресурс] / С.В. Тупикова // Современные исследования социальных проблем. – Электрон. журнал.– Modern Research of Social Problems.

– № 4 (24), 2013 Режим доступа: www.sisp.nkras/ru. Дата обращения: 20.12.2014.

267. Рокич, М. Методика ценностные ориентации [Электронный ресурс] / М. Рокич – Режим доступа: http://psymania.info/femil/shilov/metodika.php. Дата обращения: 15.12.2012.

268. Осипова, Н.О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания [Электронный ресурс] / Н.О. Осипова // Культурологический журнал. – Изд-во Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Дихачева. – 2011. –№ 3 (5). – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/79.html&j_id=7. Дата обращения: 10.09.2015.

269. Шишковская, А.В. Дефиниции «Я-телесного в психологических исследованиях // Психология телесности: теоретические и практические исследования [Электронный ресурс] /А.В. Шишковская // Портал психологических изданий PsyJournals.ru. – http://psyjournals.ru/psytel 2009/issue/40806.shtml. – Режим доступа: psyjournals.ru/files/40806/psytel_conf_Zarzhyckaya.pdf. Дата обращения: 10.08.2015.

270. Шулепова, Э.А. Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция [Электронный ресурс] / Э.А. Шулепова // Культурологический журнал. – Электрон. период. изд.– 2011.– № 2.– Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/59.html&. Дата обращения: 20.10.2014.

271. Old School Tattoo [Электронный ресурс] / Tattooplus: сайт татусалона.– Режим доступа: www.tattooplus.ru/index.ph. Дата обращения: 20.06.2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ А
(справочное)
Визуальные характеристики представителей субкультуры «скинхедов»

Рисунок 1 – визуальные характеристики «скинхедов»

Рисунок 2 – обувь (берцы) «скинхедов»

Продолжение приложения А

Рисунок - 3 фото татуировки «скины»

Рисунок - 4 фото татуировки «скины»

Рисунок -5 фото татуировки свастика «скины»

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
(справочное)
Визуальные характеристики представителей субкультуры «панк»

Рисунок 1- Представители субкультуры «панк»

Рисунок 2 – визуальные характеристики «панк» культуры

Продолжение приложения Б

Рисунок 3- Татуировка представителей субкультуры «панк»

Рисунок 4 - Татуировка панка

ПРИЛОЖЕНИЕ В
(справочное)
Визуальные характеристики субкультуры «готов»

Рисунок 1 – визуальные характеристики «готов»

Рисунок 2 – визуальные характеристики «готов»

Продолжение приложения В

Рисунок 3- Татуировка представителей «готов»

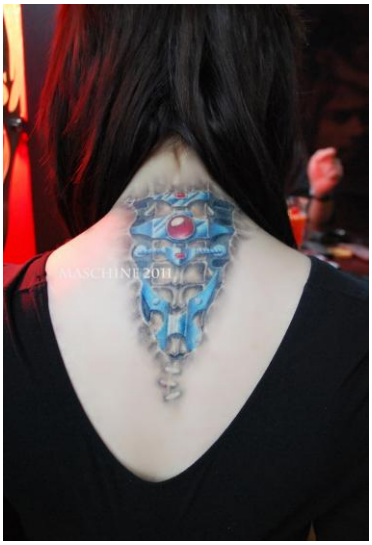

Рисунок 4 – Татуировка представителей «готов»

ПРИЛОЖЕНИЕ Г
(справочное)
Визуальные характеристики представителей субкультуры «эмо»

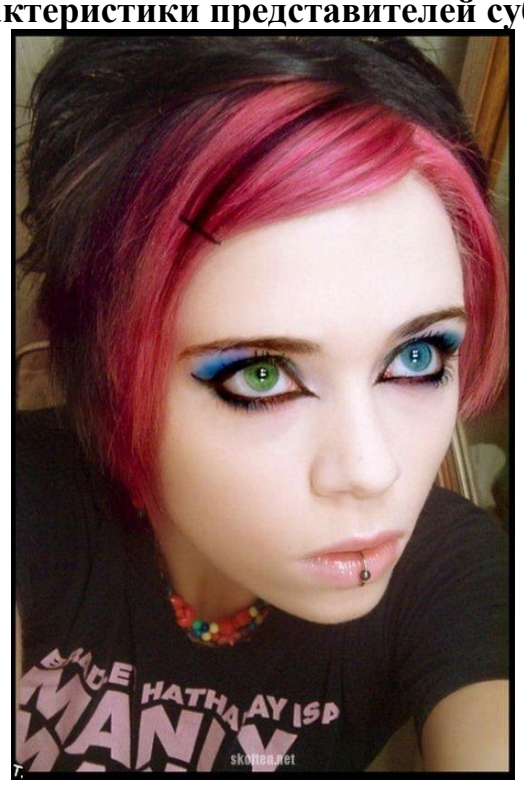

Рисунок 1- Визуальные характеристики представителей «эмо»

Рисунок 2- визуальные характеристики представителей «эмо»

Приложение Д

(обязательное)

АНКЕТА – ОПРОСНИК

и результаты пилотажного исследования

«Проблемы жизнедеятельности молодежи г. Владивостока»

Анкетирование проводится с целью изучения общественного мнения о проблемах самопрезентации молодежи в городе Владивостоке.

Гарантия анонимности: это исследование направлено **на получение исключительно научных результатов**, и собранные данные будут использоваться в обобщенном виде.

Инструкция: Вам будет предъявлен список из 5 факторов, затрудняющих, по Вашему мнению, качество жизнедеятельности молодежи в городе. Ваша задача - распределить их по порядку значимости лично для Вас.

Внимательно изучите представленный список и выберите тот фактор, который по Вашему мнению наиболее затрудняет Вашу жизнедеятельность в городе - он займет первое место (или получит первый ранг). Затем выберите второй по значимости фактор и поместите его на второе место. Проранжируйте все предложенные факторы. Наименее важный останется последним и займет, соответственно, 5-е место. **Заранее благодарим Вас за сотрудничество!**

Таблица № 1 - Факторы, затрудняющие адаптацию молодежи в городе Владивостоке

№	Название фактора	Ранг	Количество выбравших (человек)	%, неудовлетворенности по фактору
1	Фактор личностного самочувствия (удовлетворенность деятельностью в данный период времени, своим положением в обществе, жизненной ситуацией)	1	660	33
2	Фактор возможности профессионального развития (возможность трудоустройства молодежи, ее образования и саморазвития)	2	540	27
3	Фактор безопасности (определение наличия/отсутствия безопасности в городском пространстве)	3	320	16
4	Фактор организации досуга (широта выбора при проведении досуга, доступности необходимых услуг)	4	280	14
5	Фактор материального жизнеобеспечения (определяет удовлетворенность молодежи эффективностью системы здравоохранения, наличием социальных программ, влияющих на ее самочувствие)	5	200	10

Продолжение приложения Д

АНКЕТА – ОПРОСНИК

и результаты пилотажного исследования

«Виды и формы досуга выбираемые молодежью г. Владивостока»

Гарантия анонимности: это исследование направлено **на получение исключительно научных результатов**, и собранные данные будут использоваться в обобщенном виде.

Инструкция: Поставьте знак, напротив предпочитаемой позиции.

Таблица № 2 - Анализ предпочтений досуга современной молодежью г. Владивостока

№	Название вида, формы досуга	Отметить предпочитаемые позиции	Количество выбравших (человек)	%, выбравших
1	**Какие виды досуга Вы предпочитаете**:			
	А) активные (посещение дискотеки, картинга, боулинга, велопрогулки и т.д.)		136	68
	Б) пассивные (интернет, книги, вышивание и т.д.)		64	32
2	**Какая форма проведения культурно-досуговой деятельности для Вас предпочтительней:**			
	А) индивидуальная		72	36
	Б) групповая		128	64

Рисунок 1 - Анализ предпочтений видов досуга среди молодежи г. Владивостока

Рисунок 2 - Анализ предпочтений формы досуга среди молодежи г. Владивостока

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

(обязательное)

АНКЕТА – ОПРОСНИК

«Принципы использования татуировки молодежью г. Владивостока»

(Пилотажное исследование)

Анкетирование проводится с целью изучения общественного мнения в отношении использования татуировки молодежью и выявления её принадлежности к субкультурам.

Гарантия анонимности: это исследование направлено **на получение исключительно научных результатов**, и собранные данные будут использоваться в обобщенном виде.

Инструкция: внимательно прочитайте каждый вопрос и выберите один из предложенных вариантов ответа, в наибольшей степени близкий Вам. Для этого обведите букву, соответствующую данному варианту. Старайтесь, как можно реже, выбирать неопределенные ответы «трудно сказать». В некоторых вопросах предлагается выбрать все предпочитаемые Вами ответы (смотрите вопросы).

Заранее благодарим Вас за сотрудничество!

1. Приходилось ли Вам пользоваться услугами тату-салонов?

А) да

Б) нет

В)другое _____(укажите, что именно)

2. Если Вы ответили «Да» на первый вопрос, то укажите, какими видами тату-услуг Вы воспользовались?

А) татуировка

Б) пирсинг

В) перманентный макияж

Г) нет

3.В каком возрасте Вы впервые сделали татуировку?

А) 14-17

Б) 18-21

В) 22-25

Г)26-30

Д)31-35

Е)36-40

Ж) другой возраст укажите_____

4.Делали ли Вы татуировку еще и в каком возрасте?

А) укажите возраст_____

5.Планируете ли Вы делать татуировки повторно?

А) да

Б) нет

В) трудно сказать

6. По каким принципам Вы выбирали рисунок татуировки?

А) его «модности»

Б) его соотнесенности с определенной группой в культуре

В) трудно сказать

Г) другое_____

7. **Если Вы выбрали рисунок татуировки с учетом демонстрации своей принадлежности к какому-либо культурному сообществу, то укажите какому?**

А) готы
Б) панки
В) байкеры
Г) рокеры
Д) эмо
Е) металлисты
Ж) граффити
З) рэп
И) брейк-данс
К) бит-бокс
Л) анимэ
М) армейская
Н) другое_____

8. Знаете ли Вы значение рисунка, выбранного для татуировки?

А) да
Б) нет
В) трудно сказать

9. Если Вы ответили «Да», то из какого источника Вы узнали значение рисунка?

А) книги
Б) мастер тату-салона
В) друзья
Г) единомышленники
Д) другое _____(укажите, что)

10. К какому стилю, по Вашему мнению, относится ваша татуировка?

А) японский
Б) полинезийский
В) славянский
Г) русский
Д) другой _____(укажите, какой)

11. Какие изменения произошли с Вами после нанесения татуировки?

А) стал(а) модным
Б) стал(а) более удачливым
В) стал(а) более защищенным
Г) трудно сказать
Д) другое _____(укажите, что)

12. Изменилось ли отношение к самому себе после нанесения татуировки?

А) да
Б) нет
В) трудно сказать

13. Если Вы ответили «Да», то как, по вашему мнению, изменилось отношение к самому себе?

А) повысилась самооценка
Б) почувствовал себя более защищенным
В) почувствовать себя принадлежащим к избранной группе (субкультуре)

Д) другое _____(укажите, что)

14.На каком месте располагается Ваша татуировка?

А) рука

Б) плечо

В) поясница

Г) живот

Д) другие_____(укажите, что)

15. Какие цвета преобладают в рисунке Вашей татуировки?

А) черный

Б) красный

В) зеленый

Г) синий

Д) другие_____(укажите, какие)

16. Имеются ли у Вас сложности во взаимоотношениях с родителями?

А) да, часто

Б) да, редко

В) нет, не имеются

Г) трудно сказать

18. Как относятся к вашей татуировке родители или близкие родственники?

А) положительно

Б) отрицательно

В) безразлично

Г) трудно сказать

Д) другое _____(укажите, что)

19.Укажите услугами, какого тату-салона Вы пользовались?

(укажите)_____

20. Какие субкультуры присутствуют в г. Владивостоке, (которые Вам известны), объединенные на основании:

№	**Критерии обозначающие субкультуры**	**Название субкультур, которые Вы сюда относите**	**% присутствия субкультуры**
1	признака музыкальных пристрастий		
2	признака социальной активности		
3	способа проведения свободного времени		
4	увлечения различными видами спорта		
5	антисоциальной направленности (криминального поведения)		

21. Укажите откуда Вы получили информацию о субкультурах

А) интернет
Б) СМИ
В) молодежная среда
Г) журналы и газеты
Д) другое _____

22. Принадлежите ли Вы к какому-либо субкультурному объединению?

А) да
Б) нет
В) Другое_____(укажите, что)

23. Если Вы ответили «Да», то к какому именно объединению Вы себя относите?

А) готы
Б) панки
В) байкеры
Г) рокеры
Д) эмо
Е) металлисты
Ж) граффити
З) рэперы
И) хиппи
К) скинхеды
Л) анимэ
М) рейверы
Н) другое_____

23. Укажите Ваш пол

А) муж.
Б) жен.

24.Укажите Ваш возраст_____

25. Укажите Ваше образование

А) высшее
Б) средне техническое
В) среднее
Г) другое_____

26. Укажите Ваш род занятий

А) учащийся
Б) студент
В) рабочий
Г) служащий
Д) инженерно-технические работники
Е) пенсионер
Ж) другое_____

Благодарим за сотрудничество!

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

(справочное)

Визуальные характеристики представителей субкультуры «хиппи»

Рисунок 1- Визуальные характеристики «хиппи»

Рисунок 2- Татуировка представителей субкультуры «хиппи»

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

(справочное)

Визуальные характеристики представителей субкультуры «репер»

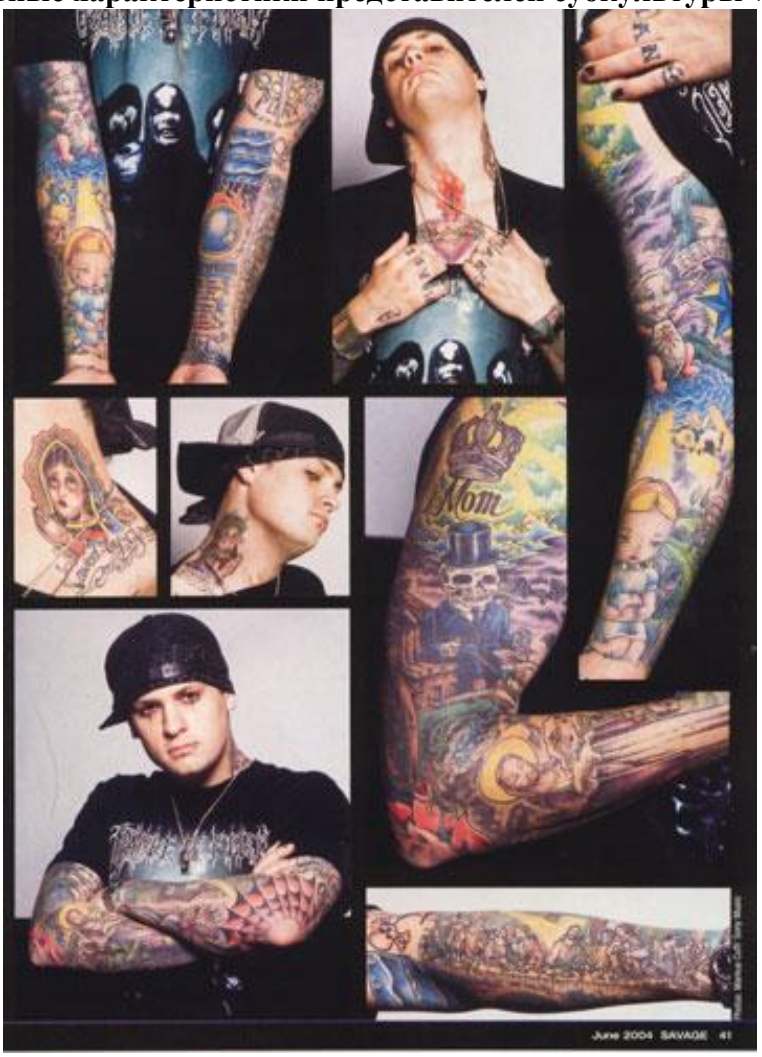

Рисунок 1-Внешний вид и татуировки репера

ПРИЛОЖЕНИЕ И

(справочное)

Услуги татуажа, предоставляемые в г. Владивостоке

Таблица 1 - Тату салоны и салоны красоты, оказывающие услуги татуажа в городе Владивостоке

Район города	Салон
Фрунзенский район	1. Флоранс, центр красоты 2. Тату плюс 3. Аксу 4. Баунти 5. Бриз, салон красоты 6. Бэль Визаж, салон красоты 7. Гелена 8. Классик 9. Лан Данза, салон красоты 10. Ля Пантер 11. Максимус 12. Мерилин 13. Приморье, салон красоты при гостинице «Приморье»
Первореченский район	14. Мозаика 15. Натали 16. Хризантема 17. Артемида, салон красоты 18. Ла Сперанса 19. Мир СПА, салон красоты 20. Модная точка, студия красоты 21. Орхидея 22. Сан Лайф, студия 23. Соната
Советский район	24. Шарм 25. Имидж, косметический центр 26. Камея 27. Салон красоты 28. Салон красоты 29. Светлана 30. Стиль студия 31. Студия SPA 32. Ренессанс, салон красоты 33. Северное сияние, салон красоты 34. Стиль 35. Студия Александра Тодчука 36. Студия красоты 37. Элмо 38. Эстетик

Ленинский район	39. Lady BOSS, салон красоты 40. Тату-салон 41. Аврора 42. Виталия 43. Имидж 44. Клеопатра 45. Мир красоты 46. Новый стиль, салон красоты 47. SPA, салон 48. Студия «Бьюти» 49. Шоколад, студия красоты 50. Шпилька, салон красоты 51. Эстетика 52. Я, студия красоты 53. Мадонна 54. Марлен Дитрих 55. Мираж 56. Для тебя, 57. Четыре сезона, 58. Персона Гранд, 59. Фермина
Первомайский район	60. Кристина 61. Ольга, салон красоты 62. салон Мерилин 63. Стиль плюс 64. Арамис 65. Березка 66. Синяя птица 67. Виза стиль, центр красоты и здоровья 68. Юлия
Итого	68 салонов предлагают тату-услуги в г. Владивостоке

Составлено на основе данных Бизнес-каталога 2011 г. Владивостока.

Таблица 2 – Анализ услуг, ценовой политики предпочитаемых тату-салонов г. Владивостока

Название тату-салона конкурента	Предлагаемые услуги	Ценовая политика, руб.	Проходная способность, чел. в день в среднем за год	Сезон
«Мерилин»	Татуировка Пирсинг Прокол пупка Прокол языка Прокол уха Прокол брови, губы или носа Перманентный	От 1000 700 800 450 750	1 2 0,3 1 0,5	Май-июнь, сентябрь-ноябрь Тот же Весна, осень Весна Весна

	макияж	От 3000	0,9	
	Татуаж губ	От 2500	0,8	Весна-лето
	Татуаж бровей	От 4500	0,6	Постоянно
	Татуаж глаз			Весна, осень
«Тату плюс»	Татуировка	От 1500	1,5	Май-июнь,
	Пирсинг			сентябрь-
	Прокол пупка	600	2,5	ноябрь
	Прокол языка	700	1,3	Тот же
	Прокол уха	500	1,5	Весна, осень
	Прокол брови, губы			Весна
	или носа	700	1,5	
	Перманентный			Весна
	макияж	От 4000	1,8	
	Татуаж губ	От 4000	1,7	Весна-лето
	Татуаж бровей	От 4000	1,9	Постоянно
	Татуаж глаз			Весна, осень
«Для тебя»	Татуировка	От 1000	0,9	Май-июнь,
	Пирсинг			сентябрь-
	Прокол пупка	600	1,8	ноябрь
	Прокол языка	600	0,2	Тот же
	Прокол уха	400	0,8	Весна, осень
	Прокол брови, губы			Весна
	или носа	600	0,3	
	Перманентный			Весна
	макияж	От 3000	0,6	
	Татуаж губ	От 2000	0,4	Весна-лето
	Татуаж бровей	От 4000	0,5	Постоянно
	Татуаж глаз			Весна, осень
«Четыре сезона»	Татуировка	От 1200	1,1	Май-июнь,
	Пирсинг			сентябрь-
	Прокол пупка	750	1,9	ноябрь
	Прокол языка	850	0,4	Тот же
	Прокол уха	500	1,1	Весна, осень
	Прокол брови, губы			Весна
	или носа	800	0,7	
	Перманентный	От 3500	1,1	Весна
	макияж	От 3000	0,9	Весна-лето
	Татуаж губ	От 4000	0,7	Постоянно
	Татуаж бровей			Весна, осень
	Татуаж глаз			
«Персона Гранд»	Татуировка	От 1500	0,8	Май-июнь,
	Пирсинг			сентябрь-
	Прокол пупка	800	1,7	ноябрь
	Прокол языка	800	0,7	Тот же
	Прокол уха	500	1,1	Весна, осень
	Прокол брови, губы			Весна
	или носа	800	0,9	
	Перманентный	От 3500	0,8	Весна
	макияж	От 2500	0,9	Весна-лето
	Татуаж губ	От 4000	0,7	
	Татуаж бровей			Постоянно
	Татуаж глаз			Весна, осень

«Фермина»	Татуировка Пирсинг Прокол пупка Прокол языка Прокол уха Прокол брови, губы или носа Перманентный макияж Татуаж губ	От 1000 700 800 450 750 От 3000	1 2 0,3 1 0,5 0,9	Май-июнь, сентябрь-ноябрь Тот же Весна, осень Весна Весна Весна-лето
	Татуаж бровей Татуаж глаз	От 2500 От 4500	0,8 0,6	Постоянно Весна, осень

ПРИЛОЖЕНИЕ К
(обязательное)
Результаты анкеты-опроса
«Использование татуировки молодежью г. Владивостока»

Субкультуры, присутствующие в г. Владивостоке

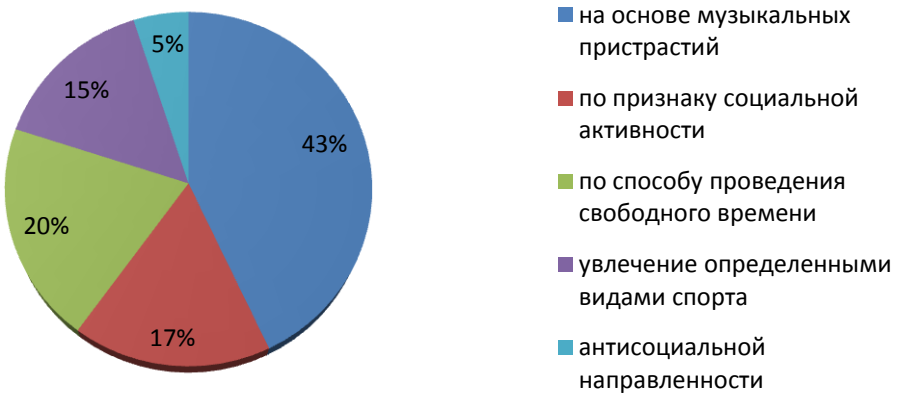

Рисунок 1 - Субкультуры в г. Владивостоке, выбранные респондентами по критериям

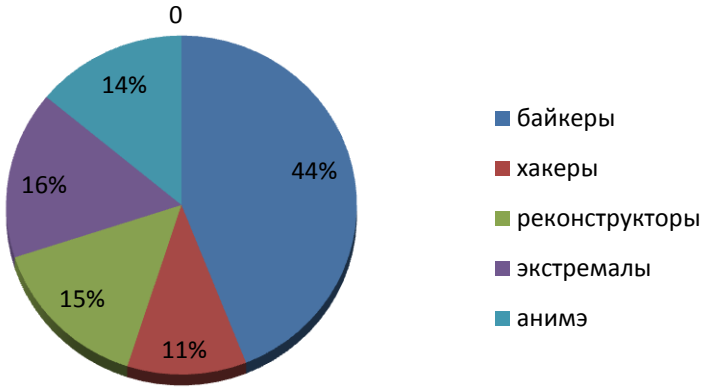

Рисунок 2 – Субкультуры г. Владивостока, объединенные по признаку проведения свободного времени

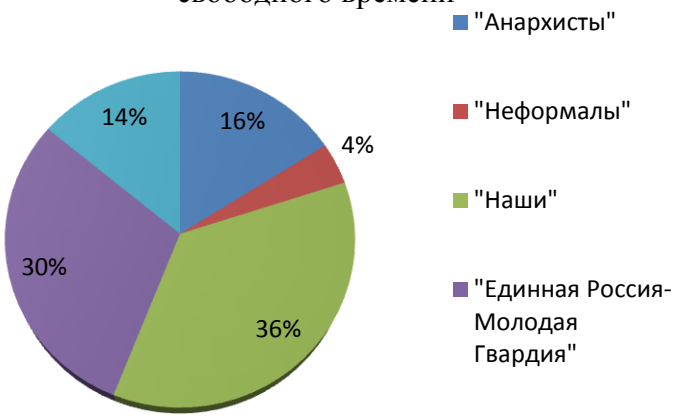

Рисунок 3 – Субкультуры г. Владивостока, объединенные по признаку социальной

активности

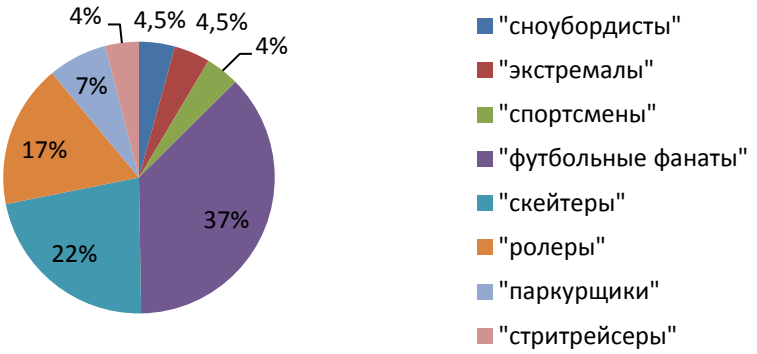

Рисунок 4 – Субкультуры г. Владивостока, объединенные по признаку спорта

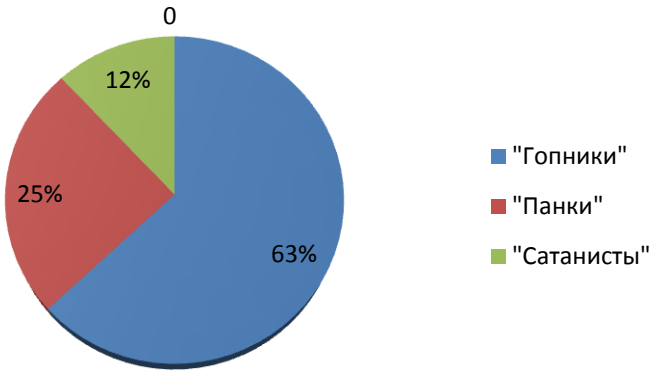

Рисунок 5 – Субкультуры г. Владивостока, объединенные по признаку антисоциальной направленности

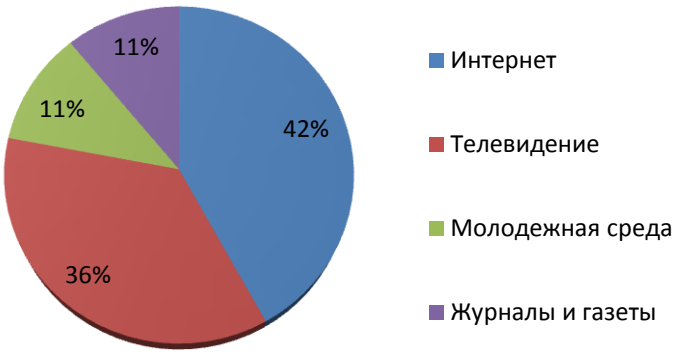

Рисунок 6 – Способы получения информации о субкультурах

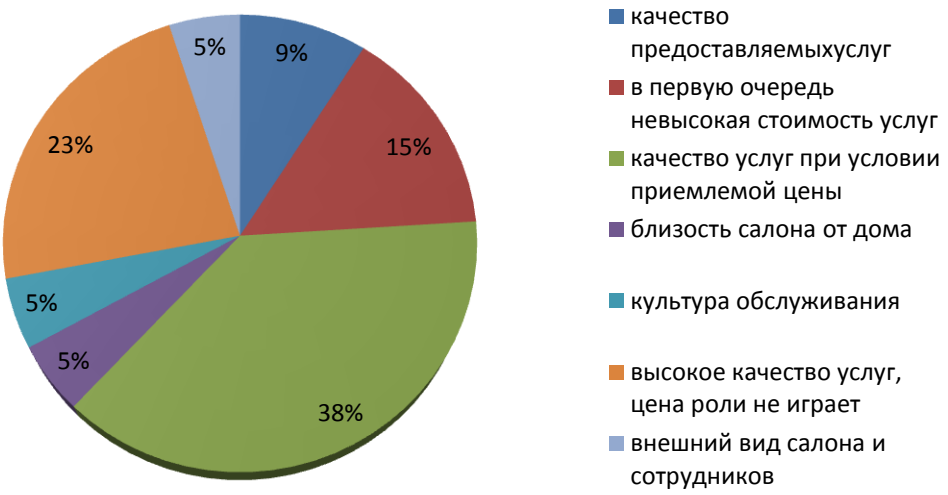

Рисунок 7 – Выбор тату - салона

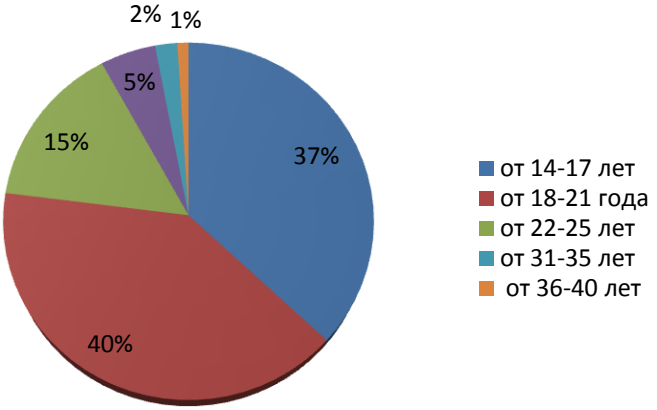

Рисунок 8 - Возраст респондентов, имеющих татуировку

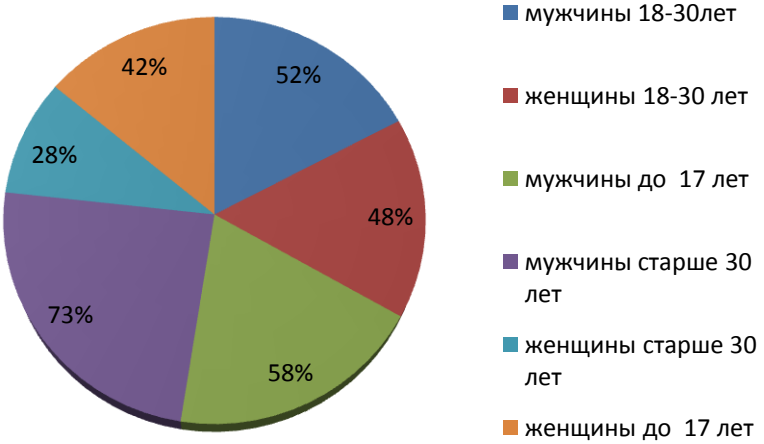

Рисунок 8 а - Гендерные особенности нанесения татуировки

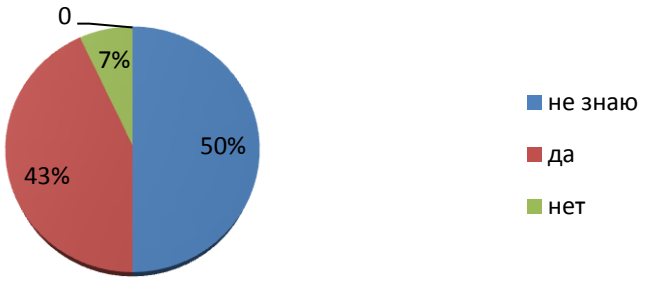

Рисунок 9 – Будете ли Вы в дальнейшем делать татуировку

Рисунок 10 – Выбор стиля рисунка своей татуировки

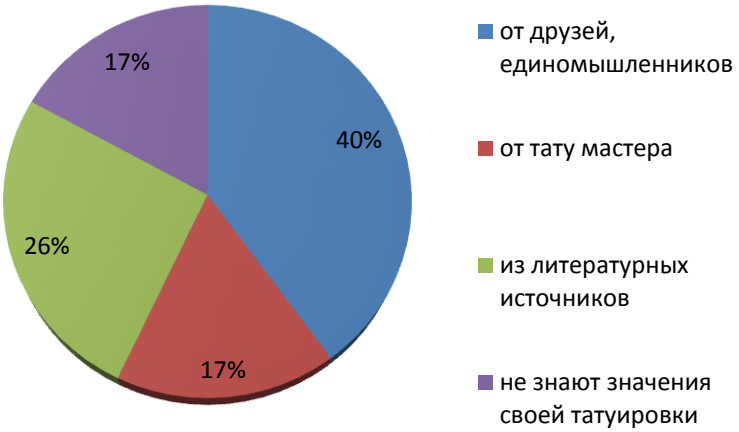

Рисунок 11 – От куда знают значение рисунка татуировки

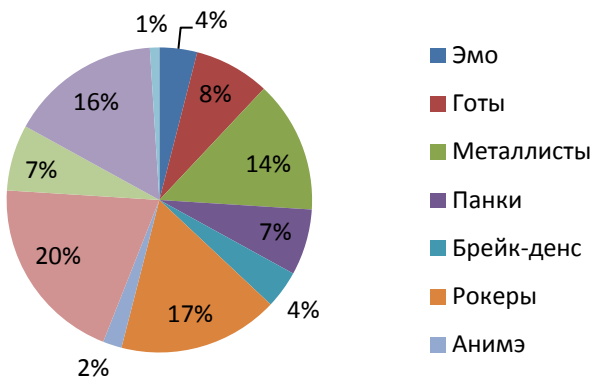

Рисунок 12 - Наличие татуировки у представителей субкультур

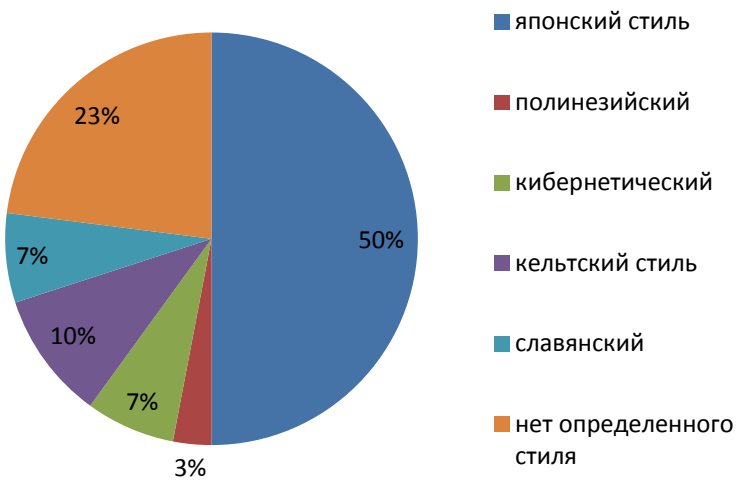

Рисунок 13 — Стиль татуировок у респондентов не входящих в субкультуры

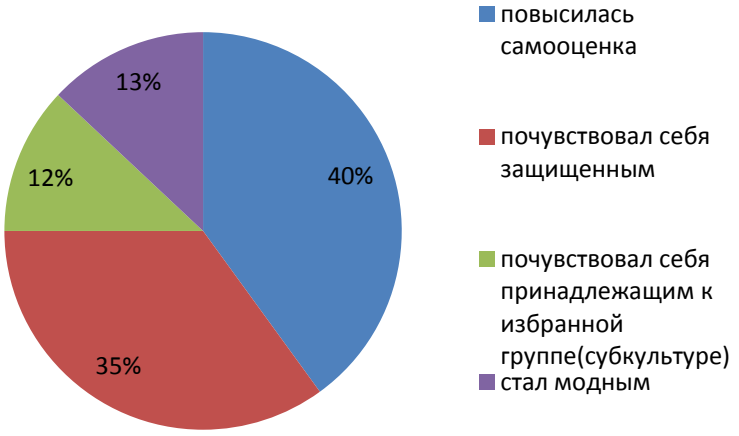

Рисунок 14 – Изменения произошедшие с вами после нанесения татуировки

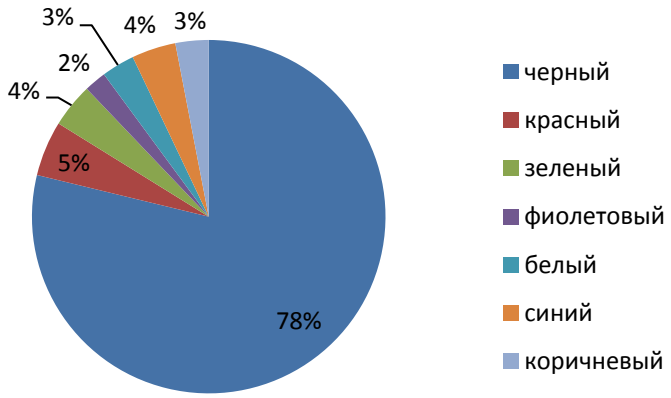

Рисунок 15 – Используемые цвета в татуировке

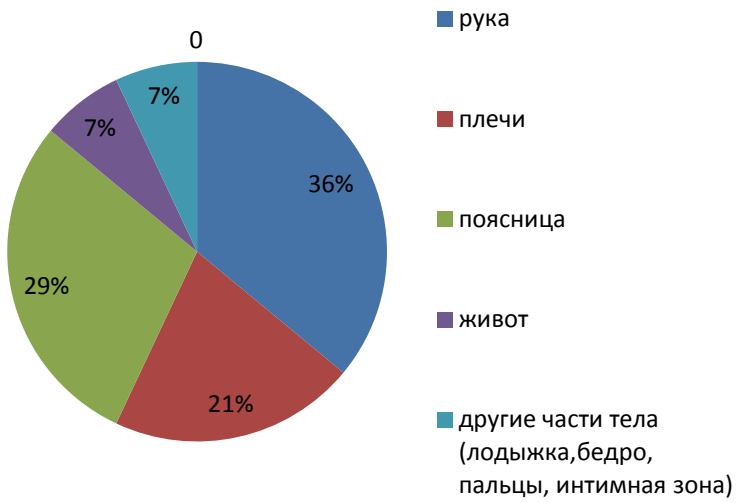

Рисунок 16– Местоположение татуировок на теле

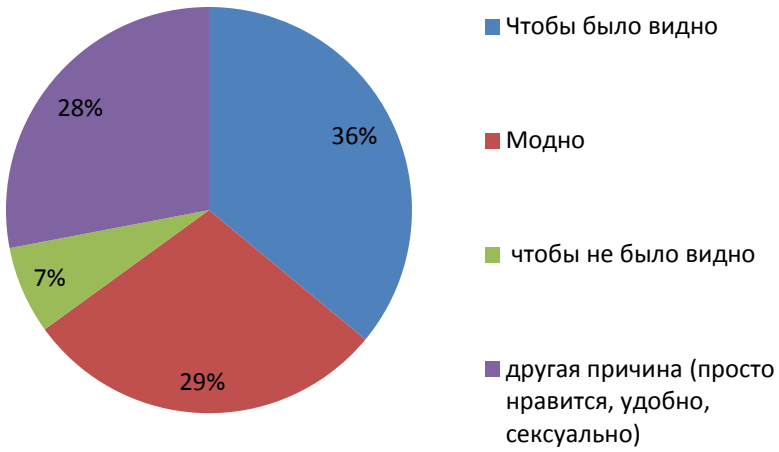

Рисунок 17 – причина выбора местоположения татуировки на теле

ПРИЛОЖЕНИЕ Л
(справочное)
Японский стиль татуировки

Рисунок 1- японский стиль татуировки

ПРИЛОЖЕНИЕ М
(справочное)
Кельтский стиль татуировки

Рисунок 1- Виды кельтских узоров используемых в татуировке

Рисунок 2- Кельтские узоры в татуировке «готов» г. Владивостока
(фото сделанно автором)

ПРИЛОЖЕНИЕ Н

(справочное)

Славянский стиль в татуировке

Рисунок 1 - Виды славянского стиля в татуировке

Рисунок 2 - Славянский стиль татуировки (г. Владивосток)
(фото сделанно автором)

ПРИЛОЖЕНИЕ О
(справочное)
Краткие психофизиологические характеристики цвета по Н.З. Алиевой

Желтый: оптимизм, открытость, дружелюбность, отрицание формальностей, запретов и штампов, креативность.

Бежевый: приземленность натуры, тяготение к материальным благам, собранность и хладнокровность.

Красный: энергичность, коммуникабельность, напористость, стремление доминировать, подавлять собеседника, всегда быть лидером, болезненное отношение к своему статусу в глазах окружающих.

Розовый: потребность в любви и понимании, в сильном плече рядом, чувствительность к оттенкам настроения других людей, ранимость и эмоциональная уязвимость.

Коричневый: педантичность, упорство в достижении цели, внимание к благополучии близких, неприятие всего нового и любых перемен (даже изменения местоположения окружающих предметов), верность, злопамятность.

Черный: сложность и противоречивость натуры, самодостаточность, богатая внутренняя жизнь, приоритет собственной оценки любых действий над мнением окружающих, закрытость, отгороженность, порой наличие внутриличностного конфликта, скрытой депрессии, вызванной недовольством собой.

Белый: с одной стороны, чистота помыслов и невинность, а с другой, недостаточный волевой самоконтроль, значительный отрыв от реальности, неумение разумно оценить свои возможности.

Синий: умение сохранять спокойствие и собранность в любых экстремальных ситуациях, неумение отдаться эмоциям.

Голубой означает проблемы с постановкой реальной цели, желание того, чего в принципе достичь невозможно, вечная неудовлетворенность настоящим и фантастические мечты о будущем, неумение общаться и сохранять контакты продолжительное время.

Зеленый: сильно развитое инстинктивное начало и обостренная интуиция.

Приложение П
(справочное)

МЕТОДИКА «ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ» (М. Рокич)

Система ценностей ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и философии жизни.

Наиболее распространенной в настоящее время является методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списка ценностей. М. Рокич различает 2 класса ценностей:

1) терминальные. Убеждение в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;

2) инструментальные. Убеждение в том, что какой-то образ действий или свойство личности являются предпочтительным в любой ситуации.

Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства.

Респонденту предъявлены 2 списка ценностей (по 18 в каждом) либо на листках бумаги в алфавитном порядке, либо на карточках. В списках испытуемый присваивает каждой ценности ранговый номер, а карточки раскладывает по порядку значимости. Последняя форма подачи материала дает более надежные результаты. Вначале предъявляется набор терминальных, а затем набор инструментальных ценностей.

Инструкция.

Сейчас вам будет предъявлен набор из 18 карточек с обозначением ценностей. Ваша задача — разложить их по порядку значимости для вас как принципов, которыми вы руководствуетесь в вашей жизни. Каждая ценность написана на отдельной карточке. Внимательно изучите карточки и, выбрав ту, которая для вас наиболее значима, поместите ее на первое место. Затем выберите вторую по значимости ценность и поместите ее вслед за первой. Затем проделайте то же со всеми оставшимися карточками. Наименее важная останется последней и займет 18-е место. Работайте неспеша, вдумчиво. Если в процессе работы вы измените свое мнение, то можете исправить свои ответы, поменяв карточки местами. Конечный результат должен отражать вашу истинную позицию.

Стимульный материал

Список А (терминальные ценности):

1) активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни);
2) жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом);
3) здоровье (физическое и психическое);
4) интересная работа;
5) красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве);
6) любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком);
7) материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений);
8) наличие хороших и верных друзей;
9) общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе);
10) познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие);
11) продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей);
12) развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование);
13) развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей);
14) свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках);

15) счастливая семейная жизнь;
16) счастье других (благосостояние, развитие и совершенствование других людей, всего народа,
человечества в целом);
17) творчество (возможность творческой деятельности);
18) уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений).

Список Б (инструментальные ценности):

1) аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах;
2) воспитанность (хорошие манеры);
3) высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания);
4) жизнерадостность (чувство юмора);
5) исполнительность (дисциплинированность);
6) независимость (способность действовать самостоятельно, решительно);
7) непримиримость к недостаткам в себе и других;
8) образованность (широта знаний, высокая общая культура);
9) ответственность (чувство долга, умение держать слово);
10) рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения);
11) самоконтроль (сдержанность, самодисциплина);
12) смелость в отстаивании своего мнения, взглядов;
13) твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями);
14) терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения);
15) широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки);
16) честность (правдивость, искренность);
17) эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе);
18) чуткость (заботливость).

Анализируя иерархию ценностей, следует обратить внимание на их группировку испытуемым в содержательные блоки по разным основаниям. Так, например, выделяются конкретные и абстрактные ценности, ценности профессиональной самореализации и личной жизни и т. д. Инструментальные ценности могут группироваться в этические ценности, ценности общения, ценности дела; индивидуалистические и конформистские ценности, альтруистические ценности; ценности самоутверждения и ценности принятия других и т. д. Это далеко не все возможности субъективного структурирования системы ценностных ориентаций. Необходимо увидеть индивидуальную закономерность. Если не удается выявить ни одной закономерности, можно предположить несформированность у респондента системы ценностей или даже неискренность ответов.

Приложение Р
(обязательное)
Символика татуировок представителей субкультуры «готов» г. Владивосток

Рисунок 1- Наиболее распространенные символы у Владивостокских «готов» (фото сделано автором)

Изображение пятиконечной звезды «Athame» связанно с четырьмя элементами (огонь, вода, земля и воздух). Это одна из татуировок, которая часто встречается у готов. Из 30 респондентов она была у 17 человек.

Рисунок 2 - Наиболее распространенные символы у Владивостокских «готов» (фото сделано автором)

Крест «Анх», символ бессмертия (соответствует древнеегипетскому символу жизни, или души). Его форма может быть истолкована как восходящее солнце, как единство мужского и женского начал или других противоположностей, а также как ключ к эзотерическим знаниям и бессмертной жизни духа. Обнаружен у двадцати шести из тридцати представителей субкультуры «готы»

Продолжение приложения Р

Кирилл: Возраст: 26 лет; род деятельности: системный администратор**;** Девять лет состоит в гот-движении, имеет две татуировки, находящиеся на руке и спине.

Рисунок -3 Татуировка «готов» г. Владивостока
(фото сделано автором)

Рисунок 4-Татуировка в стиле кибер - готика
(фото сделано автором)

Продолжение приложения Р

Рисунок 5 – Представители субкультуры готов Владивостока на «Владивостокском Арбате» (фото сделано автором)

Рисунок 6 –Визуальные характеристики представителей субкультуры «готов», г. Владивосток (фото сделано автором)
Кристина – готесса, 21 год, студентка ВГУЭС, 4 года в субкультуре

ПРИЛОЖЕНИЕ С

(обязательное)

Татуировка представителей «эмо», г. Владивосток

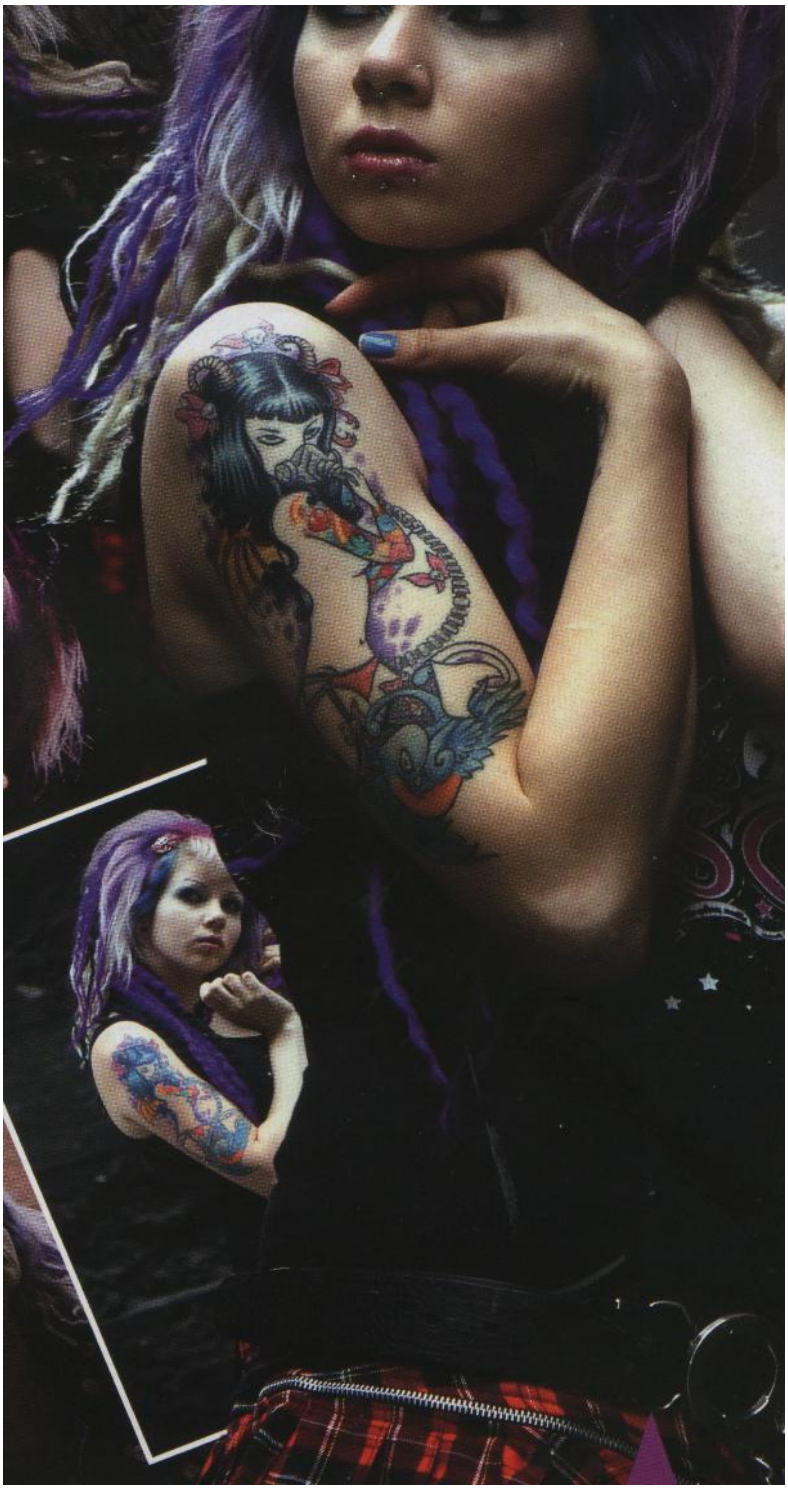

Рисунок 1- Татуировка представителей «эмо», г. Владивосток
(фото сделано автором)

ПРИЛОЖЕНИЕ Т
(обязательное)

Татуировки байкеров г. Владивостока

Рисунок 1-2 – Татуировки байкеров г. Владивостока
(фото сделано автором)

Продолжение приложения Т

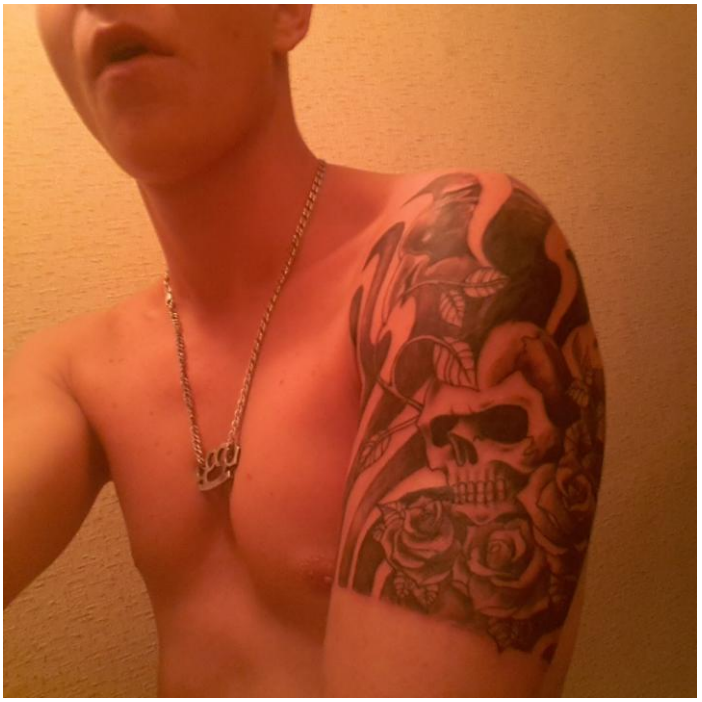

Рисунок 1 –Татуировка байкеров г. Владивостока
(фото сделано автором)

Антон Зверев, 21 год. «Байкер». Продавец автозапчастей. О татуировке говорит следующее: - «Череп не всегда несет негативный оттенок и может являться символом перемен или своеобразным напоминанием».

Приложение У
(обязательное)
Представители субкультуры «аниме» г. Владивосток

Рисунок 3 – Участники косплея, ВГУЭС, г. Владивосток, 2009 г.
(фото сделанное автором)

Продолжение приложения У

Рисунок 1- 2- «Аниме» г. Владивосток
(фото сделано автором)

Продолжение приложения У

Рисунок 1 – Представители субкультуры «аниме» г. Владивостока
(фото сделано автором)

Головина Евгения, Лян Ольга студентки 5 курса ВГУЭС. В субкультуре «аниме» с 2009 г. Причину вступления в субкультуру называют следующую: с помощью игры изучаешь историю и культуру Японии, нравится рисовать «манго», встречаться с людьми также увлеченными «аниме». Татуировку пока не сделали, так как пока не придумали свой эскиз.

Рисунок 2 –Участники косплея субкультура «аниме» г. Владивосток
(фото сделано автором)

Продолжение приложения У

Рисунок 1 – Татуировка субкультуры «аниме», г. Владивосток